В этом номере



СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Слово о женщинах Азербайджана

А. ШАМАРО

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН И МИЛЛИОНЫ

М. ПОПОВА

ФРЕЙД И РЕЛИГИЯ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Б. БЫХОВСКИЙ

РАССКАЗ О БЕССМЕРТНОЙ ГИПАТИИ

А. ЕМЕЛЬЯНОВ

Судьба монашки

3 • 1977





О руки женщины земной,
Вы под любой звездой и небом
Цветами пахнете весной,
Зимою — снегом, летом — хлебом.

Будь свята, женщины рука,
В которой скрыта неизменно
Боль, долгая во все века,
И радость, что всегда мгновенна.

В тебе сокрыт беззвучный звук
Всех песен счастья и несчастья.
Будь свята, слабость женских рук,
Неограниченность их власти.

Кайсын КУЛИЕВ (Перевод с балкарского)





Фото А. Годунова и В. Опалина

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 3 1977

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания восемнадцатый

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет Ю. Н. Фидлера.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

Духовный мир человека

Практика: опыт, проблемы

История и современность

Религия, церковь, верующий

Странички юных

Листая календарь

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

ДОРОГА

О. БРУШЛИНСКАЯ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ВСЕ, что написано, сказано, занесено в историю человечества о тяжкой судьбе женщины Востока, которую всегда называли не иначе, как многострадальной, относится и к азербайджанке. Лишь несколько десятилетий назад она была так обездолена, унижена, что порой ее и человеком-то трудно было считать, а скорее — существом или даже принадлежностью быта. Чадра — это внешнее выражение тех безжалостных требований и ограничений, которые определялись для женщины шариатским укладом жизни, — не только скрывала от мира ее лицо, но и закрывала от нее весь мир. И если от мужчины ислам требовал покорности — богу, судьбе, господину, то мусульманка могла быть лишь покорной тенью этого покорного мужчины. Каждый мусульманин хотя бы один раз в день возносил хвалу Аллаху за то, что он не создал его женщиной. Чадра скрывала не только лицо женщины, но и богатства ее ума и сердца. Сколько осталось за далью веков несчастных сестер сегодняшней азербайджанки — не спевших своей песни, не сказавших своего слова...

Все, что написано, сказано, занесено в историю нашей страны о новой жизни женщины, которую во всем мире теперь называют свободной и счастливой, относится и к азербайджанке. И столько таланта, поразительной энергии, высоких чувств воплощается сегодня в делах женщин этого края, что невольно кажется: они хотят сделать, сказать, спеть все, что не было дано их сестрам за всю предшествующую историю.

Обо всем этом — об исторических судьбах женщины Востока, о борьбе за ее освобождение и права, о месте представительниц «слабой» половины населения в сегодняшней жизни республики идет у нас беседа с Акимой-ханум Султановой — председателем Республиканского женсовета при ЦК Компартии Азербайджана. Моя собеседница — кандидат исторических наук — более 20 лет занимается проблемой женского движения в Азербайджане и во всем Закавказье. Но в том, что она рассказывает с академической точностью, как ученый-историк, слышна та особенная взволнованность, которая выдает личную заинтересованность. Это не только тема научного исследования, но и часть ее собственной судьбы, и содержание ее ответственной партийной работы.

Да, в биографии председателя женсовета много общего с судьбой тысяч азербайджанок — недаром женщины часто называют ее Акима-баджи, что значит — сестра. Ей не пришлось участвовать в революционных боях, но она была и свидетельницей, и участницей революции в жизни женщины Азербайджана.

Акима Султанова училась в 20-е годы, когда в Закавказье с каждым днем крепла Советская власть, но в школу ходила еще в чадре: родители строго-настрого запрещали снимать. Боялись. Чего? Общественного мнения, косых взглядов соседей, проклятия старших, но больше всего — религиозных фанатиков.

— В устрашение нам, девочкам, — вспоминает Акима-ханум, — старшие рассказывали, как в 1917 году на улицах Баку кочи — бандиты именем Аллаха расправлялись с теми женщинами, которые ходили в европейской одежде. Позже, когда я училась в Институте красной профессуры, я прочла об этом в документах. Да, так и было на самом деле. В семнадцатом году несколько азербайджанок пришли, без приглашения разумеется, на мусульманский съезд, который проводился в Баку под руководством мусаватистов. Учительницы Шафига Эфендиева, Адиля Шахтахтинская попытались даже сказать речь о пра-

К СВЕТУ

вах мусульманок. Съезд был глубоко оскорблен и возмущен появлением азербайджанок без чадры, с открытым лицом да еще с заявлением о каких-то правах. Мусульманский деятель Мир Мамед Керим оглы прервал выступление женщин и удалился, чтобы принять экстренные меры. Он собрал головорезов-кочи, фанатиков и дал им инструкции. С дикими криками они останавливали на улицах азербайджанок в европейской одежде, снимали с них туфли, требовали надеть шлепанцы и закрыться чадрой. К этому движению «за восстановление религиозных норм» присоединились и просто уголовники, много паники было в городе, немало смелых женщин пострадало тогда.

И тем не менее азербайджанка боролась за свои права, ей, как, может быть, ни одной другой женщине Востока, посчастливилось сказать свое слово в революции. Нет, нет, это совсем не значит, что женщины других восточных национальностей были менее смелы и решительны или не столь жаждали свободы. Дело здесь в другом. Женское движение в Азербайджане, участие женщин в революционных событиях было более активным и ярко выраженным — это исторический факт, который объясняется историческими же условиями, а их мы должны хорошо знать и учитывать, когда даем оценку общественным явлениям. Ведь Баку был одним из главных пролетарских центров России. Еще в революцию 1905 года Владимир Ильич Ленин назвал его в числе городов, которые идут в авангарде революционной борьбы, где «растет брожение рабочих и ширится забастовка»[1]. Революционная обстановка в Баку, содружество многих наций, сплотившихся в едином движении за свободу, активная деятельность большевиков, руководивших рабочим революционным движением, — все это не могло не оказывать влияния на женщин-азербайджанок. Они, несмотря на полную, казалось бы, невозможность этого из-за строжайших религиозных запретов, традиций, все же вступали на путь революционного и рабочего движения. Жены, сестры, матери революционеров становились их помощницами, включались в борьбу. Большевики Азербайджана очень много делали для политического воспитания женщин. В Баку в 1917 году было создано женское отделение большевистской организации «Гуммет». Нашим женщинам-революционеркам посчастливилось бороться и работать вместе с такими замечательными организаторами и воспитателями работниц и крестьянок, как Е. Д. Стасова, Н. Н. Колесникова, К. А. Ишкова, В. Н. Цейтлин, Р. М. Окиншевич и другие их соратницы. Вовлекая женщин в революционное движение, коммунисты руководствовались словами В. И. Ленина о том, что «успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»[2].

В шестидесятый год революции как можем мы не вспомнить с глубокой благодарностью и с поклоном тех азербайджанок, которые первыми показали своим сестрам, что возможна для них и другая жизнь, что надо ее завоевать своими руками. Айна Султанова, Джейран Байрамова, Шарабаны Зейналова, Хавер Шабанова-Караева, Рахима Гулиева... — они были первыми.

Пока Акима-ханум достает портреты этих женщин и раскладывает их на столе перед собой, я представляю себе ту̑ из них, что здравствует и сегодня — Джейран-ханум, ее 80-летие недавно отмечала общественность республики. Невысокая, изящная женщина, ясные глаза, веселый смех, быстрая походка, ироничная речь — все опровергает ее возраст.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 202.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.



В дореволюционном Азербайджане: женщины в чадре.

Но надо помнить, что она — дочь народа, славящегося долгожителями,— больше полутора тысяч азербайджанок перешагнули столетний рубеж и почти все они работают не хуже молодых. Джейран-ханум... Какая прекрасная жизнь! Вместе с мужем — известным революционером-ленинцем Али Байрамовым — шла Джейран по избранному пути. Работала делопроизводителем в мусаватистском парламенте — добывала для большевистской организации сведения о планах врагов революции. И пытки вынесла в тюрьме. И страшное горе — арест и зверское убийство мужа мусаватистами в марте 1920 года. Его похороны превратились в рабочую демонстрацию. Несломленная, она шла дальше дорогой борьбы. Уже в июне 1920 года Джейран создала клуб-читальню для мусульманок, которому суждено было обрести славу центра просвещения женщин Азербайджана, вовлечения их в новую жизнь. Клуб этот стал образцом для всех других республик страны, а потом и для зарубежного Востока. В 1922 году ему дали одно из самых красивых зданий в Баку, присвоили имя Али Байрамова.

Можно хорошо представить, как Джейран-ханум поднимается на трибуну I съезда женщин Азербайджана, созванного в 1921 году, гневно и насмешливо разоблачает тех, кто пытался сорвать съезд, распространяя слухи о том, что это красные вожаки собирают азербайджанок, чтобы выбрать самых красивых для своих гаремов.

Женщины Азербайджана тогда впервые собрались вместе, чтобы подумать, как облегчить свою судьбу. Многие из них, приехав в Баку, впервые увидели железную дорогу, город, электрический свет, трамвай... А те, кто уже знал и понял, как теперь жить, что делать, объясняли другим: «Советская власть — родная мать для женщин Востока». Делегатки съезда стали задавать вопросы, просили грамотных, чтобы написали от их имени в президиум, ожидали ответа. Одну из таких записок Акима-ханум десятки раз перечитывала в старой газете «Бакинский рабочий», которая тогда освещала работу съезда: «Мы, женщины-мусульманки, надеемся, что съезд запретит, чтобы нас выдавали замуж в 9—12 лет, когда мы только начинаем цвести, в угнетенье нашим мужьям». Разве это не было первым массовым возражением Корану и шариату?

Ни с чем не сравнимое по нравственной силе чувство единства и взаимной поддержки, общей решимости владело всеми участницами съезда, когда посылали они телеграмму Ленину, когда писали приветствие Коминтерну: «...Клянемся, что с этого момента дело революции встречает в лице женщин Азербайджана надежного союзника...»

А вскоре после съезда — 8 марта 1921 года — в Азербайджане впервые отмечался Международный женский день. И в организации первого съезда азербайджанок, и в праздновании 8 Марта деятельное участие принимала Айна Султанова, член партии большевиков с 1918 года. По словам Клары Цеткин, она стояла вместе с Клавдией Ишковой во главе коммунистической работы среди азербайджанских женщин. Акима-ханум Султанова недавно написала книгу об Айне Султановой.

— Акима-ханум, — спрашиваю на всякий случай, — вы с Айной однофамилицы или родственницы?

— Этот вопрос преследует меня всю жизнь, — вздыхает Акима-ханум. — И всякий раз, когда мне его задают, я испытываю острое сожаление, что мы с ней не родственницы, но потом я сама себя утешаю: ведь Айна, хоть и знакомство наше было недолгое, — одна из самых родных и близких мне, пример для подражания. Кажется, давно знаю каждый день ее жизни, а писала книгу — и снова восхищалась насыщенностью ее дней, огромной пользой, которую она приносила народу. Удивительная эрудиция, ясный, быстрый ум, сильная воля и чуткость к дру-

гим — подумать только, какая яркая личность выросла из простой крестьянской девушки! Родители ее не умели ни читать, ни писать, но все же послали свою дочь учиться, преодолевая традиции, стойко выдерживая осуждение односельчан. Ее первыми наставниками в революционной борьбе были Мешади Азизбеков, Нариман Нариманов, Гамид Султанов. Она работала вместе с Надеждой Колесниковой в Бакинской коммуне, ее руководителем на партийной работе был С. М. Киров. Она была их достойной ученицей и соратницей.

С именем Айны Султановой связано появление первого на Востоке женского журнала — «Шарк кадыны» («Женщина Востока»). Помню фотографию в этом журнале. В президиуме рядом с Айной Султановой — другая революционерка — Хавер Шабанова-Караева. Слова этой замечательной женщины, произнесенные ею на I съезде народов Востока, можно было бы поставить эпиграфом к рассказу о работе революционерок, о направлении журнала «Шарк кадыны»: «Коммунисты, признавшие за нами равное право, протя-



Иззет Оруджева в роли Севиль в одноименном кинофильме. 1929 год.

Бакинские театралы уговорили одаренную 16-летнюю девушку Шевкет Мамедову выступить на оперной сцене. Было это в 1913 году. Петь перед публикой было ее мечтой, но юная певица согласилась со страхом, сомнением — никто из азербайджанок до нее не осмеливался выйти на театральные подмостки, нарушить вековые обычаи, которые запрещали восточной женщине даже появляться в театре рядом с мужчинами, не то что петь с ними в спектакле. Однако этот дебют не состоялся: ревнители религии, «блюстители нравственности» устроили дикую кампанию против Шевкет, опечатали кассу театра, настроили против нее общественное мнение. Осыпаемая оскорблениями, Шевкет была вынуждена покинуть Азербайджан. Потом она училась в Тифлисе, Киеве, Минске и лишь после установления Советской власти в Азербайджане — в 1920 году вернулась в Баку, стала солисткой Театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова. В 1938 году Шевкет Мамедова первая из азербайджанок получила звание народной артистки СССР. Сейчас она — профессор Азербайджанской Государственной консерватории имени Уз. Гаджибекова.

В 1929 году Бакинская киностудия выпустила фильм «Севиль» по пьесе известного азербайджанского писателя Джафара Джабарлы. Он был и одним из постановщиков картины. Его героиня Севиль из робкой, молчаливой, отгороженной от мира семейным укладом и обычаями женщины преображается в яркую личность, страна социализма открыла ей дорогу к новой жизни. Нелегко было найти исполнительницу этой роли. Она должна была быть азербайджанкой: речь шла о революции в жизни женщин именно этого края. Киноактрис местной национальности еще не существовало. Первой актрисой кино в Азербайджане стала юная Иззет Оруджева. «Долой чадру! К свету! К знаниям!» — звал азербайджанок фильм «Севиль». Призыв этот звучал так сильно и убедительно, что, случалось, женщины прямо в зале после сеанса сбрасывали чадру, плакали в предчувствии счастья... Иззет Оруджева не стала профессиональной актрисой, хотя сыграла еще одну роль — в фильме «Алмаст». Она стала первым среди женщин доктором наук в области химии нефти. Сейчас Иззет Мирза-Ага кызы Оруджева—академик Азербайджанской ССР.



Академик Иззет Мирза-Ага кызы Оруджева. 1975 год.

нули нам руку, и мы, женщины, будем самыми верными их спутниками».

Сейчас ученые разыскивают письмо В. И. Ленина, в котором он, по свидетельству людей, заслуживающих доверия, писал о том, что «Шарк кадыны» должен стать центром женского движения на Востоке. Первый женский журнал в наших краях — тема особого разговора. Я о нем сказала в связи с именем Айны, которая сумела поставить его на службу просвещению женщины, освобождению ее от власти религии, формированию новой ее психологии, свободной от вечной покорности. Позже, когда в других республиках Советского Востока появились свои женские журналы, это издание стало называться «Азербайджан кадыны». Три года назад мы отметили его 50-летие. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев сказал о нем тогда: «Журнал явился непревзойденной школой жизни для многих женщин-азербайджанок... Страницы журнала — это волнующая летопись истории женского движения в Азербайджане, побед и свершений женщин-азербайджанок в строительстве социализма и коммунизма».

Я люблю этот журнал, — Акима-ханум держит старую книжку «Шарк кадыны», как талисман, как дорогую сердцу вещь. — Но особенно мне дороги те его номера, что вышли в 1929 году, я будто читаю свою жизнь, вернее ее начало, вижу, где истоки того пути, по которому пошла моя биография.

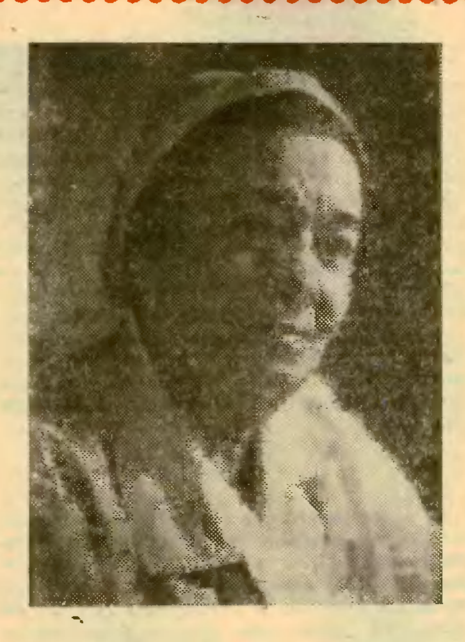
Акима-ханум рассказывала, что сбросила чадру в 1929 году, когда кончила школу. Именно тогда большинство азербайджанок реально ощутили особый вкус новой жизни, огромный мир открывался уж не сотням, а тысячам мусульманок. Конечно, они и называли, и считали себя мусульманками, тогда они еще не могли себе дать отчет в том, что фактически выходят из-под власти религии, боялись думать, что все происходящее с ними и вокруг них никак не укладывается в религиозные нормы и предписания.

— Многие из нас научились уже тогда смотреть прямо и вперед, а не в сторону и в землю, как было всегда. Тот год, 1929-й, — это и есть начало худжума — наступления на всех фронтах борьбы за полное раскрепощение женщины Востока. Вижу, вижу,— говорит она, заметив мое желание задать вопрос. — Вы хотите сказать, что многие историки считают началом 1926 год.

— Да, даже 1925-й, — соглашаюсь я.

— Видимо, мы расходимся с этими моими коллегами в понятиях. То, что они считают худжумом, происходило и раньше, и в первые годы Советской власти. И в 1922 году в Закавказье и в Средней Азии было немало женщин, которые сбрасывали чадру и паранджу, принимали участие в работе комбедов, парткомов, Советов. Уже тогда стремились к знаниям, просили научить их читать и писать, ибо считали самой страшной чадрой для себя свое невежество. Многое делалось в первые годы Советской власти для раскрепощения женщин, облегчения их судьбы, их просвещения. Но это была лишь необходимая подготовка к худжуму — массовому повороту женщин к новой жизни. Женское движение шло по восходящей все эти годы, но только с 1929-го наступление стало широким, массовым, захватило тысячи, это уже были не прорывы крепости в разных местах с переменным успехом, а именно наступление, решительно сметавшее все заградительные валы и укрепления на своем пути. К тому времени окрепла и завоевала безусловный авторитет у народа Советская власть в Азербайджане. Появилась экономическая основа для больших социальных перемен, какой и было, в частности, вовлечение женщин в общественную и производственную жизнь. Росли колхозы, открывались школы и детские сады, ясли, строились новые заводы. Вошел в обиход новый алфавит, для простой азербайджанки он сокращал во много раз путь к грамоте. Стал действовать декрет «О брачном праве мусульманок», которым многоженство, калым, выдача замуж несовершеннолетних объявлялись преступлением против закона. В 1920—1921 году в школе училось больше шести с половиной тысяч девушек, а в 1928—1929-м — около 22 тысяч, и с каждым годом их становилось все больше. Начиная с 1929 года растет число азербайджанок на производстве, на нефтяных промыслах. И в 25-м, и в 26-м снимали чадру десятки и сотни женщин. Но в 1928 году ее сняли 12 с половиной тысяч азербайджанок, а в 1929—1930 — уже больше тридцати тысяч. В это время много женщин-азербайджанок пришло на партийную и советскую работу, 93 сельских Совета в 1929 году возглавляли азербайджанки.

Акима-ханум легко, уверенно, не справляясь в книгах, называет эти и многие другие не менее интересные цифры. Не зря мне говорили, что председатель Республиканского женсовета — это энциклопедия по женскому вопросу: она точно знает имена, события, даты — от первых дней революции до нынешнего времени.



Имя Героя Социалистического Труда главврача родильного дома № 5 Шамамы Алескеровой занесено в республиканскую Книгу всенародного почета.

Герой Социалистического Труда Шамама-ханум Алескерова — один из самых известных в Азербайджане женщин. Больше тридцати лет она на посту главного врача роддома № 5 в Баку, в старейшем нефтяном районе — имени 26 бакинских комиссаров. Она называет себя самой богатой бабушкой на свете — со дня открытия роддома — с 1945 года — здесь родилось более 80 тысяч новых граждан нашей страны. «Я выучилась грамоте в 25 лет,— рассказывала о себе Шамама-ханум в газете.— Если бы не Советская власть, так в унижении, страхе и бесправии прошла бы моя жизнь, как жизнь матери и бабушки. Из поколения в поколение они завещали дочерям покорность и терпение. Так начиналась и моя молодость... Хорошо помню первые в своей жизни книжки: я прочитала их, уже будучи матерью, в клубе имени Али Байрамова. Здесь была моя первая школа грамоты, школа новой жизни. Было всякое: старухи шушукались нам вслед, муллы посылали на наши головы проклятия, дома неистовствовали родные. Но новое побеждало, все больше женщин приходило к нам в клуб, приходили в чадре — уходили с открытыми лицами, садились за учебники, участвовали в общей работе... Здесь я получила путевку на рабфак, стала коммунисткой... В 32 года я стала студенткой. Только получили дипломы — тут война. Три года была военным врачом, потом начальником хирургического отделения в военном госпитале...»

— Я иногда забываю,— говорит Акима-ханум,— что, может быть, не для всех, как для меня, эта статистика звучит почти как радостная песня. Но не удержусь еще от одной, совсем маленькой цифры. В том же 1929-м в ЦК комсомола Азербайджана появилась первая девушка-азербайджанка, ее направили по ходатайству Айны Султановой для работы с молодыми мусульманками. Это была я, едва сбросившая чадру, но по тем временам довольно образованная, а главное — от всего сердца жалевшая тех, кто не только ходит в чадре, но и не знает грамоты, и потому готовая все сделать, чтобы им стало так же свободно жить и дышать, как и мне. Мне повезло в друзьях, наставниках, учителях. Достаточно сказать, что среди них были Айна-баджи, Джейран-ханум... В 1930 году меня избрали секретарем ЦК комсомола. Потом я была на партийной работе, вплоть до Великой Отечественной войны. Работала и в женотделе ЦК партии.

Великий подъем охватил всю нашу страну в годы первых пятилеток. И Азербайджан в большой дружной семье народов, при их помощи и поддержке тоже строил, учился, боролся.

Учительницы ходили в производственные артели, бригады, учили работниц грамоте, помогали вовлекать в производство побольше женщин. В клубе имени Али Байрамова работали писатели, актеры, музыканты, художники — они выступали, руководили студиями и кружками, просто беседовали с гостьями в уютных комнатах клуба. А сюда приходило все больше и больше мусульманок — одна приводила другую, возникала цепочка — связь между старым и новым миром женщин, и надо было сделать так, чтобы им стало здесь интересно, хорошо, спокойно, чтобы захотелось прийти снова и снова. По словам Клары Цеткин, если партийные женотделы были генеральным штабом, ведущим поход по всей республике, то клуб Байрамова — главная его крепость, а другие клубы в городах и селах — передовые укрепления.

Не обходилось и без серьезных огорчений, — хмурится Акима-ханум. — Появился в начале 30-х годов один деятель в Наркомпросе республики, решил по-своему, «по-боевому», бороться с женской отсталостью — издал приказ: «Не пускать в общественные места, то есть в клубы, кинотеатры, театры, вечерние школы и т. п., женщин в чадре!» Мы вовлекали женщин в общественную жизнь в любом виде — в чадре, в шлепанцах, как угодно, лишь бы были открыты нам их уши, сердца. Приходите только, говорили мы им,

слушайте, учитесь. Мы понимали, что движение руки, сбрасывающее чадру, должно идти не извне, а быть движением души.

Те методы, которые оправдали себя в то время, и сегодня у нас на вооружении. По опыту своей работы в женсовете, скажу, что нельзя, например, женщину, которая еще верит в бога, стыдить за это. Но нельзя и забыть о ней, отвернуться от нее. Надо вовлечь ее в общественную жизнь, попытаться заинтересовать чем-то, не оставить в трудную для нее минуту, постараться просветить, приобщить к знаниям. Конечно, сегодня это несравненно легче, сегодня вся наша жизнь — за нас. Но сейчас нам иногда, может быть, не хватает именно горячего желания, темперамента, увлеченности. Нет, не в наших основных делах, а в другом, когда надо сделать что-то сверх основного. Но, видимо, я здесь проявляю максимализм. Мне, хорошо помнящей прежние наши годы, когда мы работали в таких трудных условиях, хочется, чтобы сегодня, когда жизнь богата, интересна, осмысленна, все без исключения были увлечены и самоотверженны. Без исключения. Хотя энтузиазма многих моих современниц, тех, скажем, что работают в Республиканском женсовете, хватило бы на десятерых.

Так получилось, что разговор наш из далеких тридцатых годов, нарушив хронологию, перешел к сегодняшнему дню. Что ж, невозможно и за несколько часов даже бегло коснуться всех событий истории азербайджанки за годы Советской власти, даже называя лишь немногие, самые прославленные имена. Да что история! Только о том, что сделала женщина-азербайджанка в минувшей пятилетке — в промышленности, в сельском хозяйстве, в



Машинист сепаратора из Дашкесана Назани Мамедова была делегатом трех съездов КПСС — XXIII, XXIV, XXV.

Великий азербайджанский просветитель-демократ Мирза Фатали Ахундов (1812—1878 гг.) во времена безраздельного господства мусульманской религии в духовной жизни своего народа одним из первых поднял голос в защиту прав женщины-мусульманки, призывал общество открыть ей дорогу к знанию. В прошении о принятии своей дочери Ниса-ханум в Тифлисский девичий институт он с горечью писал губернскому начальству: «К сожалению, мои единоверцы во всех мусульманских мирах, особенно в Закавказском крае, не только считают образование женского пола бесполезным, но даже многие из них утверждают, что это вредно ей в отношении нравственности».

«У меня радостное событие. На всесоюзных соревнованиях авиамоделистов установила рекорд...» «Меня приняли в комсомол. Впервые совершила самостоятельный полет на планере...» «Получила диплом об окончании бакинского мореходного техникума. Теперь я морячка. Буду водить корабли по морям и океанам!» Это строки из дневника, который вела Шовкет Шахбаз кызы Салимова почти сорок лет назад. В 1942-м она стала капитаном парохода «Днепр», который доставлял в Астрахань из Баку боевую технику, горючее, боеприпасы. Каждый рейс был поддержкой нашим войскам, сражавшимся в Сталинграде. Не раз попадали под обстрел, под бомбежку. Орден Красной Звезды был наградой капитану за отличное выполнение заданий.

Сейчас Шовкет Салимова заведует кафедрой общественных наук Азербайджанской консерватории имени Уз. Гаджибекова. Она прекрасный педагог, воспитатель, друг студентов.

Двумя крупными вузами Азербайджана руководят женщины. Медицинский институт возглавляет доктор медицинских наук Захра Кулиева, ректор Института иностранных языков — доктор филологии Земфира Вердиева. Женщины заведуют многими кафедрами вузов. Сара Алескерова ведет кафедру сопротивления материалов в Азербайджанском институте нефти и химии имени М. Азизбекова, Шовкет Салимова — кафедру общественных наук в консерватории. Женщины в Азербайджане занимают и высокие государственные посты. Зулейха Саидмамедова — министр социального обеспечения. Сакина Алиева — председатель Президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР. Зулейха Гусейнова руководит республиканским Советом профессиональных союзов.

науке, искусстве,—литераторы могут написать (и, конечно, уже пишут) целые повести, книги, где чистая правда будет как сказка, и документальное описание событий похоже на фантазию. Добрая половина всех материальных и духовных богатств республики создается трудом, волей, талантом женщин. В нашей стране 25 тружениц стали дважды Героями Социалистического Труда. Две из них родились на азербайджанской земле — хлопкоробы Басти Багирова и Шамама Гасанова. А в республике 200 героинь труда. Недавно в их число вошла и 27-летняя Солмаз Алиева из ленкоранского села Ашагы Нугеды. В знаменательном для нее 1973 году, когда вручили ей Золотую Звезду, ее звено уже не только девятую пятилетку завершило, но и заканчивало десятую. Сейчас на полях, где работает звено Солмаз, посажены овощи, урожай которых идет в счет плана 1983 года! Как-то Солмаз вот что сказала пионерам своей родной школы, которые все мечтают стать такими, как она, не просто любят, а боготворят ее: «Не в том подвиг, ребята, чтобы стать героем, а в том, чтобы им оставаться. А для этого надо всей душой любить свое дело, трудиться не только руками, но и сердцем».

Да, правы те, кто сказал, что труд создает не только материальные, но и нравственные ценности. И тут не знаешь, что важнее для нас — ежегодные тысячи тонн овощей сверх плана или пример самоотверженности, творчества для младшего поколения. Но и невозможно одно без другого.

Ткачиха Саида Орбелян из Карабаха тоже выполнила две пятилетки за одну и теперь, как и ее подруга Кнарик Аракелян, имеет лучшее украшение для современной женщины — Золотую Звезду Героя Труда.

Хлопкоробы, ткачихи — это давние женские профессии на Востоке, хотя веками они не ведали ни награды за свою работу, ни признания. А вот ни скульпторов, ни художниц, ни композиторов не было среди женщин в дореволюционном Азербайджане. Сегодня они есть — талантливые и признанные: скульпторы Хаят Абдуллаева, Зивер Мамедова, Эльмира Гусейнова, художницы Марал Рахманзаде, Гюлли Мустафаева, композиторы Шафига Ахундова, Эльмира Назирова...

Об азербайджанской женщине в науке многое говорят всего две-три цифры, они, по мнению Акимы-ханум, содержательнее обширных описаний. В институтах и лабораториях Академии наук республики работают три тысячи женщин, 20 из них руководят научными учреждениями, 200 имеют ученые степени и звания. Азербайджанка Иззет Оруджева первая в СССР среди женщин-специалистов в области технологии нефти получила звание доктора наук. Сейчас она — академик АН Азербайджана. Этого высшего научного зва-



Два мастера-хлопкороба, два Героя Социалистического Труда — председатель колхоза имени Тельмана Кызгаит Гасанова и бригадир Арастун Мамедов.



Герой Социалистического Труда звеньевая овощеводов Солмаз Алиева.

ния была удостоена и биолог Валида Тутаюк. Шукюфа Мирзоева — первая на Востоке женщина, защитившая докторскую диссертацию по философии, — делает научные доклады по марксистской эстетике на международных симпозиумах. Профессор истории Пюста Азизбекова собрала и систематизировала ценнейшие документы о роли В. И. Ленина в истории революционной борьбы народов Востока...

Получается так, что, упоминая знаменитых женщин Азербайджана, я перечисляю тех, кто входит в Республиканский женсовет, избранный на IV съезде женщин Азербайджана в 1972 году. В нем 102 женщины — мастера труда, партийные работники, педагоги, ученые, врачи, актрисы, художницы, государственные и общественные деятели... Цвет нашей земли, соль соли ее — на таких людях держится жизнь.

О чем же совещается, что и кому советует представительная организация, объединившая столь замечательных женщин? Но вопрос Акиме-ханум я задаю немного другой.

— Акима-ханум, а может быть, сегодня и не нужен в республике женсовет, сменивший в свое время женотделы партийных организаций Азербайджана? Ведь сегодня нет тех проблем, которые решались в тридцатые, сороковые и даже в пятидесятые годы. Например, малограмотные женщины в республике составляют незначительную долю процента, да и то в самой старшей возрастной группе.

Акима-ханум улыбается:

— Я совершенно убеждена, что женсоветы необходимы в каждой республике и области, во всех городах, районах, селах. У нас, женщин, есть и свои особые проблемы. Решать их нужно сообща и с помощью самых активных, талантливых и энергичных. Как говорят, кому много дано, с того много и спросится. Сегодня на первый план у нас так или иначе выходят вопросы нравственности, воспитания. Женщине здесь принадлежит особая роль. В ее руках будущее общества — дети. Она может оказывать благотворное воспитательное воздействие и на коллектив, где трудится. В поле зрения наших женсоветов множество женских судеб, мы стараемся не упустить тревожного случая, вовремя прийти на помощь.

Председателей районных женсоветов в Баку, скажем, хорошо знают и женщины-работницы, и домохозяйки. Женсовет Октябрьского района города возглавляет, например, директор Института охраны детства и материнства Кюбра Фараджева, Насиминского района — ректор мединститута Захра Кулиева, района 26 бакинских комиссаров — академик Иззет Оруджева. Нет необходимости всех перечислять, но я знаю твердо, что общение их с работницами, сельскими труженицами, выступления в больших аудиториях и беседы в узком кругу молодых женщин, участие в отдельных судьбах очень плодотворны, приносят огромную пользу обществу именно в нравственном аспекте. Женсоветы создают у женщин ощущение общности судьбы, не дают возникнуть отчуждению, — разве это не сказывается благотворно на улучшение духовной атмосферы? Как бы ни были признаны успехи лучших производственниц, колхозниц, а наш женсовет позаботился еще и о том, чтобы издавались брошюры, альбомы, плакаты под общим названием «Славные дочери народа», прославляющие женщин — героев пятилетки. Эта гласность вдохновляет их, повышает чувство ответственности перед народом. А пример их становится сильным воспитательным средством для других, особенно для молодежи.

Женсоветы республики заботятся о том, чтобы вовлечь как можно больше женщин в общественную жизнь, интересуются дальнейшей судьбой девушек — выпускниц школ, помогают им поступить на работу, выбрать профессию.

А разве не важно, что в ряде районов по нашей инициативе появилась новая должность — внештатный заместитель председателя колхоза (или директора совхоза) по культурно-массовой работе среди женщин? Это уже проверено — там, где весело и разумно организован досуг женщин, где заботятся об их просвещении, где не забывают об их нуждах, они и работают лучше, и активнее становятся. Как результат всего этого — падает и влияние религии, уходят в прошлое религиозные обряды.

— Акима-ханум, а что вы, кстати, считаете наиболее надежным заслоном от влияния религиозной идеологии? Ведь как ни слабы ее позиции, религиозная проповедь продолжается и религиозные обычаи нередко еще соблюдаются.

— Таким заслоном я считаю прежде всего труд.

— Но ведь нельзя сказать, что мусульманка в прежние времена не трудилась. Вся жизнь проходила в непосильном труде, а вера ее в Аллаха и надежда на него была крепка.

— Вот именно: в тяжком, непосильном. Но в нашем обществе смысл и содержание труда изменились. В нем проявляется твор-

чество, раскрываются духовные силы, осознается принадлежность к общему делу, возникает ощущение слитности с коллективом. Такой труд дает постоянное духовное обновление и обогащение, как бы обычно это для нас с вами сегодня ни звучало. А что касается религиозных обрядов, тут нам надо быть принципиальными. Мы иной раз не придаем значения тому, что наши товарищи, родственники соблюдают религиозные обряды. Молодежь, бывает, молится, ходит в мечеть или в церковь, иной раз девушка или парень крестик на шее носит или амулет. Когда я такое вижу, думаю с горечью, что для нас, строивших новое, отказ от обычаев, от религиозных норм был подвигом, вызовом, самоотречением. Многие девушки, чтобы как-то выразить свое отношение к религиозным запретам, проявить волю, — даже свои косы роскошные отрезали, считая это действие актом самоутверждения. Поверьте, это было нелегко идти против многих, а в семье иногда — и против всех. А сегодня иные соблюдают религиозные обряды или носят крестик на шее не из убеждения, а просто так: мол, хочу и буду, никто не может запретить. Конечно, никто не запретит, но ведь здесь беспринципность и даже оскорбление тех, кто когда-то поплатился жизнью за то, что снял чадру или нарушил другие религиозные обычаи. Эта проблема тоже стоит сегодня перед женсоветами, их долг — нравственно воспитывать молодежь, влиять на родителей.

Много дано нашим женщинам, и они стараются не остаться в долгу перед обществом, народом. Не знаю, заметно ли это другим, но, с моей точки зрения, духовный мир нашего края за годы Советской власти стал богаче и ярче еще и потому, что в жизнь вошла активной участницей женщина, что проявились в делах республики ее энергия, способности, свет ее освобожденной души...

В Баку, городе, богато украшенном прекрасными скульптурными творениями, есть один особенный монумент работы Фуада Абдурахманова. Он называется «Освобождение». Женщина с прекрасным открытым лицом смотрит спокойно и уверенно. Она и величественна и мягка, в ней и сила и доброта, от нее будто исходит свет, дающий жизненные силы. Наверное, жена скульптора доктор философских наук Шукюфа Мирзоева видит в этой женщине свои черты, но я узнаю в ней и ее, и каждую женщину этого прекрасного солнечного края.

Читайте в следующем номере:

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Интервью, заметки, информация о памятниках культуры

«РАДУГА» СЛУЖИТ ЛЮДЯМ

Рассказ о сотрудничестве в Космосе

М. ТАРАКОВСКИЙ

ВЕКТОР ЭВОЛЮЦИИ

Закономерно ли появление Человека разумного

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

«Святые письма». Гадание. Дорога в рай. Помощь пришла вовремя. Праздник без вина.

Г. ГАЛЬПЕРИН

ЭФИОПИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ

„Лети с приветом, вернись с ответом..."

В. ШЕВЕЛЕВ

— Вы не очень торопитесь?

Это был первый вопрос, который задала мне при встрече Зоя Федоровна. И пояснила:

— Понимаете, вам никак нельзя в спешке разбираться. Не тот случай.

Я и сам понимаю, что случай не тот, стараюсь вникнуть в обстоятельства спокойно, не спеша...

Село Давыдково очень красиво расположено: на высоком берегу, с которого далеко виден простор лугов, где неспешно вьется тихая река, густо заросшая по берегам осокой, совсем далеко на горизонте ровная полоса леса. Мы гуляем по берегу с Зоей Федоровной Тимофеевой, и она рассказывает о себе.

— Я родилась в Ленинграде, там закончила педагогический институт, там и работать начала. А потом по комсомольскому призыву сюда приехала. Здесь замуж вышла, директором школы стала, здесь и свои дети выросли, теперь уж и ученики своих детей растят. Первые годы я мечтала: вот поработаю еще немного, вернусь домой, в Ленинград. А теперь так не думаю, все здесь сейчас, в Давыдкове, — и семья, и работа, и интересы все.

Почти все жители села, которым меньше тридцати, — ее ученики. Они навсегда остаются ее учениками — окончив школу, став отцами и матерями. Зоя Федоровна ревниво следит за тем, как живут ее питомцы, не очерствели, не омещанились ли? Забота о судьбе одной из учениц — Любы Фокиной — и заставила Зою Федоровну написать в редакцию.

— Хорошо, что вы на мое письмо откликнулись и приехали. Очень уж мне Любу жалко. Да и Сеню тоже... Когда Семен ушел в армию, я думала, у них наладится. Поварится Семен в солдатском котле вдали от своих отца с матерью, станет ему светлее. Вначале дело к тому шло. А потом, видите, мать к нему съездила, поговорила, и Люба от Семена совсем другое письмо получила. Попробовала я еще раз к старику Стеценко зайти. В прошлом, правда, все мои попытки ни к чему не приводили — старик очень убежденный баптист и детей держит крепко. И в тот раз никакого разговора у нас не получилось. Стала я его убеждать, чтоб он не мешал молодым. Тем более, что Фокину эту он знает прекрасно — она медсестрой в нашей больнице работает, и ничего плохого о ней никто сказать не посмеет; и дело свое знает, и девушка очень душевная. А старик набычился, слушал меня через силу и только одно в ответ: «Это дело не общественное...»

Трудный случай. Семену родители внушают: женишься на неверующей — не будет тебе счастья, мы от тебя тотчас же откажемся — ты не наш сын. Или пусть твоя невеста нашу веру примет. Но с Любой у них ничего не выйдет. Она не из такой семьи. Отца ее многие здесь помнят — он кузнецом был, потом в войну погиб героем. И мать тоже, как и отец, в бога не верит и убеждения свои передала дочке. Поговорите вы с Любой. Мне почему-то кажется, что сейчас, пока Семен еще в армии, вдали от привычной среды, им легче помочь.

Я познакомился с Любой Фокиной и тут понял, почему Зоя Федоровна при нашей первой встрече предупреждала меня против торопливости. Сама ситуация была достаточно щепетильной, вдобавок Люба отличалась исключительной стеснительностью. Когда я в первый раз спросил ее о Семене, она густо покраснела, и никакого разговора у нас не получилось.

Прошло время, пока она привыкла немного и стала рассказывать — сначала о работе, потом о матери и уж потом — все равно краснея и смущаясь, о Семене, о себе и Семене. Еще через какое-то время она достала пачку писем, аккуратно сложенных в деревянную шкатулку, и протянула мне.

— Нате, прочитайте. Мне Зоя Федоровна сказала, что, если вы эти письма прочитаете, вам легче будет понять, что и как. Сейчас я согласна — читайте.

Люба помолчала.

— Тут еще одна пачка отдельно лежит. Это мои письма к Семену — он их мне вернул, когда написал, что у нас все кончено... Если захотите, их тоже можете прочесть.

Я перечитал письма молодых людей несколько раз и понял, что самое полезное было бы их напечатать в таком вот первозданном виде, только изменив имена. Я спросил Любу, не будет ли она возражать. Она подумала, потом вздохнула горько.

— Печатайте, если кому-то польза...

Мне оставалось расположить письма в хронологическом порядке да опустить по просьбе Любы несколько мест. Впрочем, никакого значения для понимания сути происшедшего они, по-моему, не имеют.

Рисунки Т. Гнисюк.



Здравствуй, дорогая Люба!
Я пишу тебе в вагоне поезда, который везет меня к месту моей службы. Все дальше становится и Рязань, и наше Давыдково. Люба, ты не думай, пожалуйста, что я забыл, что ты мне сказала на прощанье. Я все очень хорошо помню. Когда мы говорили о том, как все у нас с тобой будет после того, как служба кончится и я вернусь домой, ты сказала, что моим родителям не нравится, что ты работаешь медицинской сестрой. Это совсем не так. Ты, наверное, думаешь, что мои родители отсталые люди. На самом деле они очень хотели, чтобы я получил образование, давали мне читать книжки. И ты хорошо знаешь, как я люблю читать. Мои родители с уважением относятся к тем людям, которые своей профессией избрали лечить людей. Твоя профессия очень важная и почетная, и я даже не представляю себе, кто может сказать иначе. Знаешь, Люба, прошло совсем немного времени, как мы расстались, а я очень по тебе соскучился. Не сердись, что почерк такой плохой: трясет в вагоне сильно, и темно. Старшина велит нам укладываться спать, поэтому кончаю писать. Лети с приветом, вернись с ответом.

С е м е н С т е ц е н к о.



Здравствуй, Сеня! С поклоном к тебе Люба. Сенечка!
Спасибо тебе за письмо. Еще никто из девочек не получил, а я уж получила. Вот ты у меня какой. А я и не ждала. Мы с мамой ботву жгли на огороде, а Клавка-почтальон мимо идет. Я на нее и не смотрела даже, потому что не ждала. А она говорит: «Солдатка, тебе письмо!» Я даже охнула от неожиданности. А мама говорит, руки-то оботри, а то потом под грязью-то и не разберешь, что тебе солдат написал. Сенечка! Мы, как вас проводили, от станции все ехали на грузовиках и все пели да пели. А твои и Загвоздины на машинах не поехали — на подводах. А потом, как у клуба вылезли, все никак разойтись не могли, пели и даже поплясали немного. А вашей Веруни не было с нами, ее не пустили. А потом мне мама говорит: позови Сениных родителей к нам да Веруню. А я говорю: ты что, маманя, они не придут. И не пошла я. А может, я и неправильно сделала, а надо было пойти. Да я как на твою маму-то посмотрю, у меня сердце в пятках.

Сенечка, ты служи хорошо, а я буду ждать. А дожди пройдут, ты только жди. Кланяются тебе все девчата, и даже наша врач Антонина Валентиновна просила передать привет. Напиши обязательно, как идет твоя служба. Жду ответа, как соловей лета.

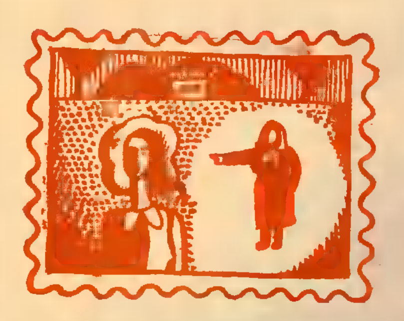
Л ю б а.



Здравствуй, Люба!
Письмо твое получил, за что тебе очень благодарен. Ты спрашиваешь, как идет моя служба. Первое время было трудно, сейчас полегче. Пока никаких замечаний не имею. Наш командир товарищ Кузьминых Павел Константинович мне и всем нашим нравится. Он спокойный, не кричит и не сердится, если у нас, солдат, что-нибудь не получается. Солдаты, которые служат со мной, все из разных мест, когда есть свободная минута, они рассказывают про свою родину и приглашают меня, когда кончится служба, приехать к ним погостить. Люба, я тебе открою один секрет. Я еще никому не сказал, что я верующий. Этого не знает никто из моих товарищей, не знает и Павел Константинович. Это, конечно, нехорошо, надо говорить правду. Но я все не могу решиться, и от этого мне неспокойно на душе. Люба, ты написала, что тебе трудно говорить с моей матерью. Это меня очень огорчает. Ты просто плохо знаешь мою мать. Если ты узнаешь ее лучше, ты увидишь, что она добрая и сердечная.

Пиши мне подробно о своей жизни. Жду ответа, как солдат обеда. Это я написал в шутку, потому что кормят нас нормально

С е м е н С т е ц е н к о.



Здравствуй, Сеня! С поклоном к тебе Люба.
Ой, Сеня, у нас тут такие дела завертелись, не знаю, как и написать. В общем, так. Наш председатель Кондратий Петрович сказал твоей сестре Веруне, что ее хотят послать на курсы счетоводов. Открываются в Касимове на четыре месяца. Веруня сначала обрадовалась, ко мне прибежала. А потом, назавтра,—нет и нет. Я ей говорю, почему нет-то? Плохо ли? Я вот ездила в Рязань учиться, так теперь и профессию имею. Да Антонина Валентиновна говорит: еще пошлем, чтоб могла хирургической сестрой работать. А Веруня ни в какую. И плачет сама, и головой мотает — не поеду, мол. А Кондратий Петрович, конечно, правильно говорит: это все старик Стеценко. Я, говорит, до него доберусь.

А я, Сеня, вижу, что Веруня переживает, и пошла к вам домой. Дай, думаю, расскажу, как я училась и что в городе-то ничего страшного нет. А меня твоя мама-то на порог не пустила. Ой, Сеня, пишу и плачу. Я разве что плохое хотела? Я хотела только рассказать. А мама твоя ласково так говорит: иди отсюда, девушка, без тебя разберемся, а глаза у нее такие, Сеня, что я и не помню даже, у меня аж мураши по спине. И Веруня говорит: иди, Люба, а сама плачет. Ну, я и ушла. А ты говоришь, Сеня, что твои родители образование уважают. Нет, Сеня, они Веруню и в клуб не пускают, а ведь мы там пьесу ставили очень хорошую. И учитель Сергей Сергеевич говорил, что Веруня очень даже подходит на роль Марии. А ведь не пустили ее. Из-за этого и Шумилин Генка ходить перестал. Вот и распался весь драмкружок. А что в драмкружке плохого?

Нет, Сеня, твои родители чудят сами, ну и чудили бы одни, а они вот все вас, детей своих, за собой тянут. Я тебе это давно хотела сказать, да жалела тебя. А сегодня меня обидели. Даже на порог не пустили.

До свидания, Сенечка. Прости, если что не так написала. Жду ответа, как соловей лета.

Моя мама и Антонина Валентиновна тебе кланяются. У нас уже снег лег совсем. Теперь только на санях. А у вас как? Сенечка! Ты командиру своему ничего про себя не говори. Зачем это? Лучше пусть никто про тебя не знает. Это же не ложь, а просто молчание.

С приветом, Люба.



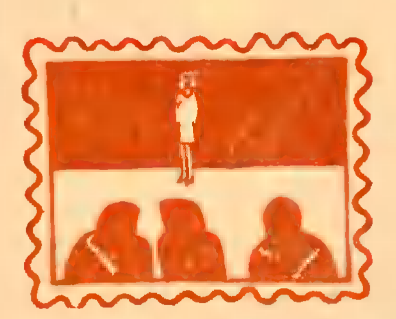
Здравствуй, Люба!

Прости, что долго не писал. У нас были учения в другом месте, не там, где наши казармы. Конечно, Люба, я очень расстроился из-за твоего письма, даже спать перестал. Наш командир Павел Константинович меня спросил: ты что, Стеценко, дома у тебя что-нибудь случилось? Но я ему ничего не сказал.

Ты, наверное, думаешь, что я стану оправдывать свою мать, что она сестру не пустила на курсы, с тобой не захотела даже разговаривать. Вовсе нет. Я своих родителей здесь не оправдываю и об этом написал им письмо. Пусть обижаются, а я молчать не стану. Но все-таки, Люба, я тебя очень прошу: на маму мою сердца не держи, она в жизни много горя перенесла и здоровье у нее плохое. Не обижайся на нее сильно.

Служба моя идет нормально. Не так давно вспомнил наш командир о моей гражданской специальности, и сел я за баранку. Перевозил и людей, и грузы, и ни разу меня машина не подвела. Потом Павел Константинович меня перед всем строем поблагодарил и пообещал письмо написать моим родителям. А еще благодарность получил солдат Снечкус, он проявил находчивость и сметку. Он вообще хороший солдат и товарищ. На этом кончаю писать. С солдатским приветом.

Остаюсь верный тебе Семен Стеценко.



Сенечка, здравствуй! С приветом к тебе Люба.

Я тебе тоже давно не писала, потому что мы с мамой на новый год уезжали к тете Симе в Рязань. Встретили новый год хорошо. Мне тетя Сима подарок сделала — материю на блузку. А маме — платок с розами. Мы тете Симе и ее детям носков козьих навязали. В городе они живут хорошо, только тесно. Обещают к майским дать большую квартиру в новом доме.

Сеня, я все пишу не про главное, а про главное боюсь. Меня, Сеня, твой папа Афанасий Сергеевич позвал на ваше баптистское собрание. Я, Сеня, идти не хотела. А мама говорит: сходи, раз человек приглашает, ты от этого хуже не станешь. Я пошла. В избе у Пантелеевых. Мне и раньше про это много рассказывали. Веруня мне рассказывала и звала приходить, но я тебе, Сеня, честно скажу: больше я туда не пойду.

Странно мне: взрослые люди, с руками-ногами, а все вроде бы виноваты перед кем-то, и каются, и винятся. А я вот себя виноватой ни перед кем не считаю. Может, только перед мамой, что мало ей помогаю. Так я лучше перед мамой и покаюсь. А твоя мама глаз с меня не спускала. Так я платком закрылась, а потом не вынесла — и бежать. Не знаю, Сеня, как и быть тут. Я тебя все время помню, на танцы в Калеевский клуб не хожу. И наши с тобой разговоры-уговоры помню. Помню, как ты маме моей помогал, когда я на курсах была, а Толик наш болел. Я тебя очень, Сенечка, уважаю, но вот только на собрания ваши ходить не смогу. А если это твоим родителям не нравится, так что ж тут поделаешь? А как Антонине Валенти-

новне в глаза смотреть потом? Мама говорит: ты не горюй, он в армии-то образумится. Может, правда, Сень, а? Все тебе кланяются и мама, и Антонина Валентиновна.

До свидания, с приветом, Люба.

Здравствуйте, Семен Афанасьевич!

Вы про меня совсем забыли что-то. Ты что, Сеня, не пишешь совсем? Не случилось ли чего? У нас уже совсем весна, все развезло, без сапог резиновых и до больницы не дойдешь. Мама твоя, как съездила к тебе, рассказывала соседям, что ты служишь хорошо, и кормят хорошо, и командир доволен. У нас в клуб приезжали артисты из Рязани, хороший был концерт. Два фокусника, певец с певицей и еще один артист, который рассказывал рассказы очень смешно. На майские праздники мы с мамой в город поедем, потом уж приедем и огород начнем копать.

Пишу тебе на дежурстве. Сегодня спокойно, все уж спят. А мне вот не спится, все думаю, что ж ты не пишешь? Может, какую другую полюбил, ты так и скажи. Мама тебе кланяется, она у нас приболела немного, а сейчас уж ничего, ходит.

С приветом к тебе, Люба.



Здравствуй, Люба!

Люба, мне очень трудно писать то, что ты сейчас прочитаешь, но и не сказать тебе, что у меня на душе, я не могу. Люба, это письмо, которое ты от меня получишь, последнее, больше я тебе писать не буду. И даже письма, которые я от тебя получал, и которым радовался, и которые по многу раз перечитывал, все тебе отсылаю. Потому что, если они у меня останутся, — это значит есть надежда, что у нас с тобой наладится и мы сможем быть вместе. Но на самом деле надежды такой нет. Люба, я не хочу, чтобы ты думала напрасно, — у меня нет другой девушки, да и никогда не будет такой, к которой я бы так относился, как к тебе. Я это точно знаю. Но и вместе нам быть никак нельзя. Потому что если люди в самом главном не согласны, у них не может быть общей жизни. А отношение к богу — это самое главное, что есть у человека.



Ты, наверное, думаешь, что меня против тебя настроила моя мать. Ты ошибаешься, Люба. Я бы и сам пришел к тому, что тебе сейчас пишу. Просто мама помогла мне понять все это сейчас, а не позже, когда бы я мог принести тебе много горя. Ты хорошая девушка, Люба, и моя мама о тебе никогда ничего плохого не сказала, хотя ты и думаешь, что она тебя не любит. Но даже такая девушка, как ты, не может нас понять.

Ты думаешь, что мы на самом деле против образования. Как же ты ошибаешься! Мою сестру не пустили на курсы счетоводов совсем по другой причине. Если человек крепок в вере, ему не страшны никакие искушения. Но если его дух ослаб, его легко сбить с толку, выдать черное за белое. В душе у Веры за последнее время что-то надорвалось, это все видели. И в такую минуту оставлять ее одну, посылать ее к совсем чужим людям было бы неправильно. Вот почему, а не по другой причине не отпустили родители мою сестру. Пройдет немного времени, она окрепнет душой и сможет поехать, куда захочет. Я не знаю, зачем я все это тебе пишу. Я ведь понимаю, что ни в чем тебя убедить не смогу, что ты никогда не сможешь принять нашу веру. Поэтому я и прощаюсь с тобой навсегда. Желаю тебе самого большого счастья, которого ты заслуживаешь. Прощай, Люба.

Хочу тебе еще сказать, что мне очень стыдно, что я долго скрывал свою веру в бога. Сейчас мне не так стыдно, потому что я открыл правду своим товарищам и начальникам.

С. Стеценко.

Вот какая это была невеселая переписка. При первой возможности я съездил туда, где служил Семен Стеценко, встретился с его командиром, а потом и с самим Семеном. Разговора у нас с ним никакого не получилось. Он отвечал односложно на все мои вопросы. Когда же я стал рассказывать, что побывал недавно в Давыдкове и там познакомился с Любой Фокиной, он сказал коротко, что разговаривать об этом не хочет.

Долго беседовали мы с Павлом Константиновичем— очень симпатичным, сильно окающим молодым челове-



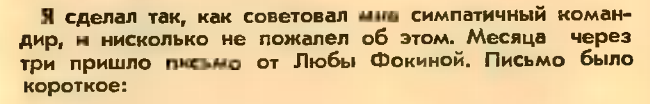
ком. Мне показалось тогда странным, что настроен он был, несмотря ни на что, оптимистично.

— Встреча с матерью произвела на Семена очень сильное впечатление. Его как подменили — он замкнулся, перестал откровенно разговаривать, ожесточился. То пел с ребятами, — у него голос очень хороший, — а тут и петь перестал. А все-таки...

Павел Константинович улыбнулся весело и азартно:

— Я думаю, что случай этот — не безнадежный. Вы учтите, у нас еще почти год впереди. Большой срок...

Я, знаете, очень на товарищей Семена надеюсь. Ребята подобрались хорошие, душевные и очень в судьбе Стеценко заинтересованы. Я вам советую: подождите с публикацией этих писем.



Я сделал так, как советовал мне симпатичный командир, и нисколько не пожалел об этом. Месяца через три пришло письмо от Любы Фокиной. Письмо было короткое:



Если вы не забыли Давыдково и того, как все сложилось у нас с Сеней, — вам, наверно, будет интересно узнать, чем все кончилось. Посылаю вам письмо, которое недавно получила от Семена. У меня и вам просьба: когда письма, которые я вам дала, больше вам не понадобятся, верните их мне. Я пока своего нового адреса не знаю, вы отправьте маме, она их мне сохранит. Привет вам передает Зоя Федоровна и моя мама.

До свидания. Люба Фокина.

Здравствуй, Люба!

Не знаю, обрадует ли тебя мое письмо или тебе уж все равно, а только я решил тебе написать. Я думал, напишу тебе письмо, что все у нас кончено, и станет мне легче. А на деле все получилось наоборот. Совсем покой потерял. Все вспоминаю тебя, а как прохожу мимо клеточек, где письма для солдат лежат, так отворачиваюсь и чуть не плачу. Ребята все от своих невест письма получают, фотокарточки показывают, а я сижу — молчу. И все думаю. Почему это так все должно плохо быть? Я ведь лучше тебя не найду. И глаза твои вспоминаю, и как платочек повязываешь. У нас многие ребята собираются после службы на БАМ ехать. Там жизнь куда как интересная. А наши с тобой профессии там очень нужны. Как ты, Люба, смотришь? Я так смотрю, давай поедем с тобой. А свадьбу можно сыграть и дома. Мои погорюют, да поймут, я думаю. А мне без тебя — не жизнь. Если ты, Люба, не передумала и жизнь твоя не повернулась от меня в другую сторону, то напиши мне побыстрее



Маме твоей и Антонине Валентиновне — низкий поклон. А будешь письмо писать, положи в него свою фотокарточку. Снимись в городе, чтоб хорошо получилось. Мой друг Ганиев Николай тебе шлет привет.

Остаюсь твой Семен Стеценко.

В этом месте можно было бы поставить точку. Однако меня не оставляло ощущение незавершенности. Я знал, что произошло в конце концов, но не знал — как. К тому же, если оборвать переписку на этом месте, у читателей может создаться превратное представление о том, что такая вот перестройка, которая произошла с Семеном Стеценко, совершилась сама по себе, без особого труда. Поколебавшись, я написал командиру Семена Павлу Константиновичу Кузьминых, поделился своими сомнениями и попросил, если он найдет возможным, рассказать о своем положительном опыте. В ответ получил письмо, которое привожу полностью и которым, думаю, можно закончить всю эту историю.

Уважаемые товарищи!

Я был очень рад получить от вас письмо и узнать, какой путь в конце концов выбрал С. Стеценко. Мы надеялись, что все у него будет хорошо, но твердой уверенности у нас не было, а про свое последнее письмо Любе он нам ничего не сказал, — видимо, постеснялся. Вы спрашиваете, как нам удалось добиться таких хороших результатов. Мне очень трудно ответить на этот вопрос, потому что специально таких результатов, о которых вы пишете, мы и не добивались, это уж само собой получилось. Просто очень уж он парень хороший, Семен. Работящий, отзывчивый, солдат отличный. И ребята его полюбили, и мне он пришелся по душе. А опыт чисто атеистической работы у меня весьма небольшой. Однако я понимал, что всякие специальные беседы в данном случае пользы не принесут — я заметил, что Стеценко после таких бесед, где речь идет о боге и религии, еще больше замыкается и уходит в себя. Посоветовался я с некоторыми товарищами Стеценко, и решили мы, что не надо совсем к нему с такими разговорами приставать — ни к чему это. Зато стали стараться, чтобы наше подразделение действительно стало как одна дружная семья. Мы и раньше, конечно, к этому стремились, но тут у нас появилась добавочная важная цель. Скажем, день рождения у солдата — мы ему стараемся приятные подарки сделать, вечер устраиваем, специальную веселую газету в его честь выпускаем. У другого солдата несчастье случилось — изба в его деревне сгорела. Мы сообща письмо написали председателю колхоза — рассказали ему, как этот солдат хорошо служит, как переживает за своих родителей, и попросили их как можно быстрее оказать помощь. Командование части тоже навстречу пошло — отпуск дали солдату на несколько дней, чтобы он мог домой съездить.

Ну, и другое в том же духе — всего не перечислишь.

Слышал я, что баптисты гордятся тем, что у них в общине исключительно душевные отношения. Вот мы и старались показать Стеценко, что доброта и сердечность в отношениях друг с другом — вовсе не привилегия верующих в бога. Старались показать также, что наш мир и ярче, и богаче, и интереснее, чем мир верующих.

Я, конечно, очень рад, что Стеценко выбрал верную дорогу в жизни. Но тут успех в большой степени зависел от того, что у Семена подобрались очень хорошие товарищи. Каждый, может быть, незаметно, исподволь, помогал Семену правильно оценить свое место среди других людей.

И еще я хочу сказать, что особая заслуга здесь принадлежит Любе Фокиной. Она, видно, очень хорошая девушка, и любовь к ней сыграла решающую роль в деле перевоспитания Семена Стеценко.

Ваш П. Кузьминых.

В ДЕВЯТОМ КЛАССЕ средней школы изучается поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в десятом — поэма Маяковского «Хорошо!», утверждающая, что «и жизнь хороша, и жить хорошо!». Но что это значит — жить хорошо? В прошлом учебном году перед изучением поэмы Некрасова в девятом классе и накануне изучения поэмы Маяковского в десятом я предложил учащимся написать классное сочинение именно на эту тему: «Что значит жить хорошо?»

«Жить хорошо — это жить радостно, ярко, празднично», «Жизнь должна быть полной», «Жить хорошо — жить полнокровной жизнью» — так ответило большинство на этот вопрос. Эта жажда полноты бытия, восприятие жизни как радостного праздника противостоит чуждым нам идеалам жертвенного самоотречения от жизненных благ, идеям физического и духовного аскетизма. И мы не можем не принять это свойственное сегодняшней юности стремление.

Однако при этом порой (даже довольно часто) ничем не ограниченное «хочу» становится главным.

«Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме,.. а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение»[1].

В этих словах Белинского из его «Письма к Гоголю» выражен гуманистический пафос русской литературы, для которой главным и определяющим всегда были защита прав человека, достоинства личности, протест против любых видов порабощения, в том числе порабощения духовного.

Эти идеалы по сути своей глубоко атеистичны. Характерно, что когда Белинский в 1840 году написал, что «всякий человек есть сам себе цель, и жизнь дана ему как удовлетворение, как счастье, как блаженство, к которому, следовательно, он имеет полное право стремиться сообразно со своими личными потребностями, наклонностями и средствами», то реакционер Бурачек очень хорошо почувствовал, насколько эти идеи противостоят догмам христианского смирения. «Отвергнись себя... возьми крест свой и ступай за Иисусом Христом»,— ответил он Белинскому словами из Евангелия.

Уроки нравственного прозрения

«ХОЧУ» и «НАДО»

Л. АЙЗЕРМАН

— Почему меня заставляют заниматься такими предметами, заниматься которыми я не хочу?

— Не люблю делать, что не хочешь, а тебя заставляют. Все-таки человек должен делать любимое, интересное.

— Хочу быть вольной, как птица, и свободной.

Стоит заметить, что именно в последние годы особенно часто звучит в среде школьников это постоянное «А я хочу!» или «А я не хочу!».

Да, разумеется, нам абсолютно чужды религиозные идеи обуздания человеческих желаний и стремлений, идеи жертвенного отказа от полноты бытия. Но когда ничем не ограниченное «хочу» становится единственным и определяющим, это может обернуться катастрофой для окружающих и для того, кто так смотрит на мир.

Речь идет не об ограничении желаний и стремлений, а об очеловечивании их, не об отказе от себя, а об обретении себя. Между тем всю сложность диалектики «хочу» и «надо», свободы и ответственности, общественного долга и личной совести старшеклассники часто не осознают.

Изучая русскую классическую литературу в школе, мы все время стараемся показать ученикам, что борьба за счастье и свободу человеческой личности — важнейшая ее нравственная традиция.

Вот героиня драмы Островского «Гроза» Катерина, вспоминая о жизни в родительском доме, говорит: «...Что хочу, бывало, то и делаю». А здесь, в доме Кабановой, «все как будто из-под неволи». Казалось бы, трудно найти сходство между Катериной и героиней романа Чернышевского «Что делать?» Верой Павловной. Но вот мы слышим слова Веры Павловны: «Делать, что хочу, жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в чем не нуждаться! Я так хочу жить!» — и чувствуем ту же страсть, то же желание: жить так, как хочу. Дело здесь не в случайных совпадениях. Дело в этическом пафосе русской литературы, кото-

Первую статью этого цикла см. в № 2.

[1] В. Белинский. Собр. соч. в 3 т., т. 3. М., 1948, стр. 708.

рая всегда отстаивала естественные человеческие желания и потребности. В пафосе, который отражал и выражал интересы широких народных масс. Эти идеи близки и нам, людям, для которых улучшение жизни человека, формирование личности, всестороннее ее развитие — главное и определяющее.

Однако, защищая гуманистические идеалы, русская литература никогда не противопоставляла свободу — ответственности, права — обязанностям. «Ты для себя лишь хочешь воли» — эти слова старого цыгана, обращенные к Алеко, не раз потом будут вспоминать русские писатели, которые хорошо знали: нет свободы человека как свободы только для себя.

И здесь особое значение имеют нравственные уроки романа Достоевского «Преступление и наказание», судьба его главного героя Родиона Раскольникова.

Дикий и фантастический вопрос «замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения: «Или отказаться от жизни совсем!— вскричал он вдруг в исступлении.— Послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!».

Жизнь без человеческих прав — не жизнь. Мы знаем, что этот вопрос Раскольников разрешает дико и фантастично. Но сама постановка вопроса — глубоко человечна.

«...Вошь ли я, как все, или человек?.. Тварь ли я дрожащая или **право** имею...» Для Раскольникова человек — это Наполеон, стоящий над людским муравейником. Для него «право иметь» — это иметь право преступить общечеловеческие нормы. Сформулированная в таком виде его альтернатива антигуманна. Но даже в этой извращенной форме выражена глубоко человеческая потребность: человек — не вошь и не тварь дрожащая. У человека нельзя отнимать великое право — право быть человеком и жить по-человечески — в этом у писателя нет сомнений. Но его пугает опасность своеволия и вседозволенности. С одной стороны, человек, которому «уже некуда больше идти». С другой — «настоящий **властелин**, кому все разрешается». Н е к у д а и в с е — такова трагическая альтернатива романа. Страшно, когда человеку некуда пойти, и страшно, когда он может пойти, куда только захочет.

Как разрешить это мучительное противоречие, Достоевский не знал, вопрос этот в романе остался неразрешенным. Но нам близки идеи писателя, утверждавшего, что право быть человеком несовместимо с правом быть над людьми.

В эпилоге, в картине сна Раскольникова, Достоевский рисует страшную картину всеобщей моровой язвы. Писатель называет причину этой эпидемии: «...Всякий думал, что в нем в одном и заключается истина». Постановщик спектакля по роману «Преступление и наказание» Юрий Завадский так определил суть сна Раскольникова: «Идет рассказ о том страшном суде, где каждый — как бы тот же Раскольников с его одиночеством и единственностью» [2].

Размышляя над страницами романа, девятиклассники убеждаются, насколько бесчеловечно осуществление своих притязаний за счет других людей, противопоставление своего личного счастья — счастью всеобщему. Бесчеловечно, потому что за преступление Раскольникова расплачиваются другие. Бесчеловечно, потому что за преступление страшной ценой платит и сам Раскольников.



Кадр из фильма «Преступление и наказание».

Анализируя роман, школьники видят, что Раскольников в себе самом несет наказание: «Раскольникову-человеку убийство противно и мерзко», «Он хочет пролить кровь по совести, а успокоить совесть нечем», «В конце концов даже кровь по совести покоя совести не дает».

Достоевский отвергает идею Раскольникова, раскрывая несовместимость человеческого и индивидуалистически-наполеоновского, показывая, как преступление через человеческое неизбежно ведет к отчуждению от людей, разрушает самого человека.

Эти идеи Достоевского весьма актуальны, они важны и для современной жизни. В этом, в частности, легко убедиться, обратившись к произведениям советской литературы.

Из произведений современного искусства я решил специально остановиться на тех, в которых идет речь о преступлении и наказании. Дело, конечно, не во внешнем тематическом сходстве. Я говорю о тех произведениях большого искусства, в которых ставятся глубокие нравственно-философские проблемы, исследуются сложность и противоречия человеческой психологии, произведениях, которые размышляют о свободе выбора и ответственности человека за сделанный выбор.

Начинаем с повести Василя Быкова «Сотников». О главном герое повести Сотникове мне приходилось говорить раньше [3]. Сейчас мы обращаемся к образу Рыбака — именно судьба Рыбака имеет прямое отношение к проблемам, о которых идет речь.

Каким образом в одном ряду с предателями оказался вроде бы смелый боец, вроде бы неплохой товарищ, сильный и здоровый человек? Вот что думают об этом школьники:

---

[2] «Литературная газета», 1971, № 46.
[3] См.: «Наука и религия», 1976, № 5.

— Сотников, примирившись [redacted] своей смертью, решил спасти [redacted] остальных. Рыбак же, примирившись со смертью [redacted] остальных, [redacted] гибель [redacted] мог согласиться. Он стремился выжить, выжить любой ценой. На допросе Рыбак [redacted] выкручивается и, стре[redacted] во что бы то [redacted] спастись, сообщает немцам истинные сведения об одном из партизанских отрядов, до которого, [redacted] его мнению, немцам [redacted] добраться.

Рыбак думал, [redacted] перехитрит немцев, останется честным человеком, вернется [redacted]. Но, сам того вначале [redacted] замечая, переступил черту, которая разделяет друзей [redacted] врагов, честных людей [redacted] предателей. И вот ему предстоит [redacted] страшное — выбить подставку из-под ног Сотникова, стать его палачом. Он боится [redacted] не решается на такой шаг. Но все переживания Рыбака мгновенно захлестывает страх, когда [redacted] слышит голос одного [redacted] полицаев: петля, предназначенная [redacted] него, [redacted] еще висит.

И только после «ликвидации» Рыбак понял: удирать некуда, дороги [redacted] побегу уже [redacted] было. Он понял, что его [redacted] оставили [redacted] живых, но [redacted] некотором отношении также ликвидировали. Теперь [redacted] всем, [redacted] самому себе тоже, враг.

Следя за судьбой Рыбака, ученики [redacted] могут [redacted] подумать над тем, как опасны сделки с совестью, [redacted] чему они могут привести человека, чем расплачивается человек за измену незыблемым принципам нравственности.

Повесть Валентина Распутина «Живи [redacted] помни» — тема следующего урока.

Андрей Гуськов, дезертировавший с фронта и теперь скрывающийся около родной деревеньки, [redacted] тайге, перед этим три года воевал не лучше, но и не хуже других. Что привело его к нравственному падению? Почему солдат, три года честно воевавший, стал дезертиром?

— Распутин ведет своего героя [redacted] время вниз, его затягивает преступная трясина: сначала просто [redacted] на то, что не дали отпуск; потом решение съездить самовольно, управиться за день-два [redacted] вернуться; не уложившись [redacted] намеченный срок, [redacted] оставляет мысль о возвращении [redacted] фронт; паразитом живет у глухонемой Татьяны, платит ей черной неблагодарностью, наконец возвращается домой и, вовлекая [redacted] свое преступление Настену, становится причастным [redacted] смерти.

— Он оправдывает себя: «Это [redacted] война». Но очень хорошо понимает [redacted] другое: надеяться [redacted] на что, ему ничего не светит, пощады не будет, прощения [redacted] будет.

— Гуськов, разрешив себе преступить долг гражданина, разрешает преступить и долг порядочного человека: [redacted] крадет рыбу, убивает деревенского теленка, и это из-за желания досадить тем, кто, [redacted] в пример ему, живет открыто, ходит [redacted] прячась [redacted] не боясь.

— Однажды Гуськов отправился [redacted] дальнюю деревню, где [redacted] знали. Но, подойдя [redacted] деревне, [redacted] вспомнил, что сегодня праздник, люди [redacted] того берега веселятся сегодня. И страшная ненависть [redacted] людям обожгла его. [redacted] человеке проснулся зверь, проснулся, чтобы [redacted] засыпать больше.

И очень четко определяют ученики то, с чего началось преступление Андрея Гуськова:

— Его приход, [redacted] точнее побег [redacted] фронта, приносит страдания [redacted] ему, и [redacted] близким. Почему? Потому что [redacted] переступил через свою совесть, через интересы своей Родины, через товарищество, через долг. Он почитал себя выше, достойнее тех миллионов солдат, которые проливали в [redacted] время кровь [redacted] фронтах [redacted] же, как [redacted] он, мечтали о возвращении домой, [redacted] жене, [redacted] детях. Но [redacted] ли они [redacted] это право? Ведь шла война, кровопролитная война [redacted] Родину, [redacted] это значит [redacted] дом, жену, детей. Те миллионы посчитали — «нет», [redacted] он, Андрей Гуськов, посчитал, [redacted] вправе, и самовольно устроил себе отпуск, [redacted] остаться без последствий.

— Приказ: на фронт. Но Гуськов еще раньше [redacted] себе: «Все, отвоевался. Теперь пусть [redacted] другие». И [redacted] домой, тайком, сознавая, [redacted] нет ему [redacted] среди людей. В нем победил эгоизм. Ведь если бы каждый солдат сказал себе так же, как он, что было бы тогда? Ему хотелось домой, он боялся, он устал. Но ведь [redacted] устали, [redacted] хотелось домой. Но ведь потому-то [redacted] спасли [redacted] дома люди, что их [redacted] было дома. А Гуськов не хотел знать ничего, кроме [redacted] желаний. И [redacted] результате: «Живые там, [redacted] — здесь», — говорит [redacted] нем Настена. Он уже не живой, [redacted] не полностью человек. Даже по-волчьи выть научился.

Андрей Гуськов сбежал с той единственной дороги, которая вела к дому. Он хотел выбрать путь покороче. Но окольная дорога не к дому, [redacted] пропасти привела. И расплачиваются за все отец Андрея, жена его [redacted] его так и [redacted] родившийся ребенок. И сам Андрей Гуськов тоже.

Но почему Настена, жившая, как [redacted] все, верой [redacted] победу [redacted] работой для победы, помогает скрываться своему мужу-дезертиру?

Школьники так отвечали на этот вопрос:

— Настена любит его, ради Андрея [redacted] готова на все. «Если ты над собой что доспеешь, [redacted] тоже решусь — [redacted] знай»,— говорит [redacted] ему.

— Что делать с безудержной женской любовью, которая, однажды вспыхнув [redacted] сердце, никогда не потухает, которая еще подогрета тремя годами мучительного ожидания мужа и восемью годами страстного желания материнства, тоски по материнству?

— С детства Настена не видела счастья, [redacted] ждала его, счастье чудилось ей везде. Не обрела его Настена [redacted] в замужестве. Вся беда была в бездетности. «Бездетность-то [redacted] заставляла Настену терпеть все». Виноватой [redacted] своем доме Настена считала себя. Нередко Андрей поднимал [redacted] жену руку, но Настена сносила все. Последний год перед войной они прожили иначе. Но началась война, ушел Андрей, [redacted] Настене осталось только ждать [redacted] терпеть все. Зла на него [redacted] держала, [redacted] ту тяжелую пору лишь мыслями о муже, была у [redacted] единственная надежда: «Лишь бы вернулся Андрей». И Андрей вернулся. Но пришел [redacted] не той дорогой, какой ожидала [redacted] его. Принимать [redacted] надо было таким, каков [redacted] есть. Не из-за [redacted] ли больше всего его потянуло домой? Настена не могла предать его теперь, предать человека, который — думалось [redacted] — из-за [redacted] одной совершил преступление.

— Настена [redacted] может бросить Андрея одного [redacted] беде, [redacted] понимает, что «не вынести Андрею этой вины, ясно, что не вынести, не заживить, не заживить ни[redacted] днями». «Так [redacted] теперь от него отказаться?» Настена говорит Андрею: «Надо быть вместе, когда плохо,— вот для [redacted] люди сходятся».

Так кто же Настена — жертва преступления или соучастница его? Для одних — только жертва. Авторское сострадание они восприняли как оправдание.

Для большинства — Настена и жертва и соучастница. Она сама себя судит куда беспощаднее, чем те, кто снимают с нее всякую вину.

— Да, судьба накрепко связала их с Андреем: они оба были «по ту сторону». Настене тоже кажется, что «она совсем рядом со своим счастьем, только с другой... стороны, как если бы она зашла ему со спины».

— Прощая ему, живя для него, Настена обрекает себя на ложь, на стыд перед людьми, на все то, что так чуждо ее чистой душе, ее честной натуре.

Когда учащиеся стали размышлять о том, как наказана Настена, почему покончила она жизнь самоубийством, то будто и не спорили. Вопрос этот все поставил на свои места.

— За это словно чужое, украденное счастье (да счастье ли?) ей приходилось расплачиваться. Тяжелая это была плата. Война все ближе и ближе подходила к концу. Вернулся в Атамановку первый фронтовик — Максим Вологжин. За все томительные годы войны это был первый настоящий праздник. В Атамановке все понимали: война заканчивается. Эта общая радость собрала всю деревню в доме Вологжиных. Пришла сюда и Настена. Но теперь она чувствовала себя здесь чужой. «Она не могла ни говорить, ни плакать, ни петь вместе со всеми — как никогда раньше, Настена поняла здесь, что ничего этого нельзя: не имеет права». Настена чужая на этом горьком празднике, где радость пополам со слезами. Она, как никогда, вдруг ясно поняла: здесь она посторонняя.

— Кончилась война. Наверное, трудно представить безграничную радость тех, кто дожил до этого дня. В деревне волнение, несмолкаемые крики, а вот Настена чуждается людей, уходит к себе и сидит в забытьи. «Что-то удерживало, наговаривало, что это не ее день, не ее победа, что она к победе никакого отношения не имеет».

— В конце повести Настена лишает себя жизни. Что это? Страх разоблачения или понимание своей неоплатной вины перед людьми? По-моему, второе. Она смогла стать сильнее Андрея и сама наказать себя, хотя разве она не была наказана всеми мучениями, выпавшими на ее долю?

Третьим произведением, к которому мы обратились, был фильм В. Шукшина «Калина красная».

Большинство учеников пафос картины, ее нравственный смысл увидели в утверждении необходимости доверия, душевной щедрости, богатства, доброты. Для них «Калина красная» — фильм о «восстановлении личности», «очищении человека».

— Есть еще такие, как Егор Прокудин, и этим людям надо помочь, а не выбрасывать их из жизни. Одни люди, споткнувшись, быстро встают на ноги, другим надо помочь.

— Главное в «Калине красной» — доброта, доброта многих людей, которые помогают Егору Прокудину, человеку, проведшему полжизни в тюрьмах, покончить со старым.

— Почему фильм назван «Калина красная»? В фильме много поют. Хор заключенных, исполняющих «Вечерний звон», женский хор на сцене районного Дома культуры. «Калину красную» так и не спели. Как-то начали Егор с Любой, да не закончили. В одном интервью Шукшин сказал, что жизнь героя напоминает ему эту недопетую песню. Не спелась песня, не прожилась жизнь.

Но почему же песня не спелась, жизнь не прожилась? С точки зрения большинства старшеклассников, во всем виноваты лишь бывшие дружки Егора Прокудина. Приведу отрывок из одного сочинения, где мысль эта выражена страстно и убежденно:



Кадр из фильма «Калина красная».

— Вспоминается такой эпизод из фильма, когда Егор и Петро видят в бане упавшего в воду паука, и Петро спрашивает: «Как же он попал-то туда?» На что Егор, вероятно думая о своем, ответил: «Попасть-то нетрудно, вот выбраться-то...»

Как выбраться, как начать «новую» жизнь?

Для того чтобы начать новую жизнь, нужно стать другим человеком. Нужно сломать себя, а это не каждому человеку под силу. Процесс «ломки», «перекраивания», что ли, человеческого характера, личности — это невыносимо сложно.

В Егоре постоянно происходит борьба с самим собой. То он с горькой усмешкой, в которой звучат нотки отчаяния, говорит: «Я никак не могу быть на этой земле — только вором». То вдруг в нем самом возникает какая-то надежда: «А может, я еще не совсем проигрался?» Уезжая в город, он честно признается Любе: «Я не знаю, вернусь или нет». Он не знает, какую дорогу выберет: решится ли бороться за новую жизнь или вернется к прежней. И все-таки побеждает желание жить честной, трудовой жизнью, чтобы можно было прямо смотреть людям в глаза.

Он любил землю. Умел радоваться жизни, свободе, весне, березкам, просто радоваться, и ему было жаль людей, которые не умеют этого делать. А еще он любил людей. Любил. И ему больно их было обманывать, и он хотел, чтобы люди ему верили. Ему надоело все время быть отторженным решеткой от всего мира. Он хотел быть с людьми, с такими, как Люба, как ее брат Петро.

Калина красная,
Калина вызрела...

Не дали спеть Егору эту песню. Не дали Егору начать новую жизнь. Губошлеп и такие, как он, не дали. Не захотелось им в тюрьме сидеть в то время, как Горе тут будет землю пахать. За то, что ты оступился однажды, пришлось заплатить дорогой ценой. А как

хотелось верить, что к прошлому возврата больше нет».

Но вот оно, «прошлое», подъехало на легковом автомобиле. Вот оно уже стоит на обочине дороги и, тихо переговариваясь, смотрит в его сторону.

Ну вот и все. А ты еще хотел успеть стать стахановцем, хотел вернуться к матери, повидать своих подружек-березок, хотел радоваться...

Это сочинение, повторяю, написано страстно, взволнованно. Однако автор этого сочинения воспринял фильм односторонне — здесь очень близко до полного оправдания Егора Прокудина. Среди высказываний учащихся попадались и такие:

— В повести Василя Быкова «Сотников» выбор — достойно умереть или подло жить — зависит от самого Сотникова и от самого Рыбака. У Шукшина же Егор рад жить честно и достойно, но это зависит не только от него, но и от людей, которые его окружают.

— Люди виноваты в его смерти, это они не уберегли его.

— Хотя Егор погибает, он оставил после себя и о себе только хорошее.

— Шукшин как-то говорил, что три вещи надо знать о человеке: как он родился, как женился, как умер. Его Прокудин родился в честной семье хлебороба, женился на верной, любящей женщине, умер от бандитской пули на вспаханном им поле. Ничего плохого о таком человеке я ни сказать, ни подумать не могу.

Между тем фильм «Калина красная» был задуман и снят как фильм о человеке, который предал себя, мать, общество, как фильм о том, как «зазря погибает душа человека».

Но так поняли фильм лишь немногие из моих учеников.

— Вот вроде бы счастье. Пришел праздник Егоровой душе! Но нет! Еще более тяжелым грузом ложится ему на душу прошлое. Тем тяжелее Егору простить себя. Нелегко зачеркнуть часть жизни и начать все сначала, «Легко попасть, а как выбраться?» — говорит сам герой; грязное, зачерненное прошлое тянет душу, рвет сердце. И чем больше хочет Егор забыть его, тем сильнее и с большей ясностью просыпаются в нем его преступления, его брошенная старая мать, его сестра. И нет ему покоя, он казнит себя, мучается, не находит себе оправдания в бесцельно загубленной жизни. Не смог Егор прожить свою жизнь как хотелось, как должен был прожить человек незаурядных качеств. Скомкал, сломал свою жизнь и слишком поздно понял, что она у человека одна.

О том, что, любя Прокудина, Шукшин беспощаден к нему, о том, что фильм напоминает: за все надо расплачиваться,— говорили немногие. Но затем и существуют уроки литературы, чтобы помогать лучше понять искусство, жизнь.

Читаю на уроке размышления самого Шукшина: «Случай сложный. Мне жаль этого человека, жаль до боли, до содрогания эту судьбу. Сложись обстоятельства — личные, общественные — иначе, могла бы и у Егора пойти совсем другая жизнь. Другими делами он мог бы прославиться. Сколько дано ему от рождения!.. Крестьянин, ставший вором, паразитом. Тут такое разрушение личности, нравственных ее основ... Тут загубленная жизнь, вся жизнь, пошедшая под откос. Егор не мальчик. Он уж пятый десяток размотал, а в эти годы пора начинать подводить итоги прожитому. И подводя их, обозревая эту судьбу, приходишь к самым горьким и неутешительным выводам: это конец!» [4].

Заканчивая урок по повести Распутина, я спросил, в чем смысл заглавия ее: «Живи и помни». Девятиклассники хорошо поняли, что смысл этот неоднозначен, многослоен, многомерен.

— Живи и помни. Это обращение к Андрею Гуськову. Живи и помни, Андрей Гуськов, ты больше не человек, живи и бойся всех, теперь ты враг всем людям и будешь им навсегда.

— Живи и помни, что там на фронте, лицом к лицу со смертью, остались твои товарищи, которые любили жизнь и хотели жить не меньше, чем ты. Именно потому они остались там, а ты воином воешь здесь. Живи и помни, что ты трус и предатель и что никогда не искупить тебе ту страшную вину, которую ты сам на себя взвалил.

— Живи и помни. Это обращение к читателю, к нам. Сложен человеческий характер, сложна жизнь, но не может быть счастья, если обманываешь людей, обманываешь Родину.

— Человеку необходимо помнить о том, что он человек, гражданин.

— Это призыв автора к нам, к современным читателям. Он призывает нас помнить о том, что преступление совершают не только преступники: лишь тот, кто постоянно себя контролирует, лишь тот, кто не дает себе сойти со своей трудной дороги, будет человеком. Заданности в человеческой жизни не существует, за каждый поступок человек отвечает сам.

Именно так — широко — следует, видимо, понимать заглавие повести: живи и помни — не об ответе, который якобы придется держать перед богом, не о спасении души своей на том свете,— живи и помни об ответственности человека и гражданина, о той неизмеримой цене, которой платят за измену совести, за преступление незыблемых основ нравственности. Таков урок не только книги Валентина Распутина. Но и романа Федора Достоевского. Повести Василя Быкова. Фильма Василия Шукшина.

Еще во время съемок «Калины красной» Шукшин, говоря о том, что он хотел сказать своей картиной, особо подчеркнул: «Я бы хотел сказать об ответственности человека перед землей, которая его взрастила. За все, что происходит сейчас на земле, придется отвечать всем нам, ныне живущим. И за хорошее, и за плохое. За ложь, за бессовестность, за паразитический образ жизни, за приспособленчество, за трусость и измену — за все придется платить. Платить сполна» [5].

Вот почему воспитание гражданской ответственности, умения соизмерять свои желания, потребности, стремления с желаниями, потребностями, стремлениями других людей, воспитание несговорчивой совести приобретает сегодня особое значение. Речь идет не об отказе от полноты и радости человеческого бытия, а о том, чтобы полнота и радость эти были подлинно человеческими.

Выработать у каждого человека активную жизненную позицию, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения — так определяет партия задачу нравственного воспитания. Решить ее помогают книги классиков и произведения современной советской литературы.

---

[4] Цит. по кн.: В. Фомин. Пересечение параллельных. М., 1976, стр. 342, 351, 352.

[5] «Советский экран», 1973, № 19.

СЕГОДНЯШНИЙ КРЫМ — край высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства, всесоюзная здравница. Весь ход социально-экономического развития области, рост культуры населения способствуют утверждению коммунистического образа жизни, создают объективные условия для полного искоренения религиозных пережитков.

Однако [redacted] силу различных причин [redacted] обстоятельств часть людей все еще находится под религиозным влиянием. Окончательное их духовное освобождение [redacted] немалой степени зависит от умелой постановки атеистического воспитания, причем успех дела во многом определяется подготовкой пропагандистов.

В. И. Ленин особо подчеркивал, что кадры квалифицированных пропагандистов и агитаторов, способных нести знания [redacted] массы, нужно «специализировать, занимать их целиком [redacted] беречь сугубо». Люди высокообразованные, богатые духовно [redacted] душевно, упорные [redacted] настойчивые, владеющие методикой воспитания, — вот кто призван вести работу [redacted] преодолению религии.

В этом номере мы рассказываем об опыте подготовки атеистических кадров [redacted] Крымской области, [redacted] делах [redacted] заботах ялтинских пропагандистов.

ДИКТУЕТ ВРЕМЯ

[redacted] ГЕРАСИМЕНКО,
лектор Крымского обкома компартии Украины

ПРЕЖДЕ ВСЕГО нельзя не отметить, что уровень атеистической работы [redacted] области за последнее время значительно повысился. Многие партийные организации, особенно Севастопольская, Симферопольская, Феодосийская, Ялтинская городские, а также Сакская и Белогорская районные, стремятся [redacted] углубленной постановке задач атеистического воспитания населения: здесь активизировали деятельность общественные координационные советы, разработаны и осуществляются перспективные комплексные планы.

В то же время коренным вопросом продолжает оставаться улучшение подготовки и правильное использование кадров. Партийные организации, руководствуясь указанием В. И. Ленина о необходимости эту работу «поставить широко, планомерно, систематично [redacted] открыто», первостепенное значение придают теоретической подготовке пропагандистов, их профессиональной компетентности. В частности, обком партии на основе проведенных за последние три года [redacted] области конкретно-социологических исследований причин, характера [redacted] степени религиозности населения, а также эффективности используемых средств, форм [redacted] методов атеистического воздействия разработал методические рекомендации для организаторов и пропагандистов научного атеизма.

Кроме того, [redacted] соответствии с постановлением ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров [redacted] партийной организации Белоруссии», партийные комитеты обращают особое внимание на координацию усилий всех идеологических учреждений [redacted] организаций в подготовке и использовании кадров, на их качественный рост. Все это, разумеется, нашло отражение в перспективных планах подготовки и переподготовки пропагандистов атеизма.

Когда мы говорим о системе подготовки кадров пропагандистов атеизма, то [redacted] первую очередь выделяем первичную партийную организацию, от деятельности которой в решающей степени зависит эффективность всей этой работы. Именно здесь, прежде всего, должны быть не только преисполненные чувства большой ответственности за порученное дело, но и знающие, хорошо подготовленные люди. Поэтому на предприятиях, стройках, [redacted] колхозах и совхозах, учебных заведениях созданы двухгодичные школы организаторов, агитаторов, политинформаторов-атеистов, где слушатели знакомятся с теорией, изучают методику атеистической работы среди различных категорий населения, индивидуальной и массовой работы в трудовых коллективах. Общественные координационные советы, действующие при партийных организациях, обращают особое внимание [redacted] привлечение [redacted] эти школы наиболее подготовленных рабочих [redacted] колхозников, специалистов народного хозяйства.

Заслуживает внимания, [redacted] примеру, опыт работы парткома Керченского железорудного комбината. Только за последние три года в школах и кружках здесь подготовлено около 200 пропагандистов [redacted] агитаторов-атеистов. В цехах [redacted] бригадах комбината работают атеисты-организаторы. Много делает Дворец культуры. В созданном здесь клубе атеистов насчитывается почти 300 активистов. С их помощью проводятся теоретические [redacted] читательские конференции, вечера-диспуты, атеистические «огоньки», концерты художественной самодеятельности, вечера вопросов и ответов, выставки художественного плаката, вечера-встречи с бывшими верующими и т. д.

Потребность [redacted] атеистических кадрах побудила партийные комитеты готовить [redacted] [redacted] в системе политического просвещения, в частности [redacted] школах основ марксизма-

ленинизма. Для желающих продолжить углубленное изучение проблем научного атеизма организованы специальные постоянно действующие теоретические семинары, имеющие целью подготовку пропагандистов и актива организаторов атеистической работы в производственных коллективах. Следует заметить, что эти теоретические семинары, школы и кружки действуют в тех населенных пунктах, где есть верующие. В Сакском районе, к примеру, в 1975/76 учебном году действовало 24 теоретических семинара и кружка, в которых обучалось свыше 500 человек.

Сама жизнь подсказала необходимость использовать для подготовки атеистических кадров вечерние университеты марксизма-ленинизма при горкомах партии. Только в прошлом учебном году свыше 100 человек окончили факультеты и отделения научного атеизма при вечерних университетах марксизма-ленинизма, более 80 продолжают учебу. Слушатели этих факультетов изучают диалектический и исторический материализм, основные проблемы атеизма и естествознания, историю атеизма и религии, методику пропаганды. Во время практических занятий будущие пропагандисты принимают участие в изучении характера, причин и степени религиозности населения, читают лекции, проводят беседы, организуют на производстве различные атеистические мероприятия, ведут индивидуальную работу с верующими.

Во многих производственных коллективах действуют народные университеты, школы и клубы начальных знаний о природе и обществе. Если учесть их потенциальное влияние на семью, на трудовой коллектив, то станет ясно, какая это большая мобилизующая сила.

Значительная работа проводится и в высших учебных заведениях. При вузах области действуют четыре двухгодичные школы молодых атеистов, в которых обучается более 700 студентов.

Сложилась в области система подготовки и следующего звена атеистических кадров. В городах и районах Крыма работают 23 школы и постоянно действующих семинара, в которых обучаются руководители школ первого звена — всего около 600 человек. Кроме того, в пяти городах и восьми районах действуют двухгодичные школы лекторов-атеистов, где обучается почти 400 человек. При методических кабинетах городских и районных отделов народного образования созданы постоянно действующие семинары для организаторов атеистического воспитания в школе. Свыше 1200 учителей изучают здесь проблемы научного атеизма, советское законодательство о религиозных культах, методику атеистической работы.

В высшем звене учатся руководители городских и районных школ, постоянно действующих семинаров организаторов и политинформаторов — атеистов. Занятия в семинарах проводятся два-три раза в год. Эффективной формой подготовки атеистических кадров стали областные заочные курсы руководителей постоянно действующих семинаров пропагандистов. Большое внимание уделяют партийные комитеты учебе людей, занимающихся новой советской обрядностью. На областных и зональных семинарах обсуждаются сценарии новых обрядов и праздников, проводятся смотры-конкурсы по внедрению в жизнь новой обрядности.

Хорошей формой подготовки кадров стал постоянно действующий семинар руководителей городских и районных школ лекторов-атеистов. В нем обучаются 100 человек, в основном партийные и советские работники, учителя, инженеры, врачи, специалисты сельского хозяйства. В основу положено изучение ленинского атеистического наследия, а также таких проблем, как причины существования религии в современных условиях, модернистские тенденции религиозных организаций, вопросы морали, психологии верующих и т. д. По наиболее сложным темам ведутся семинарские занятия. Планом работы предусмотрено также изучение лучшего опыта атеистической работы в городах и районах области, экскурсии в музеи, на предприятия, просмотр кинофильмов.

Дважды в год обком партии собирает на двух-, трехдневные семинары ответственных работников горкомов и районных организаций общества «Знание», исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Регулярно собираются и председатели городских и районных общественных координационных советов по атеистическому воспитанию населения.

Актуальные вопросы теории и практики научного атеизма включены в программы и учебные планы системы переподготовки партийных, советских и комсомольских работников, работников печати, радио и телевидения, в тематику семинаров и совещаний секретарей и заместителей секретарей парторганизаций, секретарей первичных комсомольских организаций.

В различных отраслях народного хозяйства Крыма работает многотысячный отряд специалистов с высшим и средним специальным образованием. Необходимо и эти кадры вооружить знанием марксистской оценки роли религии и церкви в обществе, умением разбираться в ее социально-нравственных концепциях — словом, знанием основ научного атеизма.

Сегодня не только областные, но и многие городские и районные идеологические организации и учреждения разработали перспективные комплексные планы атеистической подготовки этой категории кадров на ближайшие пять лет. При составлении планов были учтены и результаты социологических исследований, которые показали, в частности, что учителя, медицинские работники, работники культурно-просветительных учреждений еще недостаточно хорошо знакомы с научно-атеистической проблематикой. Это в свою очередь заставило нас отказаться от кратковременных семинаров и организовать подготовку этих кадров в двухгодичных школах организаторов атеистической работы и постоянно действующих семинаров.

Таким образом, в области складывается довольно четкая система подготовки кадров. Вместе с тем имеются и серьезные недостатки. Например, далеко не все из тех, кто завершил учебу, несут свои знания в массы, становятся пропагандистами атеизма. Об этом говорят, в частности, конкретно-социологические исследования: в некоторых городах в работу включилось менее 35 процентов атеистов из числа подготовленных за последние пять лет.

Мы, естественно, обратили на это самое серьезное внимание. В ряде городов и районов области были, например, проведены научно-практические конференции, на которых обсуждался опыт подготовки и использования атеистических кадров наших лучших партийных организаций — Севастопольской, Феодосийской и особенно — Ялтинской. И мы не сомневаемся, что это не только позволит увеличить число пропагандистов атеизма, улучшить их квалификацию, но и повысит эффективность всей работы по атеистическому воспитанию населения, которая является составной частью единой комплексной задачи — воспитания нового человека.

г. Симферополь

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСНА

К. СТЕПИН,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Год рождения факультета научного атеизма ялтинского университета марксизма-ленинизма — 1969-й. Всего лишь три выпуска было с тех пор, как организовался факультет. Нынешней весной будет четвертый. Сюда стремятся попасть те, кто либо уже учатся в вузе, либо окончил его совсем недавно, причем наибольший «конкурс» — на отделение научного атеизма, куда, кстати, зачисляют только людей с вузовским дипломом.

ПРОБЛЕМЫ РОСТА

Такого мне еще не доводилось видеть: директор университета марксизма - ленинизма отговаривал учиться тех, кто хотел этого. И не потому, что считал их неподготовленными. Нет, просто не было мест.

— Но почему именно атеистический? — в отчаянии спрашивал Аким Максимович Босый у молодых людей, направленных в университет по рекомендации одной из партийных организаций города. — Поймите, нет в этом году набора. Только в следующем, когда защитят дипломы нынешние слушатели. Хотите — на журналистский факультет или какой-нибудь другой?..

— Ну что с ними делать... Может, создадим заочную группу? — наконец обратился директор к лектору горкома партии Василию Игнатьевичу Кривошапко, присутствовавшему при разговоре.

— А это идея! — ответил тот.

— Только, друзья, уговор,—обратился он к абитуриентам, — заниматься надо серьезно. Здесь — не школа и даже не институт. Это учебное заведение особое. Оно дает высшее политическое образование. Политическое, запомните, и уже одно это накладывает на тех, кто здесь учится, большую ответственность. Наконец, за вас поручилась партийная организация. Товарищи считают, что вы — именно те люди, которые по окончании университета смогут и по своим знаниям, и по своим чисто человеческим качествам вести одну из самых трудных работ — работу по мировоззренческому, нравственному, идеологическому воспитанию людей.

Чем же объяснить желание ялтинцев учиться в университете? Ответ на свой вопрос я получил, как ни странно, от человека, который не проучившись и года, наотрез отказался продолжать учебу. И почему бы вы думали? «Там, оказывается, надо серьезно заниматься»...

Учиться здесь, действительно, не просто, особенно для тех, кто приходит в университет сразу после институтской скамьи. Вуз дает выпускнику знания, несущие на себе печать академичности, в силу чего его мысль ориентирована скорее научно, нежели практически. Задача университета марксизма-ленинизма несколько иная: дать слушателю не просто знание, а знание, соединенное с жизнью. И плюс еще умение нести его в таком виде людям.

Научиться этому, конечно, не просто. Впрочем, и учить тоже. Сколько, например, сил и энергии затратили поначалу преподаватели университета, чтобы рассказать слушателям о том, как должна быть организована атеистическая работа. Приглашали даже ученых из Москвы и Киева. А отдачи не было. И только когда слушатели побывали на автобазе № 6, где усилиями партийной организации была начата такая работа, сразу появился и интерес к теме: слушатели спрашивали, уточняли, спорили. Так постепенно стал создаваться фундамент, на котором впоследствии и была развернута широкая атеистическая работа в Большой Ялте.

Но все это будет позже, а тогда, в 69-м, главными движущими силами были лишь энтузиазм и отчетливое понимание необходимости такой работы: через купель местного православного собора проходило ежегодно более трети новорожденных; активно действовали группы пятидесятников, баптистов-«инициативников», неговистов, адвентистов. Не обходили своим вниманием Ялту и иностранные туристы, «потерявшие» на Южном берегу Крыма уже столько религиозной литературы, что ее хватило бы на добрую библиотеку. Причем как минимум у половины этих изданий — отчетливо выраженный антисоветский характер.

Таковы были первоочередные проблемы. Им, естественно, и уделил при составлении учебного плана особое внимание директорат университета: более детальным, например, стало изучение сугубо «ялтинских» религиозных конфессий, основательно пришлось разработать и тему «Идеологическая борьба и религия». Хуже, правда, обстояло дело с вопросами, касающимися конкретной работы. Порой преподаватель не был даже уверен, правильные ли советы он дает своим слушателям. В общих чертах они были, конечно, верны, но жизнь требовала рекомендаций точных, которые основывались бы на самых тщательных социологических исследованиях.

Проводили эти исследования сами слушатели университета. И спустя пару лет достаточно уже было вновь поступившему назвать учреждение или предприятие, где он работает, — и преподаватель давал конкретные, обоснованные рекомендации.

Ялтинцы, разумеется, прекрасно понимали, что пока они идут по проторенной дороге, главное — организация системы атеистической работы в городе. А это требовало решения немалого числа проблем.

— Вот, к примеру, одна из них, — вспоминает Аким Максимович. — Нам казалось: достаточно дать человеку знания, и успех обеспечен. Однако жизнь показала, что человек вроде и неплохо подготовлен, и работать хочет, но почему-то у него не получается. В чем дело?.. Долго ломали голову... А может быть, высказал предположение В. И. Кривошапко, люди у нас не так расставлены. Вспомни, у В. И. Ленина: «Чтобы центр

мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), и действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался,.. где и почему фальшивит,.. и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести».

«Где и как какому инструменту обучался» — это было ясно. Изучением остального пришлось заняться самым тщательным образом. В итоге на свет появилась любопытная схема — схема фактического влияния атеистов в городе. Она помогла не только безболезненно разрешить некоторые чисто организационные неувязки и выявить, «кто, где и какую скрипку ведет... и почему фальшивит», но и корректировать последующие наборы в университет уже таким образом, чтобы нежелательный «диссонанс» был ликвидирован в самые сжатые сроки.

«...И РЕЛИГИЯ»

— Вам ни разу не приходилось слышать, что атеизм, дескать, наука абстрактная, слишком умозрительная? — спрашивал меня преподаватель ялтинского университета Р. Я. Горенштейн. — Мне, например, доводилось. В том, что это наука философская, спору нет, но умозрительная — тут уж извините! О каких абстракциях может идти речь, если ее основным критерием является практика. Философия — как я думаю: наука точная. Ее понятия, критерии, законы — лишь средства для анализа конкретных вопросов общественной жизни, а соответственно — и поиск конкретных ответов.

Что ж, высшее политическое есть высшее политическое... Но сразу же возникает вопрос: а соответствует ли такому пониманию атеизма содержание учебного процесса? Методические разработки учебных тем, например, заставляют сомневаться в этом.

— Уровень их для нас, конечно, низковат, — соглашается А. М. Босый. — Они рассчитаны на людей со средним образованием, а у нас, на факультете атеизма, учатся только те, кто окончил вуз. Пытаемся модернизировать эти разработки, но, разумеется, они еще далеки от совершенства. А отсюда — и некоторые издержки в подготовке слушателей...

Издержки, действительно, есть, но не все они вызваны причинами объективного свойства. Взглянем хотя бы на темы дипломных работ. Как правило, они определяются характером деятельности слушателей. Но вот что любопытно: почти наверняка можно предугадать, какую тему выберет выпускник. Если он, скажем, врач, то обязательно назовет свой диплом — «Медицина и религия». Именно так: «...и религия». Чем это вызвано — станет ясно несколько позже, пока лишь замечу, что слушатель пишет не простую дипломную работу, а одновременно и реферат будущей лекции, с которой по окончании университета пропагандист будет выступать если не в массовой аудитории, то уж в своем коллективе обязательно. Затем в университет приходит еще один врач и снова берет ту же тему...

В крупных индустриальных центрах подобные вещи в глаза не бросаются, однако в небольших городах, а тем более в городах-курортах, где круг занятий людей с высшим образованием ограничен главным образом заботой об отдыхающих, они видны сразу. Кто составляет основной костяк слушателей отделения атеизма ялтинского университета марксизма-ленинизма? Медицинские работники, учителя, экскурсоводы и т. п. А поскольку содержание дипломного реферата определяется характером деятельности слушателя и, кроме того, этим самым «...и религия», то нет ничего удивительного, что во всех лекториях города — а их в Большой Ялте 18 — разговор, по сути дела, сведен к трем темам: «Идеологическая борьба и религия», «Наука и религия», «Семья и религия», темам, безусловно, важным, а для Ялты, может быть, даже и первостепенным, но — всего лишь к трем.

Теперь взглянем на дипломные работы под другим углом зрения: а какие темы из предложенных не были взяты выпускниками университета? Оказывается, что они избегают широких, мировоззренческих проблем, вопросов, касающихся природы атеизма, его места в духовной жизни социалистического общества. Само собой, отсутствуют они и в массовой пропаганде, о чем, кстати, свидетельствуют и вопросы, которые неверующая аудитория чаще всего задает пропагандистам: зачем нужны духовные академии? Всегда ли будет религия? И т. п.

Подобного рода вопросы характерны, разумеется, не только для ялтинской аудитории. Они вообще типичны для тех, кого социологи называют стихийными атеистами, то есть для людей, которые, как правило, относятся безразлично к так называемой религиозной проблеме. Причем это безразличие проявляется иногда самым неожиданным образом...

Например, не далее как год назад в университетской стенгазете «Вестник» была опубликована заметка, привлекающая к себе внимание уже первой фразой: «Произошло невероятное. Слушатели нашего университета (названы фамилии и должности) стали кумовьями. Могут ли такие быть воспитателями, нести в массы передовые идеи? По-видимому, нет! Звание «кума» яркая оценка их убежденности...»

Такого рода издержки трудно объяснить лишь недостаточным уровнем методических разработок. Очевидно, есть некое смещение акцентов в самом содержании учебного процесса, что не дает возможности выпускникам университета вести с главной — неверующей — аудиторией обстоятельный и серьезный разговор, в полной мере раскрывающий сущность религии, причины ее существования в условиях социализма, характер сознания современного верующего и т. д.

ТАНЯ ЛЕЩЕНКО И ДРУГИЕ

Партийные организации города после первого же выпуска поняли, что в лице человека, окончившего факультет научного атеизма, они получают хорошо подготовленного пропагандиста, знакомого с философией, психологией, социологией, к тому же умеющего поговорить с человеком по душам. Поэтому стараются использовать его знания в максимальной степени.

— Случается, что даже и не по профилю, — замечает заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии А. А. Береснев,— но в целом эффективность работы университета достаточно высока: лишь пятая часть выпускников факультета по тем или иным причинам отошли от атеизма. Да в наших условиях было бы просто преступлением «разбазаривать» такие кадры. К тому же, их пока очень мало. За восемь лет отделение атеизма окончили всего 86 выпускников — для Большой Ялты, то есть фактически для всего Южного берега Крыма, куда входят два города, около 20 поселков с населением почти 150 тысяч человек, не считая двух миллионов приезжающих ежегодно, — это капля в море...

Но надо сказать, что в условиях острой нехватки квалифицирован-

ных пропагандистов сделано много. Число крещений, например, составлявшее в 1969 году 33,4 процента всех родившихся, к началу нынешнего года сократилось более чем в три раза; на редкость эффективно работает комиссия содействия горисполкому по контролю и соблюдению советского законодательства о религиозных культах; большое внимание уделяется в Ялте и уровню подготовки сотрудников ялтинского отделения «Интурист».

— Мне даже трудно представить, как я работала бы с иностранцами, не разбираясь в вопросах религии и атеизма, — говорит переводчица «Интуриста» Таня Лещенко.

Таня поступила в университет марксизма-ленинизма сразу же после окончания вуза. Тема ее дипломной работы — «Идеология современного сектантства».

— Когда они приезжают в Советский Союз, — продолжает Т. Лещенко, — их интересует буквально все: от цен на продукты до образа мышления советского человека. Особенно иностранцев интересуют проблемы, связанные со свободой личности, в том числе и с нашим пониманием принципа свободы совести. Вопросы, правда, порой задают такие наивные, что остается лишь поражаться. Скажем, есть ли у нас действующие церкви, можно ли туда пойти и т. д. Ну, мы, разумеется, ведем их, а заодно объясняем, каково положение религии и церкви в нашей стране.

— Какое впечатление производят на зарубежных туристов эти экскурсии?

— Стареет, говорят, у вас религия. И еще им бросается в глаза, что в церкви — обстановка настоящей веры.

Еще раз хочу обратить внимание на ту часть рассказа Тани Лещенко, где она говорит о том, что ей дал университет: умение применять теоретические знания в своей повседневной работе. Но не только эта причина, разумеется, определяет тягу ялтинцев в вечерний университет. Сейчас заметно возрос интерес к социально-нравственной проблематике и, в особенности, к человеку как таковому. Вот почему атеизм, в центре внимания которого стоит человек и человеческие отношения, причем человек не абстрактный, а живой, конкретный, не может оставить людей равнодушными. По крайней мере, такой вывод напрашивается при знакомстве с опытом работы ялтинского университета марксизма-ленинизма.

СЕРДЦЕ, ОТКРЫТОЕ ЛЮДЯМ

В. ПЕТРОВ



М. Бусыгина.

РОБКО, пропустив впереди себя детей, в библиотеку вошла женщина. Молодое, обрамленное темным платком лицо. Остановилась перед столом заведующей и тихо произнесла:

— Запишите, Маргарита Викторовна, моих ребят, пусть читают книги и живут, как все. Не враг я им, не хочу больше держать у бога силой.

А мальчики тем временем ходили между стеллажами.

— Мамочка, мамочка! Смотри, сколько красивых книжек! —бросился младший к матери. И та, прижав его к себе, заплакала.

Жизнь Люды началась тяжело и безрадостно. Война, без вести пропал отец, тяжело заболела мать. Обездоленную семью приглядели баптисты: «Молитесь, — говорили они матери. — Твой муж пропал без вести. Авось, бог его убережет, и он вернется. Проси, Людмила, божьей благодати, и мать твоя исцелится».

Отец не вернулся, мать продолжала болеть. Но молодость брала свое. И потихоньку Людмила стала терять интерес к молитвам. Вскоре приглянулся ей хороший парень, и она вышла за него замуж. Жили хорошо, но покоя не было. «Вероотступница, через тебя бог лишает нас своей милости. Не будет твоим детям счастья», — повторяла все время мать.

Так продолжалось несколько лет. Не выдержал муж, ушел из дома, бросив двоих детей. Людмила надолго слегла в постель. А тут еще стали болеть дети, то один, то другой. Больная, лишенная веры в свои силы женщина вернулась в «божье стадо».

Ложилась и вставала с молитвой. О себе она уже не думала. Все ее просьбы к богу начинались и заканчивались словами: «Господи, не оставь своей милостью деток».

С ее детьми Маргарита Викторовна Бусыгина познакомилась в школе, где проводила конкурс на лучшую книжку. Десятки книг называли ребята, только Андрей и Саша сидели молча. Они никогда не слышали стихотворений

С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова. Широко раскрыв глаза, слушали они о «Мальчише-Кибальчише», но взять книгу домой отказались.

В тот же день Бусыгина побывала на производстве, где работает Людмила. Как и предполагала, никто толком не знал о жизни молодой женщины. И только один из начальников бросил: «Некогда с ней возиться. Пусть меньше по молениям ходит». И вот тут-то воспользовалась Маргарита Викторовна своим мандатом депутата поселкового Совета: многим досталось за бездушие и черствость. С тех пор изменилось отношение к человеку. Товарищи по работе стали интересоваться жизнью Людмилы, заходить к ней домой. К дню своего рождения за хорошую работу — впервые в жизни! — Люда получила подарок.

Естественное чувство благодарности привело Людмилу к Бусыгиной. И вот тогда впервые состоялся разговор двух женщин, двух матерей, в равной степени изведавших горести войны и житейской неустроенности. Уходила Людмила растревоженная — не давала покоя фраза: «Будь жив отец, не простил бы тебе горькое детство своих внуков».

С тех пор Маргарита Викторовна стала частой гостьей в Людином доме. Читала детям сказки, рассказывала о далеких странах. И постепенно оживали ребячьи лица. А Людмила смотрела на свою новую знакомую и думала: «Неверующая, а сколько доброго людям делает. Заботится о моей семье, моих детях, а ведь у самой тоже двое...» А перед глазами вставали лица ребят во время молитвы. Безрадостные и печальные, они были немым укором матери. И однажды Люда спросила себя: «Может, права Маргарита Викторовна, и я, действительно, мучаю своих детей?» Вот тогда-то и привела она ребят в читальный зал массандровской библиотеки.

Вера, бог, религия... Эти понятия никогда не интересовали Риту Бусыгину. Она была убеждена, что религия — дело прошлое, умирающее, а потому не заслуживает никакого внимания. Так думала она до тех пор, пока после окончания библиотечного техникума не приехала на работу в Массандру. Здесь молодому культработнику предложили возглавить воспитательную работу в семьях верующих.

— Молодая и самоуверенная, я не раз попадала впросак, — вспоминает Маргарита Викторовна. — Не приняли верующие всерьез мои легковесные беседы. «Зря стараешься, молодица. Мы — верующие, дети наши — верующие, надеемся, что и внуки бога почитать будут», — говорил руководитель группы пятидесятников А. Тупиков. Вот тогда-то и отправилась я со своими обидами к Акиму Максимовичу Босому, и в то время руководителю секции атеизма городской организации общества «Знание». Он внимательно выслушал меня, а потом дал совет: «Запомните, что я вам сейчас скажу, Маргарита. Первое. Добейтесь, чтобы люди вас уважали, поняли, что вы желаете им добра. И второе. Вам нужны знания, только они дают право учить других». С тех пор и началось мое атеистическое образование: сначала был кружок, потом школа научного атеизма, затем вечерний университет марксизма-ленинизма, а недавно закончила Московский институт культуры...

Минувшие годы неузнаваемо изменили облик поселка: прибавилось населения, в несколько раз выросло число предприятий и здравниц. Изменились и люди. Не сбылось пророчество Тупикова, не удержал он в узде всех своих наследников. Конечно, и сейчас есть в поселке верующие дети, но они посещают школьные вечера, участвуют в общественной работе. А школа и библиотека стали родным домом для сотен ребят.

Особенно многолюдно всегда в библиотеке. Для детей здесь полное раздолье. Одни снуют между стеллажами, другие — на полу разбирают гербарий. За столом рисуют карту похода по окрестностям Ялты. В коридоре идут шахматные баталии.

— Уже несколько лет при библиотеке работает клуб «Юные любители книги», — рассказывает Маргарита Викторовна. — Ребята следят за сохранностью книг, ведут каталог поступившей литературы, распространяют ее среди населения, обновляют библиотечки на предприятиях, помогают проводить тематические вечера и читательские конференции. Есть у нас и секция «Юный атеист».

Еще при входе я обратил внимание на красочный плакат, на котором было написано: «Ребята! Вероятно, вы уже не раз задумывались, в чем состоит счастье человека. Кто хочет высказать свое мнение, приходите на диспут: «Может ли религия помочь человеку?» Объявление дополнял большой список вопросов для размышлений. К диспуту ребята подготовили книжную выставку из нескольких разделов: «Великие атеисты мира», «Человек—гражданин Вселенной», «Мир вокруг нас», «Человек, Космос, бог», «Как человек создал бога».

Здесь, в библиотеке, я встретил и сыновей Людмилы, историей которой начат этот рассказ. Оба — пионеры. В этот день они занимались рестав-

рацией старых книг. У шестиклассника Андрея рядом со стопкой аккуратно подклеенных книжек на школьном портфеле лежали сказки Андерсена и «Алые паруса» Грина — эти книжки Маргарита Викторовна разрешила взять домой — для мамы и бабушки, сказал он.

Двадцать лет живет в поселке Маргарита Викторовна Бусыгина. И все эти годы она заведует библиотекой. Сколько раз ей предлагали перейти на другую работу, но она отказывалась. Люди, их интересы, судьбы их детей — вот что для нее дороже всего.

Сейчас вряд ли кто и помнит первые робкие шаги молоденькой комсомолки Риты. Всеми уважаемая Маргарита Викторовна Бусыгина, секретарь парткома территориального объединения Массандра, депутат поселкового Совета,— человек большой души и сердца, щедро открытого людям.

ЭНТУЗИАСТ

В. ПУЗИКОВ



А. Босый.

ЖИВЕТ В ЯЛТЕ удивительный человек, встреча с которым становится для одних вехой, определяющей правильный курс, для других — поводом к размышлению о своей судьбе, для третьих — уроком человеческой доброты.

Аким Максимович Босый не занимает особо видных должностей, но редко проходит день, чтобы он не был нужен людям. То пионеры зовут на свой очередной сбор, то просят прибыть на вручение комсомольских билетов. Десятки предприятий, учреждений, школ, санаториев ждут его как задушевного собеседника-лектора.

Помимо своей официальной должности директора университета марксизма-ленинизма, А. М. Босый исполняет еще немало общественных поручений: он, в частности, — председатель секции научного атеизма ялтинской организации общества «Знание», заместитель председателя координационного совета по атеизму при горкоме партии, член комиссии содействия горисполкому по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах...

— Аким Максимович—прежде всего воспитатель. Причем воспитатель редкого таланта. Он на удивление тонко чувствует человеческую душу, а главное умеет увидеть в каждом человеке те нити, которые связывают его с обществом, — говорит заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии А. А. Береснев.— За 30 лет своей работы в Ялте он соприкасался со многими судьбами. И каждой щедро отдавал частицу своей души. Он делает это так же естественно, как, скажем, подает руку поскользнувшемуся человеку, не рассчитывая ни на благодарность, ни на похвалу.

Как и когда пришло к Акиму Максимовичу это чувство своей нужности людям — сказать трудно. Бывший батрак, комсомолец 20-х годов, первый коммунар, ветеран Великой Отечественной — все это вехи его жизни. И от каждой накапливалось свое понимание добра и зла, предназначения человека.

— С появлением в Ялте Босого, — вспоминает бывший пресвитер баптистской общины, — для нас, ее руководителей, кончились спокойные времена. Своими знаниями, помноженными на ум и такт, он выбивал почву из-под наших ног. После его бесед проповеди теряли всякий смысл. Акима Максимовича предавали анафеме, но все напрасно: авторитет его был непоколебим. Многие бывшие верующие обязаны ему своим прозрением.

Как-то, выступая на диспуте «О смысле жизни», А. М. Босый напомнил собравшимся

слова из недавней проповеди ялтинского пресвитера евангельских христиан-баптистов: «Будьте добрыми, человечными, и тогда без всякой борьбы осуществится мир на земле и «в человецех благоговение», ибо «бог — есть любовь»... И тут же попросил поднять руку тех, у кого имеются в семьях погибшие во время последней войны. Руки подняли почти все. А затем по рядам пошла фотография концентрационного лагеря Майданек, в освобождении которого принимал участие майор А. М. Босый: у дымящихся печей гора человеческих костей, а рядом: на стене барака, огромными буквами надпись: «С нами бог». И Аким Максимович поинтересовался: возьмется ли кто-нибудь из верующих прокомментировать этот страшный снимок. Желающих не нашлось, ибо трудно было увязать происходившее в действительности со «всемогущим и всеблагим творцом, без воли которого не падет ни один волос с головы».

Речь пропагандиста дала пищу для раздумий многим верующим, пользующимся сегодня всеми благами мирной жизни, за которую советский народ сражался отнюдь не молитвой и не с лозунгом: «Каждый за себя, один бог за всех».

Аким Максимович родился 70 лет назад в глухой запорожской деревне Черниговке в семье батрака. А спустя шесть лет больная мать и восемь детей остались без кормильца. С того момента и началась трудовая жизнь Акима. Скитался по чужим людям, изведал хозяйские пинки и затрещины. Подростком пристал к полку красных конников. Прошел с ним всю Украину — до самого Перекопа, отлежал в сыпняке и возвратился в родное село с комсомольским билетом в кармане гимнастерки.

Шесть братьев Босых стали ядром комсомольской ячейки на селе, организаторами деревенской бедноты в борьбе за новую жизнь. Нелегко пришлось парню. Кулаки стреляли из обрезов, но выстоял он в этой лютой борьбе...

Потом был 1941-й. Семья Босых полной мерой заплатила за счастье советский людей. Защищая Ленинград, в 1942 году погиб отважный разведчик Иван Босый. У стен Сталинграда — младший, Петр. Не дожил до победы Василий. Испил свою фронтовую чашу и Аким Максимович: битва за Киев, сражение на Курской дуге, форсирование Днепра, Одера, Вислы, штурм Познани, битва за Берлин... 15 наградами Родины отмечены его ратные подвиги. Три ранения и тяжелую контузию получил майор А. М. Босый. А когда кончилась война, его привезли в Ялту тяжело больным. А вскоре он столкнулся со своими будущими идейными противниками.

— Повадились они ко мне,— улыбаясь, рассказывает он. — «Отрешись, говорят, Аким, от мирских дел, обороти свой взор к богу». Особенно старалась одна молоденькая медсестра. Стряхнул тут я с себя уныние и стал всячески помогать докторам бороться за мое земное царство. И, как видите, выжил. А пока лечили, распропагандировал и увел от «братьев» «святую сестричку». Вот с этого времени и отсчитываю годы своей атеистической «карьеры»...

Атеистическая работа в Ялте считается по сравнению с другими городами Крыма наиболее результативной. Только за последние три года здесь вдвое уменьшилось количество крещений детей. Единичными стали случаи венчания. Распались и перестали существовать некоторые религиозные общины. Более 50 человек порвали с религией. Все это, безусловно, результат настойчивой, многолетней работы партийных организаций.

Во всех крупных коллективах созданы и функционируют общественные советы по атеизму. Они работают в тесном контакте с городским координационным советом и городской организацией общества «Знание». В ее составе около 2 тысяч лекторов, в том числе 13 докторов и 117 кандидатов наук. Многие из них прошли специальную подготовку в вечернем университете марксизма-ленинизма. Целенаправленную воспитательную работу проводят 80 клубов и Домов культуры Большой Ялты, 11 кинотеатров и 223 киноустановки, 117 библиотек.

— У журналистов есть выражение: «Тема нашла автора», — говорит секретарь Ялтинского горкома партии И. Д. Бондарь. — Так вот, перефразируя ее, можно сказать: «Атеизм нашел в лице Босого талантливого пропагандиста». Секция атеизма, которой руководит Аким Максимович, сравнительно небольшая—23 человека. Но все они, подобно своему руководителю, наделены даром искать и находить пути к сердцу человека.

Это верно: главная заповедь, которой всегда следует А. М. Босый, — уважение к человеку, к его убеждениям. Если человек искренен в своих убеждениях, то как бы он ни заблуждался, с ним всегда можно найти общий язык.

Более десяти лет вел активную проповедническую деятельность член баптистской общины Митрофан Поротиков. «Десять лет, — как писал он потом в газету, — темноты и невежества. Сколько растрачено даром сил, сколько зря потеряно времени! Своим духовным исцелением я обязан Акиму Максимовичу Босому и его многочисленным помощникам».

Чем глубже вникаешь в работу ялтинских атеистов, тем отчетливее чувствуется научно обоснованный, планомерный и целенаправленный ее характер. Опирается она прежде всего на отличное знание обстановки, вдумчивый подбор и хорошую подготовку кадров, выбор наиболее эффективных форм воспитания, а также координацию деятельности всех идеологических звеньев.

— Цель атеиста, — говорит Аким Максимович, — убедить верующего в том, что религия вредна не столько обществу в целом, сколько самому верующему и что мы, атеисты, потому и боремся за человека...

О работе Босого и его товарищей написаны многочисленные статьи. О его опыте рассказывают книги и брошюры. Крымские атеисты — частые гости у Акима Максимовича. И для многих встреча с ним — событие яркое, оставляющее след надолго. Стройный, подтянутый, он заражает окружающих своей энергией, оптимизмом. И конечно же, покоряют широта его знаний, такт, партийная принципиальность, умение доводить начатое до конца.

Аким Максимович торопился закончить свои дела. Его ждал отпуск, который он решил посвятить составлению книги «Мемориальный справочник улиц Ялты». Над ней он работает уже несколько лет. Многие улицы города названы именами выдающихся советских людей. Борясь за внедрение в быт новых обрядов, ялтинцы ежегодно отмечают и Праздники улиц. Но не все еще имена хорошо известны горожанам. И справочник должен восполнить этот пробел.

Есть чем гордиться труженикам Ялты. С каждым годом хорошеет и расцветает жемчужина Черноморья, прекрасная здравница, куда приезжают тысячи людей из различных уголков нашей необъятной Родины, где много бывает и зарубежных гостей.

— Что особенно поражает иностранцев в советских людях, — рассказывает А. М. Босый, — так это уверенность в завтрашнем дне. Видный бельгийский ученый, гостивший в Ялте, в беседе со мной как-то заметил: «Увиденное превзошло всякие ожидания. Ваши люди воистину счастливы — они имеют полное право обходиться без господа бога».

— Только в минувшем пятилетии, — продолжает Аким Максимович, — в движении за коммунистический труд в нашем городе участвовало более 40 тысяч трудящихся. 15 тысяч получили почетное звание «Ударник коммунистического труда». И эти цифры, а главное дела людей придают нам, атеистам, уверенность, воодушевляют...

Я слушал Акима Максимовича, и невольно на ум приходили слова, сказанные с трибуны XXV съезда КПСС товарищем Л. И. Брежневым: «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания,.. соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять». Конечно же, это сказано и об Акиме Максимовиче Босом, чью жизнь и труд можно ставить многим в пример.



В КАЛУГЕ с 30 ноября по 2 декабря 1976 года работала Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы атеистического воспитания трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС».

Высказанное Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым на XXV съезде партии положение о комплексном подходе к воспитательной работе имеет прямое отношение и к научно-атеистической пропаганде. Религиозные убеждения переплетаются с другими пережитками в сознании и поведении людей — индивидуализмом, отдельными проявлениями национальной ограниченности, с различного рода бытовыми предрассудками и т. д. Только единство идейно-политического, трудового, нравственного, интернационального, атеистического воспитания может достаточно эффективно решить задачи формирования социально активной личности.

Поэтому проблема комплексного подхода к атеистической работе стала стержнем многих вопросов, обсуждавшихся на конференции. В ней приняло участие более 500 лекторов-атеистов, партийных и советских работников, ученых из всех республик, краев и областей страны.

Открывший конференцию заместитель председателя Правления Всесоюзного общества «Знание» кандидат исторических наук В. П. Маслин и председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при Правлении общества «Знание» РСФСР, заведующий кафедрой научного коммунизма МГУ имени М. В. Ломоносова доктор философских наук, профессор С. И. Никишов, выступивший с докладом «Комплексный подход к идеологической работе в свете решений XXV съезда КПСС и проблемы атеистического воспитания», обосновали задачи пропагандистов научного атеизма в ходе реализации решений партийного съезда.

Подчеркнув, что борьба против религиозных пережитков не самоцель, С. И. Никишов сказал, что атеистическая пропаганда в современных условиях не будет достаточно эффективна, если замкнется в кругу лишь собственно атеистических проблем, будет вестись без тесной связи с другими сферами воспитательной деятельности.

КАЛУЖСКОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ...

Докладчик обстоятельно показал большие и до сих пор слабо используемые возможности атеистического аспекта в лекциях о международном положении, по проблемам интернационализма и советского патриотизма, эстетике и другим общественно-политическим, а также естественнонаучным темам.

Актуальность этой проблемы отмечали в своих выступлениях и другие участники совещания. Заведующий кафедрой научного атеизма, этики и эстетики Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена доктор философских наук профессор Н. С. Гордиенко в докладе «Идеологическая борьба и религия в условиях разрядки международной напряженности» привел примеры идеологических диверсий, совершаемых под флагом защиты религии.

С большим вниманием был прослушан доклад кандидата философских наук А. В. Нуруллаева «Советское государство и религиозные объединения в условиях развитого социалистического общества».

Плодотворно прошла работа секций. Сама их организационная структура отражала стремление подойти комплексно к проблемам атеистического воспитания и повышения его эффективности. Если в прошлом секции традиционно создавались по принципу работы среди последователей различных конфессий, то теперь был определен круг наиболее актуальных в современных условиях теоретических, практических и организационных проблем.

Работали четыре секции: «Вопросы повышения идейно-теоретического уровня атеистического воспитания» (руководитель — профессор С. И. Никишов); «Формы и методы повышения эффективности пропаганды научного атеизма» (руководитель — доктор философских наук В. Р. Букин); «Особенности атеистической работы с различными категориями населения» (руководитель — кандидат философских наук Э. Г. Филимонов); «Кадры атеистов: подготовка и эффективность использования» (руководитель — кандидат философских наук Б. Н. Коновалов). На секциях выступили 77 человек.

Одной из центральных проблем, обсужденных на конференции, стало единство атеистического воспитания и других направлений воспитательной работы. Эта мысль подчеркивалась в докладах директора ленинградского Музея истории религии и атеизма кандидата философских наук В. Н. Шердакова «Нравственное содержание атеизма, его роль и место в коммунистическом воспитании», доктора философских наук В. Р. Букина (Ленинград) «Особенности борьбы современной науки с религиозным мировоззрением в эпоху научно-технической революции», а также в выступлениях П. И. Бокарева (Тамбов), Д. М. Матяса (Минск), Н. А. Костина (Новосибирск) и других. Отмечалось, что здесь много еще нерешенных задач: ученые и лекторы, занимающиеся вопросами этики, зачастую обходят атеистические проблемы, да и в самой атеистической работе недостаточно внимания уделяется нравственной проблематике, хотя хорошо известно, что служители культа всех конфессий в своей проповеднической деятельности основной упор делают сейчас именно на эти проблемы.

О необходимости усиления атеистической работы в общеобразовательной школе говорили, в частности, Л. А. Зубенко (Москва), Б. И. Гальперин (Фрунзе) и другие. Необходим тесный творческий контакт между специалистами в области теории научного атеизма и работниками народного образования, которые, особенно в сельской местности, составляют основные кадры пропагандистов атеизма.

Об опыте индивидуальной работы с верующими родителями интересно рассказала на секции учительница из Севастополя А. С. Русачовская. В нашей стране практически нет такого района, где не было бы подобных энтузиастов. Их опыт заслуживает всестороннего изучения, глубокого осмысления и обобщения. Однако все еще мало книг и брошюр, адресованных школьным работникам, а тем более учащимся и их родителям. Поэтому одобрение присутствующих вызвало предложение подготовить несколько специализированных, написанных на уровне современных идейно-теоретических требований пособий, рассчитанных именно на эту категорию читателей.

Опытом работы по атеистическому воспитанию студентов поделились В. И. Егорова (Владивосток), П. М. Степанов (Краснодар), Ю. А. Чуковенков (Смоленск) и другие.

В единстве атеистического, патриотического и эстетического воспитания важное место занимает правильная идеологическая оценка памятников старины. В нашей стране, особенно в ряде областей РСФСР и Украины, есть опыт использования памятников культуры в атеистическом воспитании населения. Несколько лет назад в Новгороде и Суздале общество «Знание» РСФСР совместно со Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры провели на эту тему интересные семинары.

Кандидат философских наук В. А. Зайцев рассказал, что силами ученых и работников общества «Знание» Архангельска для экскурсоводов читается цикл лекций по атеизму. Особое внимание уделяется четкой идейной оценке архитектурных памятников русского Севера, большинство которых культовые сооружения.

С. И. Никишов, говоря о комплексном подходе к атеистической работе, подчеркнул необходимость охвата ею всего населения с учетом национальных, религиозных, возрастных и иных особенностей. Развивая эти положения, об опыте и актуальных проблемах работы среди последователей разных конфессий обстоятельно рассказали в своих выступлениях доценты А. Т. Москаленко (Новосибирск), А. С. Герасимец (Иркутск), Н. И. Мартыненко (Воронеж), Р. Г. Балтанов (Казань), Р. М. Маджидов (Душанбе), секретарь Октябрьского райкома компартии Казахстана В. С. Суханова (Караганда) и другие.

Важное место заняла проблема подготовки кадров лекторов-атеистов. Об этом говорили В. П. Маслин, О. А. Гусарева (Москва), В. П. Викторов (Свердловск), В. Е. Евдокимов (Липецк) и другие.

Инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС, кандидат философских наук Э. И. Лисавцев проанализировал состояние научно-атеистической пропаганды в нашей стране и остановился на нерешенных задачах этого участка идеологической работы.

Конференция приняла рекомендации, направленные на активизацию научно-атеистической пропаганды, на повышение ее эффективности.

А. АВКСЕНТЬЕВ,
Н. ГОРОХОВА

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В ПРОХОДИВШЕЙ в Москве 7—10 декабря 1976 года Всесоюзной научно-методической конференции «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях», организованной Министерством высшего и среднего специального образования СССР и философским факультетом Московского университета имени М. В. Ломоносова, приняло участие 375 человек — преподаватели вузов, работники Академии педагогических наук, ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, Польши, Румынии, Чехословакии. С докладами и сообщениями выступили более ста участников конференции.

Открывший конференцию заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Н. И. Мохов подчеркнул важность задачи воспитания атеистической убежденности студенческой молодежи.

С программным докладом «О задачах повышения уровня преподавания научного атеизма в свете решений XXV съезда КПСС» выступил начальник отдела преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР профессор А. Г. Шептулин. Докладчик отметил необходимость комплексного воздействия на студента, охвата всех его личностных качеств. Лекция не должна быть информационно-описательной. Необходимо излагать материал проблемно: ставить проблему, анализировать и подводить обучаемого к марксистско-ленинскому ее решению.

Декан философского факультета МГУ профессор С. Т. Мелюхин, выступивший с докладом «Формирование научно-атеистического мировоззрения в процессе изучения естественных и общественных наук в вузе», показал, что материалистические взгляды студентов формирует любой предмет, преподаваемый в вузе, — будь то археология, эстетика или физика. Особое внимание он уделил роли естественных наук.

Директор института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор А. Ф. Окулов в докладе «Актуальные проблемы научных исследований в области теории атеистического воспитания» как положительное явление отметил тот факт, что в последние годы усилился интерес к разработке позитивных аспектов теории научного атеизма, возросла роль атеистической работы в коммунистическом воспитании, в идеологической деятельности партийных организаций. Атеистическое воспитание, входящее в систему формирования научного мировоззрения, способствует утверждению коммунистической морали, гуманистическому решению проблем развития общества и личности, оно органически связано с теми великими задачами, которые решает сейчас коммунистическая партия на пути создания духовного богатства развитого социалистического общества.

С докладом «О повышении качества учебно-воспитательной работы в процессе изучения основ научного атеизма в вузах» выступил заведующий кафедрой истории и теории атеизма МГУ профессор М. П. Новиков. XXV съезд КПСС, сказал докладчик, выдвинул задачу повышения эффективности и качества всей нашей теоретической и практической деятельности. В соответствии с этим ставится также задача подготовки специалистов, которые отвечали бы требованиям ускоренного развития социалистического общества. В последние годы изучение основ научного атеизма в высшей школе улучшилось, повысился теоретический уровень и педагогическое мастерство преподавателей. Повышению уровня преподавания научного атеизма способствовало совершенствование программы, издание учебников и учебных пособий, методических разработок. Докладчик дал ряд рекомендаций по совершенствованию подготовки преподавателей атеизма, предложил издавать курсы лекций и учебные пособия применительно к профилям вузов, к специфике различных регионов.

Обсуждение докладов развернулось на секционных заседаниях. На секции «Методика проведения лекционных и семинарских занятий» (председатель секции профессор В. К. Танчер) выступили 32 человека. Многие из них проводили социологические исследования мировоззренческой ориентации студентов, позволившие ощутить пробелы в их атеистическом воспитании.

Социологические исследования создали возможность для более точного определения путей активного воздействия на сознание студентов, сказал Э. Л. Щербаков (Краснодар).

Духовный мир студентов наших дней необычайно сложен и многогранен, их интеллектуальные запросы растут из года в год, и это ставит перед преподавателями научного атеизма важную задачу: повысить интерес студентов к своему предмету, разработать пути активизации их познавательной деятельности, а для этого необходима разработка методики преподавания научного атеизма. Большой интерес на секции вызвали предложения отказаться от привычных, но ныне уже не эффективных форм подачи программного материала.

С призывом читать курс только в проблемном плане выступила К. С. Синютина (Ярославль). Но что значит проблемная лекция? Изложение дискуссионных вопросов атеистической науки или узловых проблем курса? Понятие проблемной лекции неоднозначно, преподаватель может отдать предпочтение разработке и изложению тех проблем, которые представляются актуальными ему. Часть же вопросов программы вполне можно передать студентам для самостоятельного изучения. Об активизации студентов в процессе преподавания курса, о необходимости создания проблемной ситуации на семинарских занятиях говорили Г. Г. Бушманис (Рига) и Ю. С. Комаров (Казань).

В ряде выступлений поднималась проблема профилизации преподавания научного атеизма в вузах. Так, Ф. М. Сафаров (Чечено-Ингушетия) отметил, что в условиях этой республики, где ислам выступает в неортодоксальной форме и где религиозные пережитки тесно сплетаются с националистическими, атеистическое воспитание студента требует выработки специфических средств воздействия на его сознание и поведение.

Значительное место в работе секции заняло обсуждение отдельных проблем курса и возможностей лучшего их донесения до сознания студентов. Было предложено шире использовать в процессе преподавания материалы XXV съезда КПСС. Интересным было выступление Г. М. Лебединца (Львов) о причинах существования

религиозности в социалистическом обществе и путях ее преодоления. Высказывались соображения по методике изложения темы «Атеизм и общественный прогресс». Н. А. Пашков (Москва) предложил уделять больше внимания раскрытию позитивной роли атеизма в общественном и научном прогрессе.

Было обращено внимание на целесообразность использования наглядных пособий, а также местного материала. И. Махалик (ЧССР) продемонстрировал перед присутствующими несколько диафильмов и диапозитивов, используемых в преподавании атеизма словацким студентам.

Рассматривалась и проблема совершенствования контроля за знаниями студентов. В. Н. Никитин (Ленинград) рассказал о нетрадиционном способе приема экзаменов у студентов пединститута имени А. И. Герцена: при ответе на основной вопрос студенту разрешается пользоваться учебными пособиями. Далее студенту задаются вопросы, на которые он должен ответить без подготовки.

На секции были внесены интересные предложения: организовать конференцию-дискуссию по актуальным теоретическим проблемам научного атеизма, ввести семинар для студентов «Методика подготовки атеистической лекции», спецкурс «Философские основы атеизма», разработать типовую программу, учитывающую специализацию студентов, и другие.

Вторая секция, работавшая под председательством профессора Н. С. Гордиенко (Ленинград), рассматривала проблему «Организация научно-исследовательской работы студентов, общественно-политической практики, внеаудиторной работы студентов по научному атеизму». На заседаниях выступили 37 человек.

Единодушным было мнение о том, что внеаудиторная работа студентов — необходимое дополнение к лекционному курсу — должна углубляться и совершенствоваться. В ходе обсуждения выявилась необходимость обобщения, систематизации и анализа того, что уже сделано в ряде вузов. Об этом, в частности, говорил товарищ Давагдорж (МНР). Общепризнанными формами подготовки из студентов активных пропагандистов атеизма стали школы молодого лектора, атеистические секции факультетов общественных профессий, кружки и клубы атеизма. Однако исчерпаны далеко не все возможности. К атеистическому воспитанию мало привлекаются преподаватели специальных дисциплин. Редко практикуются посещения музеев, поездки по заповедным и памятным местам.

Было внесено предложение — провести научно-практическую конференцию по профилям вузов, практиковать слеты членов атеистических клубов.

На заседаниях секции «Методологические проблемы формирования научно-атеистического мировоззрения студентов» (председатель секции профессор И. Г. Иванов) выступили 32 человека. Горячо обсуждалась проблема комплексного подхода к атеистическому воспитанию студентов, неоднократно подчеркивалась необходимость объединить усилия преподавателей научного атеизма с преподавателями других кафедр. О необходимости атеистического осмысления фундаментальных проблем общественных, гуманитарных и естественных наук сказал в своем выступлении О. Клор (ГДР).

На секции говорилось о том, что очень важно достичь в атеистическом воспитании студентов единства критической и позитивной сторон, научиться соединять критику религиозной идеологии с марксистским решением мировоззренческих вопросов. О том, что основное внимание нужно обращать на усвоение позитивных ценностей атеизма, формирование марксистских ценностных ориентаций, сказал А. Новицкий (Польша).

О создании системы атеистического воспитания в вузе, о разработке единого комплексного плана мировоззренческой подготовки студентов, предполагающего атеистическую ориентацию всех преподаваемых в вузе предметов, говорили Р. Н. Данильченко (Москва), И. Конья (Венгрия), М. Г. Писманик (Пермь), М. Д. Шевченко (Москва).

На секции отмечалось, что пассивный, стихийный атеизм не способствует созданию того идеологического климата, который содействовал бы угасанию религии. Иммунитет к влиянию религии вырабатывается у молодежи в процессе идейного развития, политической закалки, формирования здорового, оптимистического мироощущения. Именно такую задачу ставят перед собой наши высшие учебные заведения. При этом атеистическая работа в вузах предполагает выработку у студентов не только атеистической грамотности, но и атеистической убежденности и активности. Об этом говорили К. А. Виммсааре (Таллин), Т. Галечка (ЧССР), Ф. Джеорджеску (Румыния), Л. Н. Краснопольская (Москва), И. Лукач (Венгрия), Ю. М. Манин (Минск), М. Г. Писманик (Пермь), Н. В. Рябушкин (Иваново), П. М. Степанов (Краснодар), А. А. Ткаченко (Кемерово) и другие.

Выступавшие на конференции критически оценили проделанную работу и выработали рекомендации по ее улучшению. Опыт, накопленный в области преподавания научного атеизма и атеистического воспитания в различных вузах страны и обобщенный в докладах и секционных сообщениях, свидетельствует о том, что воспитательное воздействие курса научного атеизма повышается, когда преподавание корректируется в зависимости от профиля вуза и факультета.

Конференция рекомендовала программной комиссии Министерства высшего и среднего специального образования СССР продолжить работу по совершенствованию программ курсов «Основ научного атеизма» и «Истории и теории атеизма». Поскольку выпускники философских факультетов должны быть квалифицированными пропагандистами и преподавателями атеизма, признано целесообразным пересмотреть типовой план философских факультетов университетов с целью увеличения количества часов по курсу «Истории и теории атеизма». В вузах, где этот курс не является обязательным, необходимо определить статус факультативного курса. Государственным экзаменационным комиссиям рекомендуется включать вопросы по основным проблемам научного атеизма в государственные экзамены по научному коммунизму. Намечено издать учебные пособия по основам научного атеизма для педагогических, медицинских и сельскохозяйственных вузов. Издательству «Высшая школа» рекомендовано выпускать сборники, посвященные методике чтения курса, проведения семинарских занятий, формам внеучебной атеистической работы, обобщению опыта работы клубов молодых атеистов. Необходимо рассмотреть вопрос об обеспечении вузов страны наглядными пособиями по научному атеизму. Признано целесообразным расширить сотрудничество ученых и преподавателей социалистических стран по мировоззренческому воспитанию студенчества.

М. ДАНИЛОВА,
З. ТАЖУРИЗИНА



Александр ШАМАРО

ВОТ ОН — перед вами... Стоит он в сердцевине Москвы, у оживленного перекрестка — пересечения Бульварного кольца с одной из древнейших лучевых улиц, носящей ныне имя Чернышевского. Его трудно не заметить. Облик его, наверное, знаком многим москвичам.

Не нужно быть большим знатоком истории архитектуры, чтобы при первом же взгляде на этот дом с уверенностью определить время его постройки. Типичный многоэтажный «доходный дом», возведенный в последние предреволюционные годы вместе с десятками подобных зданий. Шестиэтажная серая коробка, выходящая на проезд Покровского бульвара и Хохловский переулок, с высоким первым этажом, поблескивающим огромными витринными окнами.

Изучение предреволюционных адресных справочников (они издавались ежегодно под заглавием «Вся Москва») и документов, хранящихся в городском историческом научно-техническом архиве, позволило раскрыть историю этого дома, установить его хозяев.

Дом у Покровских ворот построен в 1912—1913 годах семейством богатых фабрикантов и торговцев — владельцев известной в свое время фирмы «П. И. Оловянишникова сыновья», занимавшейся литьем церковных колоколов, а также производством другой металлической церковной утвари; весь первый этаж занимала контора фирмы. Можно сказать, что в этот дом вложены «колокольные деньги».

Главой «торгово-промышленного дома», его учредительницей, пайщицей и директором была потомственная почетная гражданка Евпраксия Оловянишникова, владевшая целым кварталом, ограниченным Хохловским и Колпачным переулками, Покровкой (улицей Чернышевского) и проездом Покровского бульвара. Делами «товарищества» заправляли пятеро братьев Оловянишниковых — два директора, два кандидата в директора и член ревизионной комиссии. Солидная фирма! «Поставщик двора его императорского величества». Колокололитейный завод в Ярославле, заложенный в середине XVIII века. «Высочайшие особы, прибывая в Ярославль, всегда посещали колокольный завод» [1], — с великой гордостью сообщал историограф фирмы. Был там и Александр I, и Николай I (дважды), и Александр II (дважды). Кроме того, три предприятия в Ярославской губернии: два свинцово-белильных завода и свинцово-прокатный. Но главное дело, главный доход, конечно, — колокола. Рекламное объявление, помещенное в московской

[1] Н. Оловянишников. История колоколов и колокололитейное дело на заводе товарищества П. И. Оловянишникова С-вья. Ярославль, 1906, стр. 50.

адресной книге, гласило: «Колокола по заказу отливает от 20 фун. до 2000 пуд., готовые же постоянно имеет до 300 пуд. Прочность колоколов гарантирует». Основной капитал фирмы — 2 миллиона рублей, такой же суммой оценивалось и годовое производство. Собственные конторы в Петербурге, Туле, Ярославле; фирменный магазин в Москве, на Никольской, в двух шагах от Красной площади.

И как не богатеть, как не процветать «П. И. Оловянишникова сыновьям», если форсированное, год от года нараставшее строительство церквей было одной из важнейших забот царизма.

Восемь предреволюционных десятилетий, начиная с 1838 года, в Петербурге выходили ежегодные «Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора святейшего синода в ведомстве православного исповедания». Каждый из этих массивных томов содержал статистические данные о численности соборов и церквей, часовен и молитвенных домов, о ежегодном их приросте. Согласно этим сведениям, в России за четверть века, с 1889 по 1913 год включительно, ежегодно, говоря языком современным, «входило в строй действующих» в среднем по 800 новых соборов, церквей, молитвенных домов и часовен. Синод строго следил за тем, чтобы сеть богослужебных зданий становилась все гуще.

Во «всеподданнейшем отчете» за 1889 год сказано, что в России на 70 миллионов жителей, официально числящихся православными, приходится 50 720 «зданий, предназначенных для богослужений и молитв», то есть примерно одно молитвенное здание на 1400 человек. Эту, так сказать, приходскую норму самодержавие и стремилось неукоснительно поддерживать: не более 2 тысяч человек, считая и малых детей, на один приход (во многих из них, кроме церквей, были и часовни). И не приходится удивляться тому, что в 1913 году в России насчитывалось уже 53 902 церкви плюс 23 204 часовни и молитвенных дома, то есть 77 106 православных богослужебных зданий. Даже на одном обновлении сотен тысяч колоколов — на более крупные и голосистые (в деньгах на эти цели недостатка не ощущалось) можно было нажить миллионные состояния. Вот Оловянишниковы их и наживали.

У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ

В Москве храмостроительная политика царизма нашла, наверное, наиболее полное выражение.

По данным «Указателя московских церквей» М. Александровского (М., 1915), в течение XVIII и XIX столетий в Москве строилось в среднем по 2 церкви в год (XVIII в. — 208, XIX в. — 206), с неуклонным нарастанием от десятилетия к десятилетию. Всего лишь за первые полтора десятилетия нынешнего века было возведено и заложено 98 храмов, то есть в среднем по 7 в год. «Разгон», взятый в последнем десятилетии прошлого века, все нарастал: с 1901 по 1910 — 37 новых храмов, с 1911 по 1914 год — 56 плюс 5 заложенных. Шесть десятков всего лишь за четыре года! В среднем по 15 церквей в год!..

Это и не удивительно, если вспомнить, какие потрясения испытывало обветшалое государственное и общественное устройство царской России. Там, где падают алтари, падают и государства, твердила церковь. Самодержавие было согласно с таким тезисом, укрепляло и умножало алтари, не считаясь с затратами... Алтари, над которыми, естественно, круглый год звонили колокола.

Пережив смертельный испуг в годы первой русской революции, самодержавие извлекало свои уроки из недавних социальных бурь и потрясений и к прямому, физическому подавлению революционного движения (жандармерия, полиция, тюрьмы) энергично добавляло подавление духовное с помощью проповедей и богослужений. Характерный пример: в 1907—1909 годах при Никольских казармах на Ходынском поле «на средства действительного статского советника И. А. Колесникова» была сооружена церковь в честь иконы божьей матери «Отрада и утешение» — «в память убиенных за царя... крамолою 1905 года», то есть — в память царских карателей, погибших при подавлении революции.

К началу 1915 года в Москве было 563 церкви всех категорий.

Видимо, есть необходимость еще раз пояснить известную поговорку о «сорока сороков». Сорок — благочиние, благочинный округ в границах города. Их было 6 (Китайский, Ивановский, Замоскворецкий, Никитский, Сретенский и Пречистенский), и они объединяли 213 приходских церквей (сведения на 1 января 1915 года). Не считая Китайского сорока (всего 13 церквей), и каждый из остальных действительно входило примерно по сорок храмов. Но 1600 церквей («сорок сороков») в Москве никогда не было.

По измерениям, проведенным уже в советское время, площадь Москвы в предреволюционных границах составляла 9150 гектаров. Таким образом, один православный храм (а в Москве было немало и иных церквей — старообрядческих, «инославных», «иноверческих») — приходился в среднем на 16 гектаров городской территории, считая пустыри и водоемы. Если же брать жилые кварталы, то плотность храмов была, разумеется, намного больше.

Не будем ходить далеко за примерами, обратимся к той улице, на которой находится редакция журнала «Наука и религия», — к Ульяновской, бывшей Николо-Ямской.

Улица эта, начинаясь от площади у Астаховского моста, доходит до площади Прямикова (бывшей Андроньевской) и имеет длину немногим более полутора километров. И вот на этих полутора километрах было 6 церквей. По левой стороне — Покрова богородицы, «что на Лыщиковой горе» (в Лыщиковом переулке, 1696 г.); Николая чудотворца, «что на Ямах» (1697 г.) (замечу, кстати, что это самое популярное название: в Москве было 58 церквей в честь Николы угодника); преподобного Сергия (1800 г.). По правой стороне — архидиакона Стефана, «что на Швивой горке» (середина

XVII в.); Симеона столпника, «что за Яузой» (1798 г.); Алексия митрополита, «что в Рогожской» (1748—1751 гг.).

В среднем на каждые 250 метров — церковь... Но мы еще не все храмы учли. К бывшей Николо-Ямской вплотную примыкали церковь Феодора, Давида и Константина в Морозовской богадельне в Шелапутинском переулке (1891 г.) и церковь «Всех скорбящих радости» при Яузской больнице (1899 г.). Значит, уже не шесть, а восемь, — и все на те же полтора километра.

Заметим, кстати, что Николо-Ямская подходила к воротам Спасо-Андроникова монастыря, в котором было 5 церквей. А совсем рядом, на бывшей Большой Алексеевской (ныне—Большая Коммунистическая), высится громада церкви Мартина-исповедника (1792—1800 гг.).

Вот вам типичный уголок старой Москвы... С течением лет ее улицы, разумеется, не становились длиннее, на них не вырастали высотные жилые дома. Поколение за поколением обитатели ее ютились в домах и домишках в один-два этажа, в значительной мере — деревянных (их и сейчас можно видеть и по Ульяновской, и в примыкающих к ней переулках), а всемогущая рука внутригосударственной политики все ставила и ставила новые храмы — один просторнее и дороже другого, не очень-то заботясь, кстати сказать, об их художественной, архитектурной ценности, по крайней мере в последние предреволюционные десятилетия.

На чьи деньги строились церкви в дореволюционной Москве? На те же, что и по всей России, — на средства, ассигнуемые по государственному бюджету, и на пожертвования «благочестивых» богатеев — помещиков, фабрикантов, купцов, крупных чиновников. Львиная доля средств, естественно, шла из казны. С 1801 по 1914 год за счет частных пожертвований в Москве было построено лишь четыре десятка церквей из трехсот.

Начиная с 1864 года, царское правительство ежегодно публиковало «Государственную роспись доходов и расходов», и в каждой из этих «росписей» указаны были суммы, выдаваемые из казны ведомству православного исповедания.

Откроем эти «росписи» за несколько последних предреволюционных лет, вплоть до начала первой мировой войны.

На нужды святейшего синода было ассигновано: в 1908 году — 29 739 152 рубля; в 1909 — 31 663 444; в 1910 — 34 195 217; в 1912 — 40 129 979; в 1913 — 44 219 759; в 1914 году — 53 093 225.

Как видите, «богохранимое самодержавие» не скупилось: расходы на содержание церкви увеличивались во все возрастающей степени. Если, к примеру, сумма 1909 года превысила сумму 1908-го приблизительно на 2 миллиона, то сумма 1914 года превысила сумму 1913-го уже почти на 9 миллионов.

Не следует, однако, полагать, что самодержавие кормило из государственной казны одну лишь русскую православную церковь. Нет, щедрые ассигнования ежегодно получали и служители почти всех остальных вероисповеданий, имевших распространение в России. Но ведал этим уже не святейший синод, а департамент духовных дел иностранных исповеданий, входивший в громоздкую бюрократическую пирамиду министерства внутренних дел. Согласно «Приложению к государственной росписи доходов и расходов на 1913 год», этому департаменту было выдано 1 миллион 818 тысяч рублей



На этом рисунке, украшавшем обложку церковного еженедельника «Воскресный день» за 1912 год, изображена перевозка нового церковного колокола от железнодорожной станции к приходскому храму. Церковь стремилась превратить доставку и установку новых колоколов в религиозные праздники, в которых — как вы видите на рисунке — принимали участие и представители правящих классов.

с предписанием пустить их на содержание армяно-григорианского, римско-католического, евангелическо-лютеранского и мусульманского духовенства.

Миллионы рублей, предназначенных святейшему синоду, тратились ежегодно на строительство и содержание богослужебных зданий. Рос бюджет, росли и храмостроительные средства. К ним каждый год прибавлялись десятки и сотни тысяч от «монарших щедрот» (разумеется, за счет той же казны). «В 1897 году, — читаем мы во «всеподданнейшем отчете» за 1896 и 1897 годы, — состоялись высочайшие соизволения на отпуск из сумм государственного казначейства на окончательную достройку соборных храмов: в г. Ревеле 75 000 руб. и в г. Омске — 10 000 руб.». И подобные примеры можно выписывать из каждого такого отчета.

Государство и церковь выкачивали «храмостроительные деньги» всеми способами. «Средствами для построения церквей, — говорится во «всеподданнейшем отчете» за 1913 год, — служат: обложение прихожан подушными денежными окладами, доходы от сдаваемых в долгосрочную аренду земельных участков, подворные сборы натурою и доходы от общественных посевов».

Такая государственная политика не могла не вызвать к жизни целую «отрасль индустрии» — колокололитейную. Перед революцией во многих краях России — в Поволжье и Приуралье, на Украине и в центральных губерниях — на полную мощность работал 21 завод церковной утвари, из них 13 лили колокола [2]. В Москве действовали четыре подобные торговые фирмы. Но самой крупной, самой богатой фирмой были «П. И. Оловянишникова сыновья» — единственные миллионщики среди производителей колоколов и прочей церковной утвари. Ей выпадала львиная доля «колокольного» обогащения.

Книгу, изданную одним из владельцев и руководителей «товарищества» («История колоколов и

[2] См.: Л. К. Езиоранский. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.

колокололитейное дело на заводе товарищества П. И. Оловянишникова С-вья»), завершает пространный «Список колоколов весом более 100 пудов, отлитых заводом Т-ва П. И. Оловянишникова С-вья». Начиная с 1880 года и кончая годом выхода книги в свет (1906-м), Оловянишниковы продали 891 колокол весом более 100 пудов, то есть самых крупных и самых дорогих, отгрузив их во все губернии Российской империи. Последнее десятилетие сбыт держался на уровне 40—50 колоколов в год. Да, при таких доходах можно было бы без всякой финансовой натуги построить дом и вдвое больше того, что высится у Покровских ворот!..

Вернемся к «Государственным росписям доходов и расходов». Выше уже были приведены цифры годовых расходов по ведомству святейшего синода за первые годы нынешнего столетия. Сопоставим теперь два раздела — ассигнования святейшему синоду и ассигнования министерству народного просвещения.

Хотелось бы сделать здесь одно весьма существенное пояснение. Дореволюционное министерство народного просвещения охватывало огромную сферу жизни, которая поделена ныне между министерствами просвещения, высшего и среднего специального образования и культуры, Академией наук и Государственным комитетом по профессионально-техническому образованию. Так вот, представьте себе, какой щедрейшей финансовой поддержкой пользовалась церковь в царской России, если она получала из казны приблизительно половину того, что расходовалось государством на народное просвещение и науку!

Святейший синод		Министерство народного просвещения
1900	29 739 152 руб.	52 991 818 руб.
1909	31 663 444 руб.	63 939 902 руб.
1910	34 195 217 руб.	75 998 458 руб.

Отношение «богохранимого самодержавия» к науке в России проступает самым наглядным образом, если мы сравним его заботы о процветании церковной премудрости с заботами о развитии научно-технической мысли.

Духовные учебные заведения и монастыри		Научные учреждения и высшие технические учебные заведения
1912	3 740 286 руб.	3 336 058 руб.
1913	3 738 597 руб.	4 080 523 руб.
1914	7 873 253 руб.	4 361 777 руб.

Итак, расходы на развитие науки и техники в последние предреволюционные годы, в лучшем случае, держались приблизительно на одном уровне с расходами на содержание духовных учебных заведений и монастырей, а в 1914 году резко отстали от них.

Православная церковь входила в число неизменных любимчиков государственной казны и купалась в денежной реке, оттуда проистекавшей. А на подлинные народные нужды — просвещение, здравоохранение, развитие науки и техники — денег хронически не хватало... В 1922 году на страницах журнала «Революция и церковь» была напечатана статья П. А. Красикова, одного из ветеранов ленинской гвардии, пламенного пропагандиста-антирелигиозника. Вот что он писал: «По приблизительному подсчету, содержание попов и архиереев и различных религиозных учреждений обходится русскому погибающему от невежества и безграмотности мужику и бедняку столько же, сколько обошлось бы содержание 5 тысяч агрономов, 5 тысяч ветеринаров, 50 тысяч учителей и 50 тысяч докторов. Ремонт, постройка и содержание храмов в России могли бы дать средства и помещение по крайней мере на 40 тысяч школ; все колокола России с избытком покрыли бы всю нашу потребность в меди для электрификации...» [3].

В одном из справочников о промышленных и торговых компаниях, о заводах и фабриках дореволюционной России я обнаружил такие строки: «Благодаря давности производства и большой потребности в колоколах колокольное дело в России могло постоянно улучшаться в своей технике и потому находится ныне на очень высокой степени совершенства, к которому вряд ли может подойти производство заграничных заводов, в особенности по отливке больших колоколов...» [4].

По колоколам дореволюционная Россия опередила европейские страны... А в других отраслях?

Нет необходимости повторять общеизвестные исторические факты о безнадежном промышленном и техническом отставании дореволюционной России от наиболее развитых зарубежных государств. И капиталистические воротилы этих стран не замедлили воспользоваться этим обстоятельством.

Летом 1896 года, находясь в одиночной камере петербургского дома предварительного заключения по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Владимир Ильич Ленин писал: «...В последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши» [5].

В канун Октябрьской революции ведущие отрасли промышленности и главные индустриальные районы России можно было «расписать» по странам Западной Европы и Северной Америки.

Донбасс — край почти безраздельного господства капиталов из Франции и Бельгии. В течение последнего десятилетия прошлого века здесь было создано полтора десятка акционерных обществ (добыча угля, металлургия и металлообработка).

В Баку обосновался крупнейший нефтепромышленный концерн «Братья Нобель», находившийся под контролем американского нефтяного треста «Стандарт Ойл», и фирма «Шелл» — филиал мирового нефтяного треста «Ройял Датч Шелл».

В добыче золота и меди господствовали английские монополии. В производстве сельскохозяйственной техники — американская «Международная компания жатвенных машин». В коммунальном хозяйстве крупнейших российских городов (освещение, водопровод, трамвай) — бельгийский капитал.

---

[3] П. А. Красиков. Избранные атеистические произведения. М., 1970, стр. 153—154.

[4] «Фабрично-заводская промышленность и торговля в России». СПб., 1896, стр. 75.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

Дело дошло до прямой распродажи России по кускам — наиболее лакомым с точки зрения международного капитала. В 1908 году американские капиталисты купили за 380 тысяч рублей(!) джезказганские медные рудники в Казахстане. В те же годы министерство императорского двора, распоряжавшееся огромными земельными владениями царской семьи, вело переговоры с американскими и английскими фирмами, намереваясь передать им для эксплуатации почти всю угольно-железнорудную базу Сибири. Знакомясь с историей строительства Магнитогорского металлургического комбината, я прочел короткую заметку, напечатанную газетой «Оренбургское земское дело» 4 августа 1917 года. Оказалось, что и легендарную гору Магнитную чуть было не купили иностранные капиталисты, на сей раз — японские, уже при Временном правительстве.

Рабочий класс России, взявший в свои руки власть в октябре 1917 года, получил, по словам В. И. Ленина, «страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста» [6].

В такой стране революционный народ стал строить новый, социалистический мир...

Не отклонился ли в сторону наш разговор? Ведь речь идет о доме, стоящем неподалеку от Покровских ворот в Москве, доме, в стены которого, как мы увидели, вложены капиталы, нажитые изготовлением церковных колоколов. О доме, который благодаря этому обстоятельству можно считать в высшей степени характерной приметой старой, дореволюционной России.

Нет, наш разговор ни на шаг не уклонился в сторону... Книги имеют свою судьбу, гласит древняя пословица. С полным правом можно сказать: и дома тоже. Судьба этого дома сложилась так, что в последние годы он стал и знаменательной приметой современной жизни нашего социалистического государства, своеобразным свидетельством исторических побед, одержанных нашим народом в течение шести десятилетий Советской власти, нашего экономического и технического могущества.

В последние годы жильцы этого дома получили благоустроенные квартиры в новых жилых районах, а освободившиеся таким образом помещения были переоборудованы для представительств торговых палат — франко-советской и финско-советской, для представительств крупнейших промышленных корпораций и банков капиталистических стран. На стенах пестрят многочисленные вывески мощных корпораций — «Монтэдисон», «Дженерал электрик», «Муцибуси корпорейшн», «Марубэни корпорейшн», «Всеобщее шведское электрическое акционерное общество», банков — «Креди Лионе» и «Кредито Итальано», «Национального банка Парижа», «Парижско-Нидерландского банка»...

«Среди узловых хозяйственных проблем, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев с трибуны XXV съезда партии, — все большее значение приобретает развитие внешнеэкономических связей. Это — прямой результат быстрого роста нашего народного хозяйства и крупных перемен, которые происходят в мире, успехов политики мира и разрядки».

Дом у Покровских ворот... Своеобразный памятник давным-давно отошедшим в прошлое временам, когда православная церковь обладала огромной властью и значительным влиянием в народной жизни, когда влияние это всемерно поддерживалось «богохранимым самодержавием», когда «пышное процветание» православия сочеталось с неграмотностью народных масс, с культурной и промышленной отсталостью. Памятник временам, когда на продаже церковных колоколов можно было нажить миллионное состояние.

Дом у Покровских ворот — характерная примета новой эпохи, когда наиболее мощные и богатые страны капиталистического мира вынуждены вступать в равноправные и взаимовыгодные отношения со страной, в которой впервые в мировой истории построено развитое социалистическое общество.

---

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 359.

Автостроительный гигант на Волге в городе Тольятти, построенный при участии итальянской фирмы «Фиат», — один из примеров взаимовыгодного экономического сотрудничества Советского Союза с капиталистическими странами.

Фото А. БУЯНОВА. Фотохроника ТАСС.



Бессмертная Гипатия

Б. БЫХОВСКИЙ,
доктор философских наук

В именных указателях различных курсов истории философии вы почти не найдете женских имен. Одно-два встречаются иногда в курсах новейшей философии, нет их обычно в курсах так называемой новой философии и уж, конечно, средневековой. В наиболее обстоятельных курсах античной философии упоминается иной раз Арета, дочь Аристиппа Киренского, передавшая своему внуку Аристиппу-младшему гедонистическое учение его деда. Зато авторы истории античной философии всегда называют жену Сократа Ксантиппу, изрядно отравлявшую жизнь и препятствовавшую философской деятельности великого древнегреческого мудреца. «Женщины-философы были сравнительной редкостью в античности, и на них смотрели как на странное явление. Образ Афины отнюдь не способствовал многим слушателям подобных педанток (blue stockings — «синих чулков») думать о них в духе рождения Венеры» [1]. Но исключение есть: одно женское имя упоминается почти во всех курсах античной философии, несмотря на то что ни одно философское произведение этого автора не сохранилось ни в рукописях, ни в отрывках, ни в записях многочисленных учеников и восторженных слушателей. Это имя — Гипатия Александрийская. Сохранились лишь письма ее любимого ученика и воспоминания современников о ее творческой деятельности и трагической судьбе.

ОСНОВАННЫЙ АЛЕКСАНДРОМ МАКЕДОНСКИМ две тысячи триста лет назад на берегу Средиземного моря город был последним центром эллинистической культуры.

С III века начинается распад дотоле всемогущей Римской империи. Западноевропейские варварские племена, вестготы, снова и снова вторгаются на ее территории, превращая города в груды развалин. После кончины Феодосия завершается полный распад единой Римской империи. Столицу былой великой державы уже в начале IV века перенесли в Константинополь. Но новые вторжения вандалов не прекращались. В 410 году разгромлен и пал Рим. Это было поистине безотрадное время, трагический век в истории цивилизации.

В своей речи, обращенной в Константинополе к императору Аркадию в 399 году, ученик Гипатии Синезий Киренский провозгласил: «Кирена послала меня к тебе увенчать твою голову золотою короною, а твою душу — философиею; Кирена, город греческий, имя

[1] J. M. Rist. Hypatia. «Phoenix». Toronto, 1965, vol. 19, № 3, p. 220.

древнее и почтенное, некогда предмет воспевания тысячи поэтов, теперь же бедная и опустошенная груда развалин...» А в другой своей речи — «Катастасис» — он с горечью восклицал: «Мне ничего не остается... как бежать из своего отечества... Мы все безнадежны и бессильны... Пентаполь (ливийское пятиградие. — Б. Б.) проклят богом... Пентаполь умер; он задавлен; он покончил свое существование, он убит, он погиб...»

Средоточием идеологической борьбы между эллинами и варварами («Я предпочитаю эллина варвару», — писал в одной из своих работ тот же Синезий), приобретшей явно выраженный политический характер, стало противоборство раннего христианства не только с высокоразвитой античной философией, но и с полной эстетического очарования античной мифологией, носившей аллегорическую форму политеизма. Противоборство это началось уже в III веке и все более обострялось возраставшим преследованием «язычников» и их философских вдохновителей, хранителей античного любомудрия.

Имеется прямая связь между триумфом христианства и упадком Римской империи. К середине III века христианская церковь на прежних территориях Римской империи представляла уже весьма влиятельную политическую силу. Христианство было официально признано государственной религией, неизбежно существенно изменился и его характер. Первые «вселенские» соборы — Никейский (325 г.) и Константинопольский (381 г.) — осудили не только язычество, но и христианские «ереси». Император Феодосий I эдиктом 380 года объявил беспощадное преследование чуждых христианским канонам верований. Христианам было запрещено изучать классическую античную литературу и соблюдать традиционные культы. Они были обязаны посещать церкви и руководствоваться назиданиями Луки и Матфея. Языческие храмы были закрыты. Интеллектуальный климат стал невыносимым для приверженцев эллинской культуры. Варвар-христианин стал кошмаром для образованного язычника.

Вместе с тем соревнование и преследовании язычества сопровождалось распрями между церковными владыками и политическими властителями: государство и церковь — монархи и патриархи претендовали на монополию, идейно-политическую гегемонию. В этой борьбе церковники опирались на невежественное, необузданное, фанатическое монашество, распространившееся на египетской территории, и на многочисленных низших служителей церкви. Среди монахов преобладали не аскеты, а люди, «которые, будучи лишены средств к существованию, нашли монашескую жизнь относительно привольной... Большинство монахов совершенно не трудилось, никогда ничего не читало, кроме того, что предписывала религия...»[2]. Церковь широко использовала их для организации противоязыческих погромов.

Афины — многовековой центр античной философской мысли — все более теряли под давлением господствующей церкви свое былое величие. Посетив Афины в 395 году, Синезий писал своему брату (письмо № 135): «...После того как философия исчезла отсюда, путешественнику остается только удивляться Академии и Лицею, а также тому разнообразному портику, от которого философия Хризиппа получила свое название... Афины же, которые были некогда государством — жилищем мудрых, ныне славятся только приготовлением меда». А в следующем письме (№ 136) он с горечью пишет: «В Афинах не осталось больше ничего возвышенного, помимо знаменитых для этой страны имен... Философия покинула эти края...». Эллинские философы жестоко преследовались.

В Александрии, где обучался наукам Синезий, духовный климат в то время был значительно свежее. Здесь философская мысль и преподавание развивались в иной, более рациональной атмосфере, чем та, которая царила в этот период в Афинах. Именно здесь в те годы была сосредоточена духовная жизнь отмиравшей Римской империи. «Александрия была местом, куда стекались люди всех верований и наций... В то же время она была единственною опорою погибавшего язычества»[3]. Тем не менее и в этом городе происходила и все более усиливалась ожесточенная идеологическая борьба, накалялась и перерастала в применение необузданного насилия к противникам.

Последним центром, хранившим наследие эллинской культуры, был александрийский Музей (Мусейон), фундамент которого был заложен при первом императоре династии Птолемеев Аммонием Саккасом (ок. 175—242 гг.), учителем основоположника неоплатонизма Плотина (ок. 204—270 гг.), жившего в то время в Александрии. Александрийский Музей стал последним приютом античной учености. Здесь делились своими познаниями и размышлениями с жаждущими знания слушателями хранители научных достижений

---

[2] Б. Рассел. История западной философии. М., 1959, стр. 392—393.

[3] А. Остроумов. Синезий епископ Птолемаидский. М., 1879, стр. 290.

древнего мира. В Музее обучали философии, филологии, медицине, математике (великий Евклид, Аполлоний Пергский, Папп).

Александрийский епископ Феофил ни перед чем не останавливался, чтобы подавить идеологическое влияние эллинской культуры, неистово провоцируя христиан на выступления против язычников. В 385 году по его наущению толпа разрушила знаменитый александрийский храм Серапеум (на его развалинах впоследствии был воздвигнут храм Цезареум). «Достаточно известно, что за личность был патриарх Феофил. Ни один из древних и новых писателей, имевших случай говорить об этом патриархе, не обошелся без того, чтобы не представить его в самом мрачном свете» [4]. «Достойным» продолжателем Феофила был сменивший его в 412 году на посту епископа племянник его Кирилл.

Одним из ученых, преподававших в александрийском Музее во второй половине IV века, был астроном и математик Теон — друг знаменитого математика Паппа. Сочинения его не сохранились, но названия их приводит византийский энциклопедист X века Соуд (в некоторых транскрипциях Суидас). Это комментарии к «Альмагесту» Птолемея (учению о тригонометрии хорд) и «Началам» (геометрии) и «Оптике» Евклида. В философии он придерживался взглядов основателя сирийской школы неоплатонизма Ямвлиха (ок. 280—330 гг.), содержавших пифагорейские мотивы. Но из всех творений Теона наиболее замечательным была его дочь Гипатия, не только обучившаяся у него геометрии и астрономии, но и превзошедшая его, по свидетельству современников, в своих исследованиях в этих науках, особенно в философии.

Она родилась в 370 году. Первоисточниками о ее жизни и деятельности являются «Церковная история» (VII; 15) Сократа-схоластика, жившего в V веке историка христианской церкви, и письма к ней ее ученика Синезия. Сократ называет три работы Гипатии: комментарии к «Арифметике» выдающегося александрийского математика Диофанта (учение о неопределенных уравнениях) и комментарии к учению о конических сечениях другого александрийского математика и астронома — Аполлония Пергского, а также к «Математическому канону». Ни одно ее философское сочинение не упоминается. Между тем достоверно установлено, что творческая деятельность Гипатии была прежде всего проникнута философскими идеями.

Незадолго до 400 года еще не достигшая своего 30-летия Гипатия начала чтение курсов в Музее. Многосторонность ее познаний всех поражала. Наряду с абстрактными математическими и астрономическими теориями ей не были чужды и технические изобретения, необходимые для экспериментальных исследований. Синезий обращался к ней за советом в своих попытках конструирования астролябии (прибора для определения расположения небесных тел) и гидроскопа (барильона — прибора для измерений плотности жидкостей). Она, по словам Сократа, достигла такого уровня познания, который далеко превосходил всех философов ее времени. А по мнению Вольтера, «эта женщина владела всеми знаниями, которые были доступны человеческому разуму, а изложение их с восхитительным красноречием делало ее поразительным явлением, причем я имею при этом в виду не обыденных людей, которые всем восхищаются, но даже философов, которые редко чему-либо удивляются. В Александрии можно было видеть множество иностранцев, прибывших из разных греческих и азиатских стран, чтобы увидеть и услышать ее». Она читала не только в Музее, но выступала с лекциями и перед многолюдной толпой, собиравшейся, чтобы поучиться у нее, на улице, у ворот ее дома.

Это был, по словам Толанда, очаровательный дух в очаровательном теле. Обворожительность Гипатии была предметом всеобщего восхваления. «Пожалуй,— продолжает свой рассказ о ней Вольтер, ссылаясь на Сократа и историка философии Бруккера,— мы не стали бы говорить о ее фигуре и ее внешнем облике, если бы мы не могли вместе с тем сказать, что она сочетала самую чистую красоту с самой трогательной добродетелью. В этом городе не было другой столь элегантной и прекрасной женщины, которой философы и математики того времени значительно не уступали бы в благородстве; то была сама скромность... Никогда клевета не осмелилась заподозрить ее нравы и покушаться на ее репутацию».

В некоторых работах можно прочесть, будто Гипатия была женой философа Исидора Дамасского, ученика неоплатоника Прокла. Это утверждение было опровергнуто уже в середине XVIII века И. Бруккером и Э. Гиббоном, поскольку установлено, что Исидор родился после смерти Гипатии и имя жены его было Домна. Гипатия не желала быть ни женой, ни матерью, потому что это не позволило бы ей так же безраздельно предаваться своему философскому призванию, как она могла

---

[4] А. Остроумов, Указ. соч., стр. 145.

это делать, будучи свободной от семейных обязанностей.

Автор работы о комментариях Теона Александрийского к «Альмагесту» Птолемея — Хальма отмечает, что слава ее, восхищение дочерью Теона не повлекли за собой ее высокомерия. Ей чужды были честолюбие и тщеславие, и она «всецело была предана исканию истины в созерцании природы и совершенствованию своего разума».

Вместе с тем Гипатия не довольствовалась чистой созерцательностью теоретических умозрений, а деятельно участвовала и в общественной, политической жизни, столь беспокойной и полной острых противоречий — социальных, национальных, религиозных. Она была постоянным советником александрийского префекта Ореста, обсуждавшего с ней то и дело возникавшие перед ним трудности. Вопреки тогдашним традициям, она, по сообщению Сократа, не останавливалась перед посещением собраний магистрата — единственная среди мужчин, «ибо все были исполнены по отношению к ней глубоким уважением и поражались ею».

И все же в центре ее интересов была философия. Какого направления в философии она придерживалась? Вольтер причисляет ее к представителям «эклектизма», не вкладывая, однако, в это понятие порицательного содержания, а подразумевая под ним то, что мы называем синкретизмом, стремлением вобрать в свое мировоззрение и синтезировать достижения завершающей стадии развития античной философии.

Заключительной фазой этой философии был неоплатонизм. Но и он, при бесспорном преобладании идеализма, был неоднороден. Подобно тому как историки философии говорят не о сократической школе, а во множественном числе (притом не только территориально, но и принципиально) — о сократических школах, правомерно говорить дифференцированно и о различных вариантах неоплатонизма.

Исходя из платоновского идеализма, Плотин разработал учение о трехступенчатой эманации духовного, божественного первоначала. Первой ступенью был дух, второй — мировая душа, а третьей — материя, слабейшее излучение духовной сущности, низшей ступени бытия. У некоторых приверженцев неоплатонизма это учение приобрело явно выраженное мистическое устремление[5], у других — более сдержанный характер, свободный от пренебрежительного отношения к материальной действительности, к овеществлению идей в материальных чувственных существах. Религиозная тенденция оттеснялась у них символическим истолкованием политеизма: Кронос был представлен как аллегорическое истолкование духа, Зевс — оживляющей мир души, а Кибела — вечной материи. Над этой триадой возвышался непостижимый, неизбежный, чуждый всякой деятельности (подобный эпикурейскому) бог Уран.

Разногласие между противостоящими одна другой школами неоплатонизма влекло за собой коренное различие в их отношении к естественнонаучной проблематике. Тем пунктом, в котором совершенно расходились школы Ямвлиха и Плотина, было естествознание. Внимание, уделявшееся Гипатией конкретной природоведческой тематике,— убедительное тому свидетельство. Однако этому еще в большей мере способствовало другое обстоятельство: она не была ортодоксальным неоплатоником, а принадлежала к тем философам, которые имели самое живое отношение к Аристотелю и старались примирить разногласия между ним и Платоном. В этом отношении она не только следовала примеру биографа и издателя «Эннеад» Плотина — Порфирия (ок. 233—304 гг.), выступавшего как комментатор Аристотеля, но и, следуя самому Аристотелю, усердно занималась разработкой естественнонаучных знаний и обучала им слушателей.

Крайняя скудость сохранившихся сведений о жизни и мировоззрении Гипатии некоторым образом восполняется, как бы в своеобразном зеркальном отражении, в жизни и творческой деятельности ее ученика и беззаветно преданного друга Синезия[6].

Ливиец по национальности, Синезий был лет на десять моложе своей учительницы. Из множества его писем к Гипатии сохранилось только семь. Все они проникнуты глубокой признательностью и неизменным восхищением. «Тебя и добродетель, — гласит одно из его писем (№ 80),— я считаю нераздельными для себя благами». В другом письме (№ 124) он определяет свое отношение к Гипатии стихами «Илиады»: «...Не забуду о нем, пока меж живыми я нахожусь и способен коленями двигать

---

[5] Не следует также забывать, что наряду с «языческим» неоплатонизмом последний был использован как мистифицированная философская опора христианской религии современником Гипатии епископом гиппонским Августином Блаженным (354 — 430 гг.).

[6] Впервые его письма и работы были опубликованы в Париже в 1637 году. Позже они вошли в том 56 изданной там же Ж. П. Минем серии «Греческая патрология» (1857—1866 гг.). Английский перевод писем напечатан в Лондоне в 1926 году.

своими. Если же мертвые в царстве Аида не помнят о мертвых, все же и там сохраню я о милом товарище память». А в последнем письме к Гипатии тяжело больного Синезия, незадолго до его смерти (в 413 или 414 г.), читаем: «Прикованный к ложу, я диктовал это письмо. О, если бы ты получила его, находясь в добром здоровье, моя мать, моя сестра, моя наставница, которой я обязан столькими благодеяниями и которая заслужила с моей стороны все почетные титулы!» (№ 16).

Работы Синезия, как уже говорилось,— единственный надежный первоисточник наших сведений о философских воззрениях его учительницы. Некоторые историки философии полагают, что философские воззрения Синезия не были простым воспроизведением того, чему учила его Гипатия, хотя известно, что свои сочинения он посылал ей на просмотр и консультацию. Дело в том, что Гипатия была «язычница», а Синезий в первом десятилетии V века был крещен и с 410 года утвержден в сане христианского иерарха — епископа птолемандского и митрополита пентапольского. Таким образом, он стал христианским неоплатоником, и, в отличие от прежних неоплатоников, у Синезия связи с догматической стороной политеизма почти не существовало. Однако, как отмечалось, связь Гипатии с политеистическим догматизмом была чисто формальной, аллегорической. И такой же была связь Синезия с христианским догматизмом. Переписка его с александрийским архиереем Кириллом и со своим братом Евоптием (сменившим его после смерти на посту епископа) не оставляет в этом никаких сомнений.

С другой стороны, столь же несомненно, что якобы написанное Гипатией письмо к Кириллу о ее переходе в христианство, опубликованное в 1682 году Христианом Лупусом,— явная фальшивка церковников: оно «написано» не по-гречески, а на латыни и упоминает осуждение Эфесским собором «еретика» Нестора,— а собор этот состоялся в 431 году, спустя 16 лет после смерти Гипатии.

Письма Синезия содержат ясное и недвусмысленное объяснение его отношения к христианскому вероисповеданию, в частности и к религиозным верованиям вообще. Его философская доктрина отнюдь не была, в противоположность августинизму, «аккомодацией» неоплатонизма к христианским догмам, «амальгамой» философии и религии. Что же побудило Синезия креститься и принять христианское священнослужение? Переписка его с патриархом Феофилом и епископом Кириллом, а также его сообщения брату дают ответ на этот вопрос. Между государством и церковью в ту пору происходила острая борьба за политическую гегемонию, и Синезий, знатный и влиятельный, пользовавшийся большим уважением в Пентаполисе, приняв христианский сан, руководствовался желанием избежать распрей на своей родине, обеспечить там покой и порядок. Со своей стороны, церковные иерархи были заинтересованы в том, чтобы привлечь в свой лагерь такого авторитетного деятеля, каким был Синезий. Вольтер в статье «История установления христианства» дал вполне убедительное разъяснение этого обстоятельства: Синезий «был очень богат и обладал большим влиянием, и они (епископы.— **Б. Б.**), пожелав привлечь его на сторону христиан, предложили ему сделаться епископом» [7].

Синезий согласился принять их предложение, поставив, однако, условие, что выполнение новых обязанностей не повлечет за собой отказа от его философских убеждений. «Но я желал бы,— писал он своему брату,— чтобы любезный богу Феофил знал это и чтобы он уведомил меня, что он это знает,— и потом уже решил обо мне. В самом деле, или пусть он мне дозволит остаться в моем положении и философствовать по-своему, или он не будет иметь никакого основания судить меня потом и отторгнуть меня от хора епископов» (№ 105).

В другом письме по тому же поводу он выражает желание узнать предварительно, какова природа этой должности. «Если она соединима с философией, то приму ее... Ибо как могу я, проводивший свою молодость в философствовании и спокойном созерцании сущего... как могу я принять на себя эти постоянные заботы?» (№ 11). Его заявление не обескуражило клерикалов, которым была необходима поддержка такого влиятельного человека; они «помазали» его, и это, заключает Вольтер, «был один из самых мудрых епископов, какими может гордиться христианская церковь... Дай бог, чтобы епископы Рима подражали Синезию...»

Принимая предложение церковников, Синезий чувствовал несогласие своих убеждений с христианской верой. В цитированном выше письме к брату он прямо говорит: «Трудно, чтобы не сказать невозможно, чтобы учения, которые при помощи изучения и при посредстве доказательств вошли в мою душу, были в ней уничтожены. Но ты знаешь, что философия находится в противоречии со многими из этих обнародованных учений». Он настаи-

[7] Ф. М. А. Вольтер. Бог и люди, т. I. М., 1961, стр. 109.

вал на полной автономии философии по отношению к религии и твердо придерживался независимости своих философских убеждений от церковных догматов. Это не было даже неким подобием учения о «двойственной истине», отстаивавшегося прогрессивными философами тысячелетием позднее.

Неуклонно придерживался он этой полной независимости философии от каких бы то ни было теоретически недоказуемых и необоснованных верований, оставаясь приверженцем той синкретической формы неоплатонизма, которую перенял у своей учительницы. Воззрения этого христианского епископа всегда несли на себе отпечаток неоплатонизма. В одном из своих писем к Гипатии (№ 153) он решительно протестует против тех, кто упрекает его в том, что он якобы грешит против философии и унижает ее, как будто философ должен ненавидеть науки и заботиться только о божественном. В своей работе «О Синезии» О. Клаузен, характеризуя его произведение «Дион, или о своей собственной жизни», направленное против софиста Диона Хризостома, заключает, что «это сочинение представляет драгоценный памятник критического воззрения на христианство с точки зрения одного из последних язычников.

В письме к Гипатии (№ 154) Синезий высказывает свое возмущение невежественными христианскими проповедниками, которые берутся поучать людей. «Но верх безобразия — быть самому невежественным и браться учить других»,— повторяет он в «Дионе». С негодованием относился он к христианским догматикам, враждебным эллинскому образованию и осуждающим великие достижения античной мудрости. Постижение подлинной Истины, разумного миропознания — дело философии и досягаемо только одною ею. Не учение о «двойственной истине» противопоставлял Синезий беспрекословной религиозной ортодоксии, а философскую монополию на овладение достоверной истиной. Более того, его трактат против софиста Диона Хризостома направлен и против теургического истолкования неоплатонизма. Следуя урокам Гипатии, Синезий поучает, что философ должен не оглядываться на богословие, а «имеет нужду в занятиях свободными науками как предварительными ступенями к высшим философским созерцаниям...». Без этого «священная философия» деградирует в софистику, характеризуемую им в трактате «О бессоннице» как «недостаток мыслей и обилие слов» у людей, «всегда готовых долго говорить, когда они не имеют ничего, о чем бы говорить». На идеологическом знамени Синезия начертан основной лозунг: «Бог наш есть мудрость и разум!»

Ученик Гипатии открыто выступал против неприемлемых для его философии библейских мифов. В письме к брату (№ 105) он высказывает свое несогласие с ветхозаветным мифом о том, что душа была сотворена и внедрена в человека после сотворения его тела: «Со своей стороны я никогда не поверю, чтобы душа происходила после тела». Может показаться, что в данном случае философ-идеалист выступает против материалистического тезиса о вторичности души по отношению к первичности тела. Конечно, как неоплатоник Синезий был идеалистом, но в данном случае речь идет не о контрасте идеализма материализму, а об особом акте внедрения богом души в бездушное человеческое тело, сотворенное из праха земного. Этому мифу противопоставляется философское утверждение, согласно которому **человеческое** тело — изначально не **бездушное,** а одухотворенное, одушевленное тело. Несмотря на то что утверждение это является выражением неоплатоновского учения об эманации (излучении божественной энергии), в нем таится перипатетический мотив имманентности сознания, внутренне присущего высшей (человеческой) форме существования материи.

Другой христианский миф, отвергаемый Синезием,— миф о грядущей гибели мира. «Я никогда не признаю,— пишет он в том же письме,— чтобы мир и его различные части погибли». И это возражение не только выражает его критическое отношение к церковной догме, но также заключает в себе «рациональное зерно» — убеждение в вечности мироздания. С отказом от этой догмы тесно связано отрицание им представления о воскресении. «Что касается воскресения,— пишет он,— о котором обычно столько говорят, я считаю его просто невразумительным таинством и далек от того, чтобы согласиться в этом с мнением черни». Все это было высказано им в 410 году — в том самом, когда он был возведен в сан епископа.

Известно, какое решающее значение придает христианская церковь (да и всякая религия) установлению определенных этических норм, религиозным санкциям нравственного долга. Трактат Синезия «Египтянин, или о провидении» посвящен рассмотрению темы, являющейся самым опасным для теологов камнем преткновения. Как может разумный, благой, всемогущий и всеведущий творец править миром, в котором царит столько зла и несправедливости? «При виде совершающих-

ся тогда на глазах всех невероятных событий в империи у людей... невольно возникало сомнение о существовании божественного провидения»[8]. Не может же бог не нести ответственности за нескончаемые людские несчастья и страдания. Как и христианские геологи, Синезий придерживался мнения, будто корень зла в том, что люди одарены свободной волей. В силу этого не следует удивляться, что в мире существует зло. Но в интерпретации Синезием признания свободы воли, сочетаемой с отрицанием божественного провидения, звучит деистический мотив невмешательства богов в земную жизнь: бог сотворил людей, а они творят свою жизнь по-своему.

Правомерно ли говорить об атеизме лучшего ученика Гипатии? Он не был воинствующим атеистом, боровшимся за упразднение религиозных суеверий. При всем утверждаемом им контрасте между философской истиной и религиозной фикцией он высказывался за целесообразность сохранения религиозных верований среди народных масс. «Философский ум,— писал он в том же письме Евоптию,— допускает использование лжи... Я считаю, что она может быть благотворной для народа». Мотивировка его утверждения следующая: «Философский ум, созерцатель истины примиряется с пользою лжи; ибо есть сходство между светом и истиною, глазом и народом. Поэтому, точно так же, как сильный свет вредит глазу... так ложь, думаю я, полезна народу, тогда как истина вредна для тех, кто не в состоянии устремить свой взор на свет сущего...»

Такое решение вопроса о «разделении труда» между философией и религией не наносило ущерба философским убеждениям, а ограждало их от вульгарных мифологических заблуждений, проповедуемых для обуздания черни. Не будучи воинствующим атеистом, Синезий был скрытым, эзотерическим атеистом. Вот его собственное признание по этому поводу: «Если бы мне сказали, что епископ должен разделять мнения народа, то я открыл бы перед всеми, кто я есмь. Ибо что может быть общего между чернью и философией. Божественная истина должна оставаться скрытою; народ же имеет нужду в другом» (№ 105). Читаешь это, и невольно приходит в голову «воспоминание о будущем»: о позиции в этом вопросе великого французского просветителя XVIII века, превозносившего епископа птолемаидского и ставившего ученика Гипатии в пример священнослужителям Ватикана; а до него — о позиции английского материалиста Гоббса, подобно Синезию, оправдывавшего использование религиозного обмана для обуздания невежественных масс.

...Это было в 415 году, в великопостный мартовский день. Когда Гипатия на двадцатом году своего преподавания подъехала к Музею, там бушевала взбудораженная, рассвирепевшая толпа нитрийских монахов, параболанов (головорезов), взбесившихся христианских вандалов, голытьбы. Ее вытащили из колесницы, сорвали с нее одежду и поволокли к церкви Кайзарион (Цезариум) на берегу Средиземного моря. Там эти озверевшие убийцы острыми устричными раковинами сдирали кожу с ее нагого тела, растерзали ее на части и сожгли окровавленные останки во славу Иисуса Христа.

Это чудовищное злодеяние не было, конечно, стихийным фанатизмом. Оно было искусно спровоцировано скрытыми подстрекателями, инспирировано «первым из мрачной плеяды серых иерархов»[9] главой александрийской церкви епископом Кириллом. Что же побудило злобного, коварного иерарха организовать это кровавое преступление, опозорившее, по признанию даже Сократа-схоластика, александрийскую христианскую церковь?

В. А. Майер в своей работе о Гипатии на основе тщательного изучения источников убедительно заключает: что «христианская толпа была натравлена против Гипатии со стороны церкви и, вероятно, самим Кириллом — не вызывает сомнений». И то, добавляет Майер, «что я... должен признать епископа подлинным зачинщиком убийства, мною доказано и, я убежден, достаточно обоснованно»[10]. Константинопольский патриарх послал для расследования этого дела специального эмиссара — Эдезия, но (как установлено еще Соудой) он был подкуплен виновником преступления, и Кирилл остался безнаказанным.

В классическом фундаментальном труде «История упадка и разрушения Римской империи» (недавно отмечалось 200-летие его опубликования) английский историк Эдуард Гиббон, основываясь на фактах, приведенных современником Гипатии, упомянутым нами историком христианской церкви Сократом, обстоятельно излагая организованное Кириллом подлое преступление, заключает: «Основательное проведение расследования и осуждение (Кирилла) было прекращено своевременными

---

[8] А. Остроумов. Указ. соч., стр. 253.
[9] Б. Данэм. Герои и еретики. М., 1967, стр. 154.
[10] W. A. Meyer. Hypatia von Alexandria Heidelberg. 1896. S. 29, 32.

взятками; но убийство Гипатии запечатлело несмываемое пятно на характер и религию Кирилла Александрийского». Впоследствии Кирилл был не только не опорочен католической церковью, но и причислен ею к лику святых.

Какие же мотивы побудили епископа Кирилла совершить свое позорное злодеяние? Здесь слились воедино его патологическое самолюбие с яростной борьбой церковных иерархов против государственной власти, нетерпимость к огромному авторитету языческого философа с противоборством против мудрого консультанта соперника Кирилла, александрийского префекта Ореста, советницей которого, как мы говорили, была Гипатия. «Святой» епископ не останавливался ни перед чем для подавления того, что ограничивало его власть, оттесняло его на второй план. Грядущая инквизиция по праву могла бы признать его своим предтечей.

«В марте 415 г.,— пишет Майер,— в том самом месяце, когда за тридцать семь лет до этого Теон наблюдал солнечное затмение, снова наступило затмение солнечного света на небе Александрии, и с тех пор александрийское небо осталось во тьме!» С Гипатией погасло последнее светило александрийской философии, в продолжение столетий сверкавшей на античном небосклоне. Этими печальными словами заканчивает свою статью о дочери Теона Р. Гохе. Преемником Гипатии в Музее стал ее ученик Гиерокл (Синезия уже не было в живых), подобно ей сочетавший элементы платонизма с аристотелизмом. То был последний лепесток увядающей «языческой» философии, достигшей ярчайшего расцвета в Гипатии. «Гибель Гипатии была роковым ударом для древней мудрости. Страшным и недвусмысленным языком дано было понять философам, что человечество покончило с ними, что история взвесила их на весах и нашла непригодными и что они должны уступить место людям, которые могут дать лучшее благовестие, чем они» [11].

Трагедия Гипатии стала символом начавшейся в истории философии трагедии [12].

В истории новой философии, сокрушившей схоластический догматизм, воскресло славное имя жертвы христианского мракобесия. Имя Гипатии стало символом свободомыслия, преследуемого обскурантизмом и фанатизмом.

Мне не удалось установить, упоминается ли Гипатия в трехтомной «Истории философии» Томаса Стэнли, опубликованной в XVII веке в Лондоне (1655—1661 гг.). Но в использованной Вольтером пятитомной «Критической истории философии» Иоганна Якоба Бруккера, вышедшей в Лейпциге в 1742—1744 годах говорится об «Александрийской секте», определяемой как «сборная философия», вобравшая в себя элементы учений Платона, Пифагора и Аристотеля. Автор этого труда отмечает, что «успехи ее были столь велики, что она опровергла наконец все другие секты и одна только владычествовала, начав с III века эры христианской до VII, то есть до самого совершенного разрушения язычества». К философам этой секты «по справедливости можно причислить» и Гипатию.

Первым философом нового времени, посвятившим специальный очерк Гипатии, был английский материалист Джон Толанд. Третий очерк его работы «Тетрадимус», изданной в Лондоне в 1720 году, за два года до смерти, озаглавлен: «Гипатия, или история очаровательнейшей, добродетельнейшей, ученейшей и достойнейшей во всех отношениях дамы, разорванной на куски александрийским духовенством, чтобы удовлетворить гордость, завистливость и жестокость своего архиепископа, обычно, но незаслуженно, называемого святым Кириллом». «Духовенство ее времени никак не могло простить Гипатии, что она была прекрасна, но скромна; что она была гораздо более образованна, чем они, не была черствой к мирянам и пользовалась большим доверием гражданского магистрата, который духовенство того времени старалось оттеснить или подавить, прибрав в свои руки». В этом, по словам Толанда, нет ничего удивительного: в христианском мире господствовали невежество, суеверие, тирания.

Большой интерес в этом очерке Толанда представляют его суждения, на примере Кирилла, о том, кого церковь причисляет к лику святых: этот титул присваивался «1) тем, кто вместо того, чтобы заботиться о счастье или просвещении своих сограждан, проституировал их возвеличением своего духовного авторитета, унижая и подавляя их духовный уровень; 2) принцам и другим могущественным или богатым людям, какими бы порочными или тираническими они ни были, дававшим щедрые субсидии или наследства церкви; либо тем, кто запретами, удушением, оковами,

[11] Ч. Кингсли. Ипатия. М., 1936, стр. 330.

[12] Католические летописцы в своей фальсификации истории дошли до того, что превратили Гипатию в христианскую великомученицу Екатерину Александрийскую, причисленную к лику святых как... покровительницу философов. Лишь совсем недавно она была исключена Ватиканом из литургического календаря.

мечом и повелениями преследовали тех, кто осмеливался усомниться в их декретах; 3) жалким, ничтожным визионерам, хвалящимся своим нелепым энтузиазмом и экстазом; или изумляющим невежд своим мнимым аскетизмом и лживо рекламируемой набожностью...»

Английский материалист, увековечивший память о Гипатии, разъярил духовных потомков инициатора ее трагической гибели. Нетрудно догадаться, с каким остервенением набросились на него церковники. На следующий год после издания «Тетрадимуса» Томас Льюис обрушился на Толанда в своем памфлете «История Гипатии, самой бесстыжей александрийской учительницы. В защиту святого Кирилла и александрийского духовенства от клеветы мистера Толанда». В 1727 году в одном из своих писем патер П. Демоле выступил с еще большим рвением. О том, насколько вздорна его аргументация, видно хотя бы из того, что Аммония Саккаса он считает учеником Гипатии. Синезия он осуждает за общение с Гипатией, позорящее епископа. Толанд, возмущается Демоле, пытается доказать вину Кирилла, а сам-то он ничем не лучше язычника. Для Кирилла, мол,— честь, что такой человек, как Толанд, его обвиняет! В том же году янсенист Г. П. Гуже защитил диссертацию о Гипатии, реабилитирующую святого Кирилла. А некий немецкий обскурант Вернсдорф написал одну за другой целых четыре диссертации в защиту Кирилла от выдвинутых против него Толандом обвинений.

Однако изобличение Толандом злодеяния отцов церкви не осталось бесследным. Французские просветители продолжили его начинание. Монтескье в своих «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» (1734 г.), за полвека до семитомника Э. Гиббона, остро поставил вопрос о губительной роли христианства в крушении античной цивилизации. Но особенное внимание уделил Гипатии Вольтер. В уже упоминавшейся его статье в «Энциклопедии» Дидро он писал: «Мы заслужили бы вполне справедливых упреков со стороны той части человеческого рода, которую мы меньше всего хотели бы огорчить, если бы обошли молчанием имя славной и столь несчастной Гипатии».

С отвращением отзывается Вольтер об александрийском патриархе, виновнике мерзкого преступления. В своей работе «О вечном мире» (1769 г.) он вновь обращается к этой теме, а в «Вопросах об Энциклопедии» (1772 г.) обрушивается на Гийома Мальвилля, выступившего с «защитой святого Кирилла против его клеветников». Свою «Историю установления христианства» (1777 г.) Вольтер начинает «с истории прекрасной и достойной уважения Ипатии», о которой известно, что «святой Кирилл велел убить эту героиню из-за того, что она принадлежала к школе платоников...» «Постриженными бульдогами» презрительно именует он монашеских прислужников епископа александрийского.

Просветители XVIII века воздвигли памятник Гипатии во славу гуманизма и на позор клерикализма.

То обстоятельство, что не сохранилось ни одно из философских и научных произведений Гипатии и даже ни одно из ее писем, неизбежно ограничило изучение ее теоретического вклада в развитие и распространение наследия античной культуры. «Ужасная гибель сохранила ей посмертную славу, которую не могли бы обеспечить ее философские достижения. При жизни она пользовалась огромным авторитетом, но несмотря на то, что мы мало знаем о ней из философских произведений ее последователей, смерть ее повлекла за собой восторженную память непрофессиональных философов, по сей день отзывающихся о ней с глубоким воодушевлением» [13]. Память о ее духовном и моральном совершенстве и трагической гибели стала темой для многих творцов художественной литературы.

Когда ты предо мной,
и слышу речь твою,
Благоговейно взор в обитель
чистых звезд
Я возношу, — так все в тебе,
Гипатия,
Небесно — и дела, и красота
речей,
И чистый, как звезда,
науки мудрый свет! —

писал о ней александрийский поэт Палладас. И эллинский поэт VI века Павел Флор вторил ему: «Когда я смотрю на тебя, я обожаю науки, и поклоняюсь им, созерцая жилище звездной девы, ибо на небе твои дела, блаженная Гипатия, приятное украшение речей, светлая звезда мудрого учения».

Автором первого исторического романа о Гипатии был англиканский священник, духовник королевы Виктории, Чарлз Кингсли, выступивший с острой критикой против еретической «Жизни Иисуса» Штрауса. Его роман «Гипатия, или новые враги со старым лицом» вышел в свет в 1853 году [14]. В угоду

[13] J. M. Rist. Op. cit, p. 224.
[14] В русском переводе опубликован в 1936 году с предисловием проф. П. Преображенского.

королеве, «второй Гипатии» по уму и добродетели, Кингсли, несмотря на то что Гипатия, согласно религиозным воззрениям, была «дочерью Евы», матери человеческого грехопадения, впервые отворившей врата ада, не отрицает того, что она была «по уму Афина, по величавости Гера, по красоте Афродита». В этом романе дана яркая, хотя и содержащая немало вымыслов (например, о встрече Синезия с Августином, о бракосочетании Гипатии с префектом Орестом и др.), картина александрийской жизни того времени. Не отрицая моральной сопричастности Кирилла к убийству Гипатии, Кингсли весьма уклончиво характеризует его роль в организации преступления. В 1878 году в Лейпциге была опубликована написанная Арнольдом Беером по роману Кингсли трагедия в пяти актах «Гипатия». Еще одна «драма в пяти действиях с прологом и эпилогом» под таким же названием была написана Карлом Хильмом и издана в Берлине в 1903 году.

Второй роман о трагической судьбе благородной александрийки принадлежит автору классической «Истории атеизма» Фрицу Маутнеру (Штуттгарт, 1892 г.). Маутнеровское произведение гораздо резче, чем роман Кингсли, заострено против официальной церковности. Для Маутнера Гипатия — духовная дочь Юлиана Отступника [15].

Памяти Гипатии посвятили немало восторженных стихотворений и поэм выдающиеся поэты и писатели прошлого века. Еще Ф. Шиллер в письме к своему другу Х. Г. Кернеру (28 ноября 1791 г). сообщал по прочтении исторического труда Гиббона о своем (неосуществленном) намерении написать поэму о Гипатии. Эрфуртский профессор, просветитель К. М. Виланд создал о Гипатии стихотворение, в котором возмущается тем, что эта прекрасная «жемчужина мудрости» была по повелению епископа раскрошена чернью. Пожалуй, наилучшими поэтическими творениями о Гипатии являются две поэмы основателя парижского «Парнаса» Ш. Леконта де Лиля: «Гипатия» в его сборнике «Античные поэмы» (1852 г.) и фрагмент «Гипатия и Кирилл». Здесь она показана как прекрасный и величественный символ погибшей эллинской культуры, погубленной «зверем в пурпуре». Ученик Леконта де Лиля Морис Баррес, по совету своего учителя, в свою очередь намеревался написать новеллу о Гипатии «Загубленная дева», наброски которой были опубликованы в 1888 году в его сборнике «Глазами варваров».

Нельзя забыть и задушевные строки поэмы польской поэтессы Марии Конопницкой «Гипатия», печатавшейся в русском переводе Д. Киреевского в журнале «Живописное обозрение» за 1883 год. По заданию Кирилла священник Петр, указывая на белый портик дома Гипатии, твердит монаху Амонию, которому поручена расправа над нею:

Там живет их вождь,
Гипатия, дочь славного Феона.
Поклонники языческих богов
Здесь сходятся затем,
чтоб рассуждать
О целях жизни, о границах знанья,
О вечности существованья душ,
Бессмертии идей, свободе духа,
Об... Словом, все те бредни
платонистов,
Которые теперь в Александрии
Крушат умы...

Поэма заканчивается восклицанием умирающей Гипатии:

Дух бессмертен! Формы духа
Изменчивы, но вечны идеалы.
И над землей есть светлые миры —
...Прощай, земля!

Знаменитый французский поэт и публицист, сочувствовавший борьбе парижских коммунаров, Шарль Пеги писал в 1907 году: «...Память о Гипатии остается наиболее высокочтимой среди всех воспоминаний человечества, она обладает почти уникальным положением в Пантеоне воспоминаний...»

---

[15] Римский император (361—363 гг.), отвергнувший христианство и склонный к неоплатонизму.

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в марте 1877 г.

Учителям семинарии почему-то предоставляется полная свобода переменять предметы преподавания. Преподаватель русской словесности и литературы моментально превращается в преподавателя истории, преподаватель богословия в преподавателя математики и т. д., словно они специалисты во всех науках! Легко понять поэтому, как тяжело отзываются такие порядки на преподавании вообще и особенно языков, математики и близких к ней предметов.

«Голос»

В Петербург прибыл еще один проповедник из западноевропейского мира — Штромайер и по обыкновению тотчас, как и лорд Редсток, приобрел популярность в здешних великосветских салонах, столь всегда радушных ко всем заезжим иноземцам, переступившим наш порог... Не только здешние великосветские дамы, но даже высокопоставленные мужчины лакейничают перед этими новомодными миссионерами.

«Газета А. Гатцука»

А. ЕМЕЛЬЯНОВ

В МИРУ И В КЕЛЬЕ



В 1969 году прошел по поселку Сарыг-Сепу слух, что там находится монашка-старообрядка мать Мастрадея, что приехала она из местечка Чандарыкты с приступом аппендицита, согласилась на операцию и теперь, после лечения в районной больнице, собирается обратно.

Обращение к врачам старообрядцев в Сарыг-Сепе и других поселках Каа-Хемского района давно уже стало обычным делом. А вот что касается монахов, таких случаев нарушения их уклада вроде бы и не встречалось. Весь поселок живо обсуждал это событие. Возникло и у меня желание узнать обо всем этом подробнее.

К монашке пошли мы вдвоем с Иваном Федоровичем Рукавицыным. Судьба его настолько примечательна и необыкновенна, что стоит того, чтобы несколько отвлечься и рассказать о нем. При первом же взгляде на этого рослого человека с крупными чертами лица, с глубоким тяжелым взглядом возникала мысль о большой физической и жизненной силе. Невестка его, Клавдия Романовна, рассказывала, что на покосах Иван Федорович косил широченными прогонами. И когда шишку били, то бухал по кедрачу сильнее всех. А ведь было тогда ему уже под семьдесят.

Иван Федорович — сын монаха. Родился близ Перми, а далее жизнь его сложилась так же, как у многих его земляков и единоверцев, оказавшихся в Туве: в поисках мест, более удобных для соблюдения старой веры, они все дальше и дальше продвигались на восток. Так и он сначала оказался в районе Нижнего Тагила, затем на Алтае и уж в 1916 году добрался до Тувы. Здесь жил долго и даже, в силу своего активного и практического склада характера, стал наставником, хотя, по его словам, имел уже и тогда кой-какие сомнения в вере. В 1935 году, когда его деятельная натура не могла больше оставаться в пределах хиреющего старообрядчества, он отошел от религии. Мастер был на все руки — и столяр, и плотник, и охотник, и крестьянскую работу знал в совершенстве, сам умел работать и других зажечь и, естественно, немало пользы принес в строительстве новой жизни. В 1936 году организовал он выезд 16 старообрядческих семей из Верховья Малого Енисея на реку Бурен, в местечко Бурен-Бай-Хаак. Здесь же позднее участвовал в организации колхоза, был членом Малого Хурала Тувинской Народной Республики, затем — депутатом областного Совета. Неоднократно получал Почетные грамоты, премии, награды. Сыновья его, Ульян и Иван, тоже работали в колхозе.

Сестра Ивана Федоровича, Зинаида Федоровна, жила в Верховье монашкой под именем матери Измарагды, пользовалась влиянием у старообрядцев как бывшая основательница и настоятельница женского монастыря. Иван Федорович поддерживал связь с ней и с другими монахами, с их главным наставником отцом Палладием. В то время, как мы с ним познакомились и отправились к матери Мастрадее, Иван Федорович уже вернулся в Верховье и жил в поселке Ужеп, крайнем из крупных поселков на пути в монашеские скиты. В Ужепе охотник-промысловик Иван Федорович считался атеистом, активно участвовал в общественной работе, выступал против религии на собраниях. В то же время он помогал монахам строить кельи, запасать топливо и продовольствие. Причем небескорыстно: содержал у них свой скот.

Но вернемся к рассказу о матери Мастрадее. Она оказалась совсем не похожей на монашек-молчальниц, с которыми мне случалось встречаться ранее и которые обычно на тебя

не смотрят, сидят, положив ладони на колени, опустив голову, и в лучшем случае отвечают односложно: «Как зовут?» — «Раба божия». «Где родилась?» — «Не знаю, не ведаю». Чаще они вообще молчат, словечка не вытянешь.

Мать Мастрадея охотно вступила в беседу, обстоятельно и живо отвечала на вопросы. Чувствовалось, что разговор ей интересен. Впечатление она производила странное. Было ей тогда 57 лет, но во всем облике мало старушечьего, да и монашеского. Разве только одежда: длинная ряса, мантия, отороченная малиновым шнуром, темный апостольник. И вопреки всему этому темному чувствовался живой, почти жадный интерес к окружающему, какой случается наблюдать у малых детей да у людей, очень долго оторванных от жизни. Ни согбенности, ни грузности или сухошавости, свойственных людям ее возраста, — ничего этого не было. Особенно странное впечатление производило лицо: резкие, глубокие морщины и выражение почти детской наивности и удивления.

— Как же мне называть вас? — спросил я.

— А как вам удобнее. Хотите — Марфой Ивановной.

Видно, ей было приятнее, когда называют не матерью Мастрадеей, а по-мирскому. Она как будто даже с удовольствием вслушивалась, как звучит давно, многие годы не слышанное ею собственное имя.

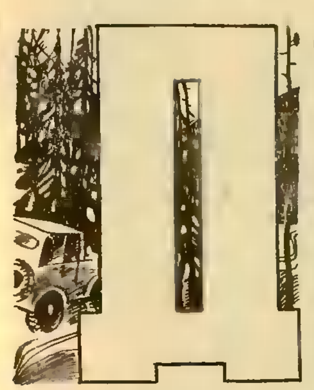
— Как же вы, Марфа Ивановна, решились на операцию?

— Да вот, приболела. А Иван Федорович уговорил поехать в Ужеп к врачам. Посоветовалась с отцом Палладием, и он разрешил. В медпункте определили аппендицит, сказали, что нужно срочно делать операцию, но это могут только в райцентре. Я и выехала в Сарыг-Сеп, но с отцом Палладием уже не советовалась, а по правилам — надо было. Почти месяц пролежала в больнице. Правда, с мантией не расставалась, держала под больничным халатом. В больнице мне понравилось. Книжку там прочитала интересную — «Хмель», учительницы принесли. Двадцать три года ничего мирского не читала. Книжка о старообрядцах. Но там старообрядцы не нашего толка. Как они мучили людей, как изделались над ними... Казнить таких надо! Из Сарыг-Сепа потянуло меня в Кызыл, к сестре Елене. Взяла да и уехала, опять без согласия отца Палладия. Прожила там две недели, не постилась, ела все — много нагрешила. Теперь придется нести наказание. Будет мне епитимья от отца Палладия, семь недель по тыще поклонов в день. Потом буду читать отступ. Но я сразу-то не пойду к Палладию, мне еще подлечиться надо. Вот, везу лекарства, таблетки разные. Мы вообще с Палладием не очень ладим. Он требует, чтобы все было постарому, а мы так не можем. У нас грибок всю келью проел, и мы пошли к нему: как быть? Может, построить новую? А он говорит: «Ну, придавит, так умрете мученицами. Я стар, помочь не могу». Очень меня это возмутило. Своим и то не помогает. Хорошо, что Иван Федорович пособил построить нам новую келью.

Иван Федорович нахмурился, поморщился, но промолчал. Во все время разговора он смотрел на нее ласково, добродушно улыбался, а под конец шутливо спросил:

— Ну что, останешься, может, в миру?

Но и по тону вопроса, и по выражению его лица было очевидно, что он уверен в отрицательном ответе. И точно: Марфа Ивановна сразу же обеспокоенно замахала руками, всем своим видом показывая, что оставаться «в миру» не хочет.



АЛЬШЕ мне надо было ехать в том же направлении, что и Марфе Ивановне. Я предложил подвезти ее и Ивана Федоровича на газике. Марфа Ивановна охотно согласилась и на протяжении всей дороги рассказывала о себе, о местах, по которым мы проезжали. Здесь прошло ее детство, прошла почти вся жизнь.

Почти, но не вся.

Родилась она в районе Большого Енисея, в местечке Могой, куда приехала в 1897 году семья ее деда. Земли на новых местах хватало, она была богата лесом, зверем, рыбой, ягодами, грибами. Молись своему богу — никому дела нет. И многие старообрядцы, спасаясь от притеснений царского правительства, перебирались тогда за Саяны, в Туву. Расселялись по глухим и диким местам. Так возникла на Могое заимка Софроновых. Хозяйство поднималось как на дрожжах, и вскоре они имели 70 коров, 15 лошадей, построили мельницу, вели обширную торговлю, держали постоянных и сезонных батраков.

В 1917 году Софроновы переселились в поселок Владимировку, в глубь Тувы. Быстро отстроились, поставили избы и амбары, продолжали торговать. Но классовая борьба, рас-

коловшая Туву, не обошла и Софроновых: младшая дочь Варвара вышла замуж за красного партизана. Сам Софронов и его сыновья, Иван и Еремей, выступили против Советской власти.

Чем решительнее ломала революция старый быт, тем дальше в глухую тайгу уходили Софроновы. Сначала переехали в Сарыг-Сеп, а потом и в самое Верховье. Здесь, в поселке Шивей, отряд красноармейцев в 1920 году расстрелял кулака Софронова, державшего связь с белогвардейцами. Сыновья его вместе с кулаком Мелегиным, хотя и были с ним разного толка, сколотили банду и зверствовали, убивая не только партизан, но и сочувствующих им, пока не были разбиты. Остатки банды бежали на Тере-Холь и там передрались между собой. Иван был убит. Сгинул где-то и Еремей.

Марфа Ивановна в те годы была девчонкой и мало что понимала в происходившем. Мать ее умерла рано, воспитывалась она больше у бабушки. Та в девять лет определила ее в старообрядческий монастырь.

Монастырь основали в 1918 году в пустынном месте на берегу Енисея монашки — сестра Ивана Федоровича мать Измарагда и мать Полинария. Прибывшие из-за Саян старообрядцы-беспоповцы, расселившись по реке Шивей — притоку Енисея, отдавали в монастырь своих дочерей, уходили туда и вдовы. Был там хор, в богослужениях участвовали старообрядцы из ближних поселков.

— В монастыре я подружилась с Васеней Хлебниковой, такой же, как я, девчонкой. Она восьми лет вместе с бабушкой приехала в Верховье и уже год жила у монашек. Поначалу понравилось нам в монастыре: много молодых, поют. А в праздники все одеваются нарядно, иконы красивые. Порядок в монастыре строгий был. Вставали рано. С двух часов ночи уже начиналась служба, сначала полунощница, потом заутреня. И — до десяти часов утра. С десяти до двух перерыв для работы. В два часа — акафист, потом вечерня, ужин, снова молебен.

Но весь день все молятся только по воскресеньям и праздникам, а в обычные дни молятся больше старшие, а молодые больше работают. Мать игуменья с утра распределяет: кому дрова пилить, кому огород копать или поливать. Днем обычно не ели — немного давали только работавшим. В великий пост ели один раз в день, а в первый день поста не ели совсем.

— Я молоденькая была, — вспоминала, улыбаясь, Марфа Ивановна. — хотелось побегать, часто петь хотелось, а нельзя. Бывало, молодые соберемся и плачем. Как-то летом шли мы с поварихой нашей через поляну. На солнцепеке цветы, приволье. Я и сказала: «Уйду из монастыря!» А та передала игуменье. Поставили меня читать молитву: «Богородице, дево, радуйся». Целый час читала и делала поясные поклоны. А то гармошку смастерила из коры — тоже на поклоны поставили.

Однажды все старшие ушли на моления, а мы с Васеней разбаловались, поодевали на себя все монашеское. Бегаем вокруг кельи, смеемся, спрашиваем друг друга: «Похожа на монашку?» Оказалось, что наше баловство не такое уж безобидное: «самовластное накрытие». Старшие собрали совет, что делать. Отец Иоаникий так сказал: «Кто надел чин, надо накрывать, хоть насильно». Одной одиннадцать лет, другой — тринадцать. А монашеская жизнь должна проходить в строгости. Монахи должны жить вдали от населения, пребывать в чистом покаянии, не обзаводиться семьей, не есть мяса, не стричься, даже не мыться, за исключением лица и рук. Почти вся жизнь должна проходить в молениях. Решили нас накрыть, хоть это и было нарушением правил: мы не прошли еще положенного трехлетнего, как у вас в миру говорят, «стажа». Накрывали нас, как обычно: прочитали малый начал, потом задали вопросы: «Желаешь ли переносить всякие скорби? Будешь ли слушать игуменью и сестер? Будешь ли исполнять келейные обычаи и порядки?» Потом прочитали монашеское наставление-поучение и надели на нас мантии, которые мы сами шили. Так мы с Васеней стали монашками.

— В конце 20-х — начале 30-х годов в Туве началась перепись населения и паспортизация. Некоторые старообрядцы от этого уклонялись, хотя «по писанию святых апостолов», — как заметила Марфа Ивановна, — они должны подчиняться власти.

— Отец Игнатий сказал,— продолжала она рассказ, — что новая власть от антихриста и кто покорится ей — будет в геенне огненной, что перепись ведут и паспорта выдают предтечи антихриста, а паспорт, фотокарточка — печать антихриста.

— Иоаникий Желнин был урядником, Игнатий — его сын. Классовые враги Советской власти, — говорю я Марфе Ивановне. — Они использовали вас в своих интересах, для борьбы против новой жизни.

— Может быть... — задумывается Марфа Ивановна. — Я плохо в этом разбиралась.



ОЛОДЫХ монашек Желнины с Палладием и Измарагдой переселили в горы, в тайгу, верст за 15 от поселка Шивей, по скитам, а старух — по кельям вокруг поселка.

— В общем, начали мы бегать по тайге,— говорит Марфа Ивановна. — Выкопаем землянки и живем. Трудно было, многие погибли. Кто-то пустил слух, будто отдан приказ староверов всех истребить. Однажды мать Полинария говорит нам: «Всех заберут. Я думаю идти замерзать. Кто со мной?» Мать Измарагда тоже говорила, что надо идти замерзать. Вызвалось человек двадцать. Это было в январе, в сильные морозы. Я не хотела замерзать, решила — убегу с дороги, да и многие другие тоже. Ну, перешли мы перевал, сели на снег и молимся. Некоторое время спустя слышим: кто-то идет и молитву творит.

Когда они к нам приблизились, оказалось, что это Василий, брат сестер Михайловых, и Семен Жуланов. Говорят: «На заимке слышно, что вам ничего не будет. Идите обратно...»

Вскоре после этого монахи Иоаникий, Игнатий, Палладий были арестованы за контрреволюционную деятельность. Иоаникий бежал и утонул в Енисее. Сын его Игнатий тоже бежал, обморозился и умер в больнице. Многие монахи стали отрекаться от монашеского чина. Оставались в скитах в основном очень старые.

Мы с Дусей Балчуговой тоже решили покинуть монастырь. Написали письмо председателю сельсовета Евлампию Дмитриевичу Паздерину, он давно нас уговаривал уйти из монастыря, привозил письма от родных из Кызыла. Вскоре Евлампий Дмитриевич приехал к Балчуговым, а я уже с узелком лежала у них на полатях. Сели вдвоем на одного коня и уехали в Сарыг-Сеп. А потом и в Кызыл перебрались. Следом за мной приехала сестра Евдокия, хотела вернуть меня. Долго уговаривала, но я не соглашалась, убеждала и ее остаться в миру. Другие тоже пытались ее убедить. Тогда она решила «спастись». Видели, как она стояла на плоту и все покачивалась, покачивалась, а потом бросилась в воду. Поплыли к ней на лодке, а она быстро-быстро поплыла дальше. Так и утонула. Было ей тогда 22 года.



ОРОГА в разговоре прошла незаметно, к вечеру мы приехали в Ужеп. После ночевки я решил ехать дальше в Верховье, познакомиться с жизнью монахов, а Марфа Ивановна не решилась: после операции, дорога трудная, все на санях по Енисею, через торосы. Осталась пожить в поселке, пока окрепнет. Но выглядела она не очень уставшей и с удовольствием продолжила рассказ о своей жизни в миру. Разговор наш изредка прерывали жители поселка, в основном старушки, прослышавшие о приезде монашки и желавшие получить благословение. Входя, они с некоторой настороженностью поглядывали на меня, но, тем не менее, подходили к матушке Мастрадее, испрашивали прощения грехов. Торопливо перекрестив их и проговорив «бог простит», она продолжала свой рассказ.

— В Кызыле я недолго прожила. Постпред Гайтенко* и его жена предложили мне ехать в Москву. В Москве пожила я немного у них, но днем все уходили на работу, я оставалась одна — и поговорить-то не с кем, скучно. Решила самостоятельно жить. Работала на прядильной фабрике, на заводе, была ударницей, премировали меня. Водили нас, ударников, и на Красную площадь, и в Мавзолей Ленина. Тут война началась. Я вступила в ополчение, вместе с другими ополченцами стояла на посту с винтовкой и противогазом. Потом эвакуировалась в Рязанскую область, работала в совхозе и тоже была ударницей. В госпитале работала, ухаживала за ранеными. Войну я закончила в летной части прачкой, про меня даже в стенгазете написали. И нарисовали: руки-ноги в разные стороны, и подписали: «Скорей, скорей!» — я всегда торопила других. С летной частью участвовала в освобождении Киева, Минска, Варшавы, Праги.

— А о боге в те годы вспоминали?

— Редко. Не до того было. К концу войны, правда, сильно заболела, попала в госпиталь. Врач сказал: здоровье плохое. Тут я задумалась о жизни своей, о смерти — и о боге. Когда я вернулась в Кызыл, там врач

* До октября 1944 года, пока Тува была самостоятельным государством, в Кызыле находилось Советское постоянное представительство.

тоже подтвердил, что дела мои плохи. А вскоре встретила я на базаре монашек с Верховья, стали они меня уговаривать вернуться в келью. Я сначала была в растерянности. Но здоровье мое хуже некуда и работать нет сил, вот я и согласилась. Вернулась в Верховье. С тех пор двадцать три года никуда не выезжала.

— А как вас приняли?

— Сначала с недоверием. Три года не доверяли. Все фотографии и письма велели мне сжечь. Очень жалко мне было сжигать все это, особенно одну фотографию, на которой я была с подругами снята после получения наград...

— Марфа Ивановна, хочу я вам задать один вопрос — но не решаюсь.

— А что? Задавайте, я отвечу.

— Была ли у вас любовь?

— Была. У нас в госпитале после ранения лечился один старший лейтенант — Патрикеев Иван Сергеевич. Семья у него погибла во время бомбежки. Он мне говорил: никакого бога нет. Когда расставались, сказал: «Я тебя все равно найду. Вот закончится война — и найду». Было одно письмо от него, а потом — ничего. Погиб, видно...

«Как жаль, думал я, что больше не встретилось этой женщине человека, который сумел бы поддержать ее, укрепить ее веру в себя. Тогда, может быть, и поняла бы она, что не от бога зависит ее счастье, вся ее жизнь».



СПУСТЯ два года случилось мне снова побывать в Верховье. Внешне перемен вроде бы и нет, но все-таки многое изменилось. Теперь тут больше людей. Часто бывают ученые-этнографы из Новосибирска и других городов, геологи и просто туристы.

Палладий и Измарагда умерли. Умер в одночасье и Иван Федорович Рукавицын. Приехал к Марфе Ивановне косить сено, весь день махал литовкой, а потом, когда стал собираться домой, укладывать в рюкзак бруски и прочее добро, упал. С сердцем, видно, неладно стало, а позвать на помощь было некого.

Марфа Ивановна села тогда на коня и добралась за сорок километров до Ужепа, сообщить сыновьям. Ульян Иванович приехал на моторной лодке, забрал тело отца. В Ужепе его и похоронили, под обелиском с красной звездой.

Сейчас Марфа Ивановна уже не вставала с постели, но, как и в первый раз, оживленно и охотно вступила со мной в разговор.

— Я все же иногда думаю: может, бога нет все-таки? Теперь вот еще летают высоко — где быть ему, богу?

— Марфа Ивановна,— спросил я, — а бывает у вас сожаление, что вот прожили так, оторванно от жизни?

— А как же — бывает. Думаю, что зря тогда, после войны, вернулась в скиты. Надо было подлечиться и жить, как все люди, работать. Надо было... Да что уж теперь... Видно такая судьба мне выпала горькая...

Вскоре я получил известие о ее смерти.

Тувинская АССР

Информация, хроника

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР — СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В Ивано-Франковске состоялась научно-практическая конференция, участники которой — партийные, советские и научные работники, пропагандисты республиканского общества «Знание» — рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с повышением эффективности идейно-воспитательной работы среди трудящихся республики. Особое внимание было уделено взаимосвязи атеистического и интернационального воспитания — теме, весьма актуальной для западных областей Украины.

Особый интерес, в частности, представил доклад заведующего кафедрой философии Ивано-Франковского института нефти и газа кандидата философских наук С. М. Возняка, в котором он подробно остановился на духовном родстве украинского буржуазного национализма и идеологии униатского клерикализма.

На конференции отмечалось, что воспитание интернационализма, советского патриотизма связано с преодолением религиозно-националистических пережитков. В этой связи был поднят вопрос о повышении научного уровня атеистической литературы и публикаций в республиканской прессе, о чем говорили в своих выступлениях заведующий отделом Института общественных наук АН УССР доктор исторических наук Ю. Ю. Сливка, старший научный сотрудник Института философии АН УССР доктор философских наук Е. К. Дулуман. При этом следует учитывать то, что религия и национализм — не только формы идеологии, но и психологические явления.

Определяющим фактором в процессе атеистического воспитания является образ жизни советского человека, говорил ученый секретарь Института философии АН УССР Н. А. Масловский. Причем огромную роль в формировании атеистического и интернационалистического мировоззрения людей играет коллективизм — одна из характернейших черт социалистического образа жизни.

Е. АНИСИМОВ

ЗАПОВЕДНИКИ ДОМОСТРОЯ

Н. МАЛАХОВА,
кандидат философских наук

ВЫ ПОМНИТЕ пословицы: «Бабья дорога — от печи до порога», «Волос долог, да ум короток», «Бабья доля, что рабья воля», «Стерпится — слюбится», «Худой поп венчал — хорошему не развенчать», «Люби жену вволю, да не давай ей волю»? Сейчас из этих пословиц «в ходу» не осталось, пожалуй, ни одной — с изменением общественных отношений меняется и общественное, и обыденное сознание.

Однако есть у нас еще своего рода заповедники, в которых домостроевское отношение к женщине сохранилось до сих пор. Это религиозные, в частности сектантские, общины, где не только мужчины довольны униженным положением женщин, но и многие женщины, воспитанные в духе смирения и покорности, считают такое положение нормой. Среди женщин пожилого возраста здесь до сих пор существуют поговорки: «Муж семье голова», «Куда иголка, туда и нитка» и т. д. Женщины, воспитанные в религиозных семьях, вместе с религиозными убеждениями впитали и определенные взгляды, согласно которым женщина рассматривается как существо второго сорта. Идеологи баптистов, адвентистов, меннонитов, пятидесятников и других христианских сект стремятся всеми возможными средствами утвердить зависимое, подчиненное положение женщины.

Вместе с тем руководство сектантских общин вынуждено считаться с тем несомненным фактом, что в нашей стране существует равноправие мужчин и женщин — в оплате труда, в получении образования, в возможностях заниматься государственной и общественной деятельностью и т. п. Как согласовать это с библейскими текстами? Приходится прибегать к искусству толкования. Вот, например, высказывания апостолов: «...Жены, повинуйтесь своим мужьям» (1-е послание Петра, гл. 3, ст. 1), или широко известные слова первого послания апостола Павла к Тимофею: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление» (1-е послание к Тимофею, гл. 2, ст. 11—12). Как разъясняет журнал евангельских христиан-баптистов, чтобы понять эти высказывания, нужно иметь в виду «общий характер новозаветного учения Христа», а именно то, что «если все верующие должны повиноваться друг другу, а наибольшие должны быть слугами и рабами наименьшим, то вполне естественно, что жены должны повиноваться мужьям своим, как господу» [1].

Что касается реальной действительности, которая сложилась в христианском сектантстве, то здесь (речь идет о религиозном сектантстве на территории Советского Союза) доминирует патриархальное отношение к женщине. Женщин реже, чем мужчин, допускают к проповеди, руководящие органы сектантских общин составляются из мужчин, на ординарных и торжественных собраниях лучшие места занимают мужчины. Всюду женщины смиренно пропускают мужчин вперед, уступают им дорогу, следуя евангельским заповедям. Например, по данным белорусских исследователей в органах управления Минской и Слуцкой общин сравнительно «гибкой» баптистской церкви женщин всего 13 процентов [2]. Давно уже обсуждается вопрос о женском пресвитерском служении, но рукоположенных женщин-пресвитеров до сих пор нет. На последнем съезде ВСЕХБ, состоявшемся в декабре 1974 года, присутствовало около 500 делегатов, из них только 5 женщин [3].

Между тем современное религиозное сектантство, если можно так выразиться, держится на женщинах. В сектантских общинах женщины составляют подавляющее большинство — 70—80 процентов; проповедники учитывают, что женщине принадлежит решающая роль в семейном воспитании, а семья является той малой социальной группой, где начинает формироваться мировоззрение человека, его отношение к окружающему миру, к обществу. Сектантство считает семью «домашней церковью». Обращаясь к юношам и девушкам, проповедники подчеркивают, что молодым людям доверяется высокая миссия «несения слова божьего в массы». В частности, долг верующих молодых людей перед богом они видят в том, чтобы создать прочную семью. В религиозной общине практикуется сватовство, в дни религиозных праздников молитвенные дома, как, впрочем, и церкви, и мечети, становятся «ярмарками невест». Организуя, например, так называемые «вечера любви», старшее поколение старается познакомить молодых людей друг с другом, обещая девушкам найти хорошего жениха-семьянина, а юношам — верную помощницу, богобоязненную жену. Нельзя не заметить, что для многих молодых людей именно эти обещания и надежды становятся важным стимулом посещения молитвенных собраний.

Сектантские проповедники настойчиво внушают молодежи: брак должен быть «в господе». Они стараются убедить молодых людей в том, что сколько совершается бракосочетаний между верующими и неверующими, столько возникает несчастных семей и несчастных детей — почти все такие браки кончаются крушением семьи. В проповедях звучит прямая угроза: «Нет в таких браках благословения господня».

Сектантство резко отрицательно относится к разводу. Если брак заключен «в господе», развод невозможен. Он допустим лишь в случае «смешанного брака» — когда муж или жена не верит в бо-

---

[1] «Братский вестник», 1973, № 5, стр. 54.
[2] См.: «Баптизм и баптисты». Минск, 1969, стр. 46.
[3] См.: «Братский вестник», 1975, № 3.

га: «Если неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны». Правда, тут вводится серьезное ограничение: если неверующий не хочет развода, верующий «не должен оставлять его». Объясняется это так: «Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты муж, почему знаешь, не спасешь ли жены» [4].

Но вот молодая семья создана. Проповедники стараются внушить молодым мужу и жене сознание своей высокой ответственности перед богом, перед единоверцами. Характерно следующее обращение к молодым семьям: «Дорогой брат и дорогая сестра!.. Если вы соединены брачным союзом, то где ваше благословенное наследие? Столько ли с вами деток, сколько определил господь, или вы, как неверные, которым не на кого надеяться, испугавшись трудностей, преступно оттолкнули это благословение? Если же дети ваши с вами, то знают ли они господа?.. Главное имение, которое вы должны собирать и передать детям вашим, — это драгоценная вера» [5].

У верующих, учат проповедники, должно быть много детей. Многодетные семьи всячески рекламируются, фотографии таких семей широко распространяются. И, естественно, ожидается, что верующие родители дадут своим детям религиозное воспитание, «спасут», «оберегут» их от неверия и атеизма. В проповедях говорится: «Мать должна найти способ указать ребенку ошибочность и лживость атеистических теорий. Ребенка нужно учить духовным гимнам. Детская жажда знаний должна быть удовлетворена религией... Правильно воспитывать детей — это значит постоянно пребывать на коленях...» [6]

Трудно не заметить, что во всем мире происходит эволюция религиозных взглядов (в частности, взглядов идеологов сектантства) на место и роль женщины — эволюция, подчиненная общим тенденциям общественного развития. Примечательно, однако, что религиозные организации, даже стремящиеся действовать в духе времени, всегда отстают от него, подчиняясь характерному для религии консерватизму. Сектантские идеологи продолжают выступать против социальной активности женщин. Внимание своих последователей они усиленно концентрируют только на одном: на роли жены и матери.

Так, например, среди адвентистов распространено наставление, в котором определяются качества примерной жены: «Примерной женой можно назвать такую женщину, на которую вполне может положиться ее муж, которая не терпит ни малейшего беспорядка и запоздания в выполнении своих обязанностей, и гостеприимство составляет для нее радость».

До сих пор остается в силе адвентистское наставление родителям под названием «Что необходимо преподавать нашим дочерям». В нем говорится: «Научите дочерей приготовлять здоровое и питательное кушанье. Научите их стирать, катать, гладить, чинить белье... Научите их производить закупки и точно подсчитать свои расходы... Если нет недостатка в средствах, научите их также музыке и другим искусствам, но не забудьте никогда, что таковое должно стоять лишь на втором плане» [7].

Воспитание девушек в общинах не предполагает активного участия их в производственной деятельности и общественной работе. В настоящее время в устных и письменных проповедях религиозных идеологов редко встречаются прямые возражения против того, чтобы верующие поднимали свой общеобразовательный и культурный уровень. Однако нетрудно заметить, что у религиозных наставников весьма избирательный подход к музыкальным, литературным и другим произведениям — здесь рекомендуется исключительно то, что, по мнению духовных пастырей, создает «религиозное настроение». Причем все эти ограничения прежде всего касаются женщин, потому что большинство верующих — женщины. Среда, в которой лучше всего чувствуют себя сектантские проповедники, — это в первую очередь домохозяйки, вдовы, пенсионерки, женщины, чьи производственные связи и культурный кругозор ограниченны. Профессии работающих женщин из сектантских общин не слишком разнообразны — это в основном санитарки, уборщицы, разнорабочие и т. п. Бросается в глаза узость их трудовых, социальных и иных связей.

Весьма примечательна в этом отношении статья «Они надобны господу», напечатанная в журнале «Братский вестник». Здесь дается объяснение, почему апостол Матфей стал учеником Христа. По словам автора, дело не в талантах и способностях Матфея, а в его послушании — «он встал и последовал за ним».

Не напрасно баптисты, пятидесятники и другие религиозные сектанты любят повторять: «Кто друг миру, тот враг богу». «Братский вестник», например, по этому поводу пишет: «Для господа нужны такие души, для которых интересы царствия небесного стоят на первом месте» [8].

Вместо участия в жизни общества, вместо стремления принести людям реальную пользу своими талантами и способностями — покорное выполнение поручений общины, обучение детей религии, пение в церковном хоре и т. п. Известно много случаев, когда руководители религиозных общин запрещали детям членов общины получать высшее образование, опасаясь, что человек, получив образование, не вернется в общину, порвет с религией. Религиозное сектантство и по сей день мешает развивать и использовать способности верующего в наилучшем для него и для общества направлении.

Между тем именно от места и роли женщины в обществе в значительной степени зависит развитие социального прогресса. В. И. Ленин говорил, что «без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [9].

В нашем социалистическом обществе давно решены многие из тех проблем, над которыми бьются женщины капиталистических стран. Завоевания социализма обеспечили советским женщинам реальные права, равенство в обществе, полноправное участие в производстве, в науке и культуре, в управлении страной. Равноправие женщин — важнейшая предпосылка развития социалистического общества, основанного на принципах социальной справедливости. Коммунистическая партия и Советское правительство придают большое значение активному участию женщин во всех областях коммунистического строительства. Именно поэтому так важно последовательно и активно устранять из нашей жизни все то, что питает женскую религиозность.

---

[4] «Братский вестник», 1973, № 5, стр. 57.
[5] Цит. по кн.: А. И. Клибанов, Л. Н. Митрохин. Кризисные явления в современном баптизме. М., 1967, стр. 46.
[6] Цит. по кн.: «Разум против религии». Челябинск, 1975, стр. 104.
[7] Цит. по кн.: А. В. Белов. Адвентисты. М., 1964, стр. 115.
[8] «Братский вестник», 1975, № 2, стр. 21.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 165.

В пятом, седьмом и девятом номерах журнала за прошлый год опубликованы статьи, в которых был дан критический анализ концепции психоанализа З. Фрейда. Наша [illegible] публикация посвящена проблемам религии и атеизма в социальной философии Фрейда, взгляды которого на религию составляют небезынтересную страницу в истории буржуазного свободомыслия. Их анализ помогает понять и общие тенденции современного буржуазного атеизма, со всей присущей ему непоследовательностью и противоречивостью.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПСИХОАНАЛИЗА

М. ПОПОВА, кандидат философских наук

В КАЛЕЙДОСКОПЕ поучительных, забавных, и порой и глубоко драматических коллизий, составляющих сюжетную канву истории науки, не может не привлечь внимания необычная судьба религиоведческого наследия австрийского врача Зигмунда Фрейда.

Пожалуй, ни один из разделов творчества Фрейда, если не считать работ по теории сексуальности, не порождал столько споров и противоречивых суждений, столько резких нападок и восторженных похвал, сколько их выпало на долю его религиоведческих изысканий. Полемика, начавшаяся вокруг них еще при жизни Фрейда, не затихает до сих пор, умножая груды критической литературы, по своему объему давно уже в сотни раз превосходящей лежащие в ее основе первоисточники.

Столь стойкий интерес к религиоведческому наследию Фрейда не случаен. Проблемы религии занимают особое место в социальной философии психоанализа. Фрейд обращался к ним неоднократно не только в специальных работах[1], но и в исследованиях общепсихологического и социально-философского характера[2]. Хотя религиоведческие исследования Фрейда, равно как и его экскурсы в историю культуры, этику, эстетику, неизменно подчинялись задачам разработки «метапсихологии» как универсального метода познания любых явлений духовной жизни людей, тем не менее именно в концепции религии принципы психоаналитического подхода к явлениям общественной жизни нашли наиболее полное и адекватное выражение. Это сознавал и сам Фрейд, отмечавший, что религия в его системе оказалась единственно высокой областью, ключ к пониманию которой ему удалось найти. Но дело не только в том, что этот аспект творчества Фрейда, как никакой другой, позволяет судить о сущности социальной философии психоанализа. Рассмотрение религиоведческой концепции Фрейда, особенно ее последующих трансформаций, может служить поучительным, хотя и не единственным в истории науки, примером превращения ученого-естествоиспытателя в социального философа; убежденного эмпирика и рационалиста в безудержного мифотворца и иррационалиста; «нераскаявшегося атеиста» в «апостола нового Евангелия».

Эта удивительная метаморфоза, происшедшая буквально на глазах одного поколения, породила множество противоречивых оценок личности и творчества Фрейда. Одни исследователи считают его крупнейшим представителем европейского атеизма конца XIX — начала XX века, другие — бунтарем-нигилистом, эпатировавшим добропорядочную публику еретическими выходками, третьи — религиозным реформатором, заложившим основы радикального обновления религиозно-философской мысли. Чтобы разобраться в этом сложном и запутанном (а чаще всего сознательно запутываемом) вопросе, необходимо рассмотреть его с нескольких точек зрения, проанализировать мировоззренческую ориентацию Фрейда, характер его религиоведческих изысканий, место и роль психоанализа в современной борьбе материализма и идеализма, рационализма и фидеизма.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Фрейд был типичным представителем буржуазного свободомыслия. «Ни в своей частной жизни, ни в своих работах, — писал он незадолго до смерти, — я никогда не скрывал, что я — законченный неверующий»[3]. Действительно, в отношении Фрейда к религии не было ничего двусмысленного. Он вырос в семье, свободной от религиозных предрассудков. Его отец придерживался либерально-просветительских взглядов и, по утверждению домашних, был «законченным свободомыслящим». Еще до рождения сына он перестал посещать синагогу, а затем и вовсе отказался соблюдать культовые и бытовые предписания иудаизма. Мать Фрейда разделяла убеждения мужа и, по сохранившимся воспоминаниям, в семье царила вполне светская атмосфера.

В гимназические и студенческие годы миро-

[1] См.: «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907), «Тотем и табу» (1913); «Будущее одной иллюзии» (1927), «Моисей и единобожие» (1939).

[2] См.: «Психопатология обыденной жизни» (1904), «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923), «Неудовлетворенность культурой» (1930).

[3] "Letters of Sigmund Freud". New York, 1960, p. 453.

воззрение Фрейда формировалось под влиянием идей рационализма и естественнонаучного эмпиризма. Это было время, когда среди образованной части общества были еще сильны традиции просвещения, когда рожденные восходящим развитием капитализма либеральные иллюзии (вера в прогресс, в равенство возможностей, в свободу личности и т. д.) еще не были утрачены. Идеи европейского рационализма и свободомыслия оказали заметное влияние на Фрейда. Он свято верил в могущество человеческого разума и конечную победу научного мировоззрения, религию же, напротив, считал главным источником заблуждений, врагом просвещения и прогресса. Ему был ненавистен ее авторитаризм и догматизм, косность и обскурантизм церковников, невежество и фанатизм верующих.

Но, по-видимому, решающую роль в формировании мировоззрения Фрейда сыграло изучение естественных наук. Вторая половина XIX века была отмечена небывалым подъемом естествознания. Физика, химия, биология оказались авангардными областями знания, средоточием революционных открытий, которые привели к значительному расширению и углублению естественнонаучной картины мира. Именно в это время Фрейд познакомился с учением Дарвина, которое произвело подлинный переворот в его сознании, и он решил посвятить себя науке.

Занятия на медицинском факультете и особенно научная работа под руководством директора института физиологии при Венском университете Э. Брюкке еще более укрепили естественнонаучный, рационалистический склад мышления Фрейда. Э. Брюкке принадлежал к авангарду влиятельного научного движения, возглавлявшегося Г. Гельмгольцем и осуществившего коренную реконструкцию физиологии и психологии XIX века. Это было материалистическое и атеистическое по духу направление естественнонаучной мысли, и Фрейд, примкнувший к нему, по словам его ученика и биографа Э. Джонса, сам на некоторое время стал «радикальным материалистом». Действительно, под руководством Брюкке Фрейд осуществил несколько оригинальных и ценных исследований, способствовавших оформлению материалистической теории нейронов. Сама логика научного исследования вела его на позиции естественнонаучного (физиологического) материализма. Он был убежден, что органом психики является мозг, и психические процессы существуют в неразрывной связи с физиологическими, что мир материальных предметов существует независимо от человеческого сознания и наше знание о нем начинается с возбуждения органов чувств. Именно в этот период закладываются основы того непримиримого отношения к религии, которому Фрейд остался верен до конца жизни.

Он был убежден в единстве и универсальности законов природы и не видел в ней ни одного свидетельства в пользу существования сверхъестественного. «К сожалению, я должен признаться,— не без юмора писал он, — что принадлежу к числу тех недостойных, в чьем присутствии духи прекращают свою деятельность и сверхчувственно улетучиваются, так что я никогда не имел случая пережить лично что-нибудь, могущее дать мне повод к вере в чудеса»[4].

Единственное средство познания мира Фрейд видел в науке и, подобно многим своим современникам, свято верил во всемогущество и безусловную истинность ее завоеваний. Насколько немыслимым представлялся Фрейду компромисс научного и религиозного мировоззрений, показывает тот факт, что даже в зрелые годы он считал веру естествоиспытателей в богодухновенность священного писания ярким примером дезинтеграции личности.

Фрейд вообще был чужд мистики. Он последовательно придерживался усвоенного в лаборатории Брюкке правила объяснять любые явления действительности, не прибегая к помощи каких-либо надприродных сил. Захлестнувшее Европу на рубеже двух веков увлечение спиритизмом, «вещими снами» и прочей оккультной чепухой неизменно встречало с его стороны резкую критику. Анализируя в ряде работ эти явления, Фрейд доказывал, что они основаны на ложной интерпретации психических феноменов, в действительности не содержащих в себе ничего «чудесного». Не случайно, получив приглашение американского Института психических исследований, занимавшегося изучением «сверхчувственных» феноменов, он решительно потребовал не упоминать его имени в связи с этими исследованиями. Свой отказ он мотивировал не только желанием оградить психоанализ от оккультизма и мистики, но и личным неприятием всего, что с ними связано. «...Я, — писал он, — не могу преодолеть в себе некоторых скептико-материалистических предубеждений и внес бы их в исследование оккультных явлений. Так, я всецело не способен даже в качестве простого научного допущения воспринимать идею личного посмертного существования...»[5].

Фрейд был равно непримиримым и к суевериям легковерной толпы, и к религиозно-идеалистическим исканиям интеллектуальной элиты. Он решительно осуждал попытки некоторых представителей буржуазной интеллигенции превратить религию в туманную философскую абстракцию, гальванизировать религиозное умонастроение с помощью «интуитивных озарений» или «мистического самопогружения». Подобные состояния, указывал Фрейд, в лучшем случае могут дать пищу для размышлений о нашей собственной психике, но ни в коей мере не являются аргументом в пользу религии. «Стыдно сознавать, — с горечью писал он, — что большое количество наших современников, из числа тех, кто должен был бы понимать, что такая религия незащитима, все же пытаются защитить ее пункт за пунктом, отступая в жалких арьергардных боях»[6].

Говоря о мировоззренческой ориентации Фрейда, следует заметить, что его «материализм» (то есть отрицание сверхъестественного) носил ограниченный характер, был, говоря словами Ленина, сродни стихийному, неосознанному, неоформленному, философски бессознательному убеждению большинства естествоиспытателей в объективной реальности нашего внешнего мира, отражаемой нашим сознанием[7]. Эта «неоформленность» философских позиций была характерна для многих представителей естествознания. Оставаясь более или менее последовательными материалистами в пределах своей профессиональной деятельности, они сплошь и рядом оказывались идеалистами, стоило им обратиться к решению теоретико-познавательных и социально-философских проблем.

Идейная позиция Фрейда и ее последующая эволюция не представляла в этом отношении исключения. Неоформленность, стихийность его естественнонаучных взглядов привели к тому, что, оставив через полтора десятилетия скальпель и микроскоп,

---

[4] З. Фрейд. Психопатология обыденной жизни. М., 1910, стр. 147.

[5] "Psychoanalisis and the Future". New York, 1957, p. 13.

[6] З. Фрейд. Избранное. Лондон, 1969, стр. 266.

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 367.

Фрейд, по существу, расстался и с материализмом. Хотя он никогда не отрекался от убеждений молодости, его отход от естественнонаучных методов был столь разительным, что, по замечанию его биографа Э. Джонса, Брюкке пришел бы в ужас, если бы ему довелось узнать, что один из его любимейших учеников своей знаменитой теорией влечений возвращает в науку о природе такие идеи, как «цель», «намерение», «стремление», которые сам Брюкке и члены его школы считали навсегда изгнанными из вселенной.

Этот процесс усиливался по мере того, как интересы Фрейда перемещались из области физиологии высшей нервной деятельности и психиатрии в сторону общефилософской и социокультурной проблематики. Он уже не пытался опереться на объективные методы исследования, отдавал явное предпочтение умозрительным спекуляциям, нередко приобретавшим откровенно антинаучную, иррационалистическую направленность.

А это в свою очередь не могло не сказаться на характере его религиоведческих построений.

КРИТИКА ФРЕЙДОМ РЕЛИГИОЗНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Религиоведческие работы Фрейда производят крайне противоречивое впечатление. В них объединены идеи, различные по своим исходным посылкам, научной представительности и общественному звучанию, идеи, которые позволяют по-разному, а порой и прямо противоположным образом оценивать его концепцию в целом.

Фрейд считал религию заблуждением, коллективной иллюзией, пережитком психического инфантилизма. Согласно его концепции, совместное существование и целенаправленная трудовая деятельность людей, обусловленные необходимостью выжить перед лицом превосходящих сил природы, требовали ограничения их эгоистических, агрессивных и сексуальных инстинктов. Подавление же первичных влечений — этой основы основ человеческой психики — неизбежно рождало напряженность и вело к опасным для общества невротическим срывам. Для их предотвращения общество, подобно невротику, пытающемуся стабилизировать свою психику с помощью системы охранительных ритуалов, создает собственный «психический инвентарь», свою особую систему предохранительных клапанов. Одним из элементов «психического инвентаря культуры» становится религия, на которую возлагается задача примирить людей с тяготами повседневного существования, дать разрядку избыточному психическому напряжению[8].

Религия, в интерпретации Фрейда, — порождение инфантильной беспомощности людей перед непосильным для них гнетом природы и общества. Боги, духи и прочие сверхъестественные существа являются не чем иным, как продуктом фантазии, проекцией во внешний мир неудовлетворенных человеческих потребностей, персонификацией нереализованных влечений и идеалов. Ничего не меняя в жизни людей, религия с помощью психологических иллюзий создает субъективное ощущение снятия противоречия между потребностями и возможностями их удовлетворения, между субъективными устремлениями и реальностью объективного мира.

Признавая, что религия может играть важную роль в психическом балансе людей, что многие находят в ней единственное утешение и счастье, Фрейд тем не менее решительно отрицал за ней какую-либо ценность. Он называл религию горько-сладким ядом, убаюкивающим волю и разум людей.

Критикуя сторонников философского, психологического, морального оправдания религии, Фрейд указывал, что исторический опыт человечества свидетельствует о неспособности религии сделать людей счастливее, нравственнее, сильнее. Религиозные иллюзии, подчеркивал он, не просто бесполезны, они опасны и вредны. Искажая картину реального мира, умаляя ценность человеческой жизни, запугивая людей и усыпляя их разум, религия затрудняет их приспособление к действительности, ограничивает их творческие способности.

Религия, утверждал Фрейд, неизбежный спутник детства человечества, но человек не может вечно оставаться ребенком. По мере возмужания человеческого общества «отпадение от религии должно неизбежно совершиться с роковой неумолимостью процесса роста». Главную роль в этом процессе он отводил науке как средству познания и преобразования мира. Фрейд оптимистически оценивал перспективы процесса секуляризации. «То обстоятельство, что человек откажется от своих потусторонних чаяний и все свои освобожденные силы сосредоточит на земной жизни, по всей вероятности, обогатит его так, что жизнь станет сносной для всех и культура не будет больше никого угнетать»[9].

Рассуждения Фрейда, как нетрудно заметить, во многом перекликаются с идеями, составляющими золотой фонд буржуазного свободомыслия. Коротко их суть сводится к следующему: религия — коллективная иллюзия, в мотивировке которой решающую роль играют неудовлетворенные человеческие желания; религия — непримиримый враг разума и прогресса, ибо, подавляя критическое мышление, она ограничивает познавательные и практические возможности людей; религия — аморальна, поскольку, приписывая нравственным установлениям сверхъестественное происхождение, она лишает человека права на свободный и сознательный выбор своих поступков; религия — социально опасна потому, что она всегда поддерживала и продолжает поддерживать негодные социальные институты; преодоление религии — необходимое условие и неизбежный результат социального и духовного прогресса человечества.

Не удивительно, что выступления Фрейда неизменно вызывали бурное негодование со стороны церковников. Клерикальные круги организовывали против него шумные кампании, подвергали его обструкциям, обвиняли в богохульстве, аморализме и прочих смертных грехах. Его учение предавалось анафеме, его работы заносились в списки запрещенных книг. И мы, конечно, не должны недооценивать того огромного общественного резонанса, который резкие и бескомпромиссные выступления Фрейда вызывали при его жизни и продолжают вызывать, хотя и в меньшей степени, в наши дни. Научный авторитет Фрейда, особенно возросший в последний период жизни, придавал вес его антиклерикальным заявлениям. И сегодня многие идеи Фрейда по-прежнему используются в антирелигиозной пропаганде секуляристами и свободомыслящими Запада.

В то же время мы не можем обойти молчанием того, что при всей своей значимости выступления Фрейда никогда не выходили за рамки просветительской критики религии. Воспитанный в традициях буржуазного свободомыслия, Фрейд усвоил не толь-

---

[8] См.: З. Фрейд. Будущее одной иллюзии. «Атеист», 1928, № 32, стр. 66—68.

[9] Там же, стр. 88, 92.

[redacted] его сильные, [redacted] и слабые стороны. Как [redacted] многие его предшественники, Фрейд, резко изобличавший вред религии, так и не смог подняться до понимания [redacted] социальной природы. Хотя он подчеркивал, что религия вырастает не [redacted] спекулятивной любознательности «дикаря-философа», [redacted] практической необходимости, эта необходимость была им сведена [redacted] потребности людей психологически компенсировать издержки коллективного существования, недостаток знаний и практических возможностей. В результате его критика религии [redacted] прогнозы относительно [redacted] будущего приобретали либерально-просветительский, утопический характер. Преодоление религии Фрейд связывал с распространением знаний, игнорируя тот факт, что хотя [redacted] современном капиталистическом обществе невежество [redacted] остается питательной почвой религии, [redacted] главные ее корни — социальные.

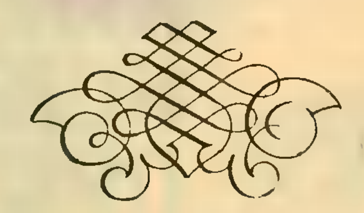
Этот недостаток усугублялся еще [redacted] тем, что, пропущенные сквозь призму психоанализа, многие положения буржуазного свободомыслия получили у Фрейда в высшей степени превратное толкование. Его не удовлетворяла скромная роль популяризатора чужих идей. Свою задачу Фрейд видел [redacted] том, чтобы обогатить сокровищницу атеистической мысли психологической теорией, опирающейся на важнейшие постулаты психоанализа. И это «обогащение» сыграло [redacted] полном смысле роковую роль [redacted] судьбе его религиоведческого наследия.

Впервые Фрейд обратился к религии [redacted] работе «Психопатология обыденной жизни» [redacted] связи с анализом психологической природы суеверий. Он рассматривал суеверия как результат проекции, то есть перенесения человеком во вне бессознательных побуждений и мотивов. Смутно ощущая внутреннюю обусловленность своих поступков и не находя этому удовлетворительного объяснения, человек выносит [redacted] источник во внешний мир. Так конструируется сверхчувственная реальность, составляющая основу суеверий. Определив религию как «проецированную во внешний мир психологию», Фрейд поставил вопрос о необходимости изучения ее глубинных истоков, берущих свое начало [redacted] особенностях функционирования человеческой психики. Этот метод, по его мнению, должен раскрыть земные, человеческие основы мифов о рае и аде, добре и зле, боге [redacted] бессмертии. Таким образом, генеральную задачу психоаналитического изучения Фрейд видел [redacted] том, чтобы «превратить метафизику в метапсихологию», то есть свести учение о сверхчувственной реальности к общей теории человеческой психики.

Такая постановка вопроса, учитывая предметную специфику различных отраслей религиоведческого знания, вполне правомерна. В отличие от философии, социологии или истории, психология изучает религию, рассматривая ее сквозь призму человеческой психики, то есть выявляя особенности возникновения [redacted] функционирования переживаний, чувств, отношений, характерных для массы верующих. Однако такое исследование может быть результативным лишь при соблюдении одного непременного условия — человеческая психика должна рассматри[redacted] общественный продукт. Собственно, здесь [redacted] пролегает демаркационная линия, отделяющая научные методы изучения религиозной психологии от псевдонаучного психологизирования. Какая же из названных позиций была присуща исследовательскому методу Фрейда? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо коротко охарактеризовать основные установки социальной философии психоанализа, конкретным приложением которых [redacted] были религиоведческие изыскания Фрейда.

Об этом — [redacted] следующей статье.

Всего сто лет, уже сто лет



О чем [redacted]
русские [redacted] и журналы
[redacted] марте [redacted] г.

Церковный закон, введенный несколько лет назад [redacted] Прусском королевстве... дает право не обращаться к пастору как [redacted] крещением и бракосочетанием, так [redacted] за внесением [redacted] церковные книги умерших: следует только обратиться [redacted] назначенному правительством чиновнику [redacted] записать в установленную книгу новорожденных, бракосочетающихся и умерших. Оказывается, что [redacted] времени введения нового закона [redacted] течение одной четверти года в Пруссии, даже за исключением Рейнской провинции, Ганновера, Гессен-Нассау, Шлезвиг-Голштинии и Лаушбурга остаются без крещения 24 000 детей от евангельских родителей... Следует ожидать в течение целого года 96 000 некрещеных детей, которые [redacted] заслуживают другого названия, [redacted] назва[redacted] язычников... Если же христианские родители оставили своих детей некрещеными, то последние еще меньше подумают о крещении, когда вырастут [redacted] сделаются супругами. Число язычников возрастет [redacted] образом с неимоверною быстротой, и, судя по-человечески, Германия в течение 30 лет может так глубоко упасть, что христианским общинам придется посылать туда христианских миссионеров точно так же, [redacted] ныне они посылаются [redacted] Африку и Азию.

«Литовские епархиальные ведомости»

Во Франции не прекращаются судебные дела [redacted] обвинению духовных лиц [redacted] изнасиловании [redacted] жесто[redacted] наказании несовершеннолетних [redacted] детей. Священник Божар, изнасиловавший двух девочек, приговорен [redacted] 15-летнему тюремному заключению, начальница одной школы — монахиня уличена [redacted] наказании детей посредством сажания [redacted] на раскаленные плиты; две монахини-учительницы [redacted] департаменте Аллье [redacted] наказание заставляли детей лизать раскаленное [redacted].

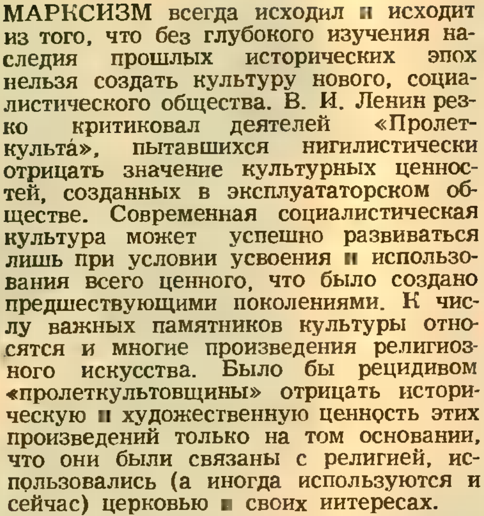
«Неделя»

Одним из побуждений [redacted] продолжению законоучительской деятельности священников должно служить [redacted] опасение вредного влияния [redacted] детей со стороны неблагонадежных в религиозно-нравственном отношении светских законоучителей, каковые при всем старании [redacted] надзоре администрации всегда могут быть. Недавно один [redacted] благочинных Кубанской области передавал нам, что по [redacted] наблюдениям многие [redacted] молодых учителей станичных училищ [redacted] только [redacted] содействуют главной задаче народных школ — утверждению в учащихся религиозно-нравственных понятий, [redacted] противодействуют, [redacted] прямо и открыто, [redacted] косвенно и [redacted] для всякого заметно. Ввиду подобных явлений священники, [redacted] нашему мнению, должны, не взирая [redacted] препятствия, удержать [redacted] собой законоучительство [redacted] школах, иначе дело [redacted] недалеком будущем дойти до ослабления в [redacted] пасомых истинной веры или даже до потери ее, гибельные последствия чего [redacted] всякому.

«Странник»

КУЛЬТОВОЕ ИСКУССТВО ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д. УГРИНОВИЧ,
доктор философских наук



МАРКСИЗМ всегда исходил и исходит из того, что без глубокого изучения наследия прошлых исторических эпох нельзя создать культуру нового, социалистического общества. В. И. Ленин резко критиковал деятелей «Пролеткульта́», пытавшихся нигилистически отрицать значение культурных ценностей, созданных в эксплуататорском обществе. Современная социалистическая культура может успешно развиваться лишь при условии усвоения и использования всего ценного, что было создано предшествующими поколениями. К числу важных памятников культуры относятся и многие произведения религиозного искусства. Было бы рецидивом «пролеткультовщины» отрицать историческую и художественную ценность этих произведений только на том основании, что они были связаны с религией, использовались (а иногда используются и сейчас) церковью в своих интересах.



Развивая идеи В. И. Ленина о необходимости усвоения культуры прошлого, А. В. Луначарский писал: «Что значит, однако, усвоить себе культуру прошлого? Это, прежде всего, значит сохранить ее, это значит бережно относиться к ее памятникам; во-вторых, это значит и изучить художественные памятники, идеологические построения различных эпох в их связи с этой эпохой, т. е. научно-исторически; в-третьих, это значит использовать все те их положительные черты идеологического, тематического и в особенности технического порядка, которые могут пригодиться при создании новых творений; это значит; наконец, непосредственно использовать в качестве источника высокой эстетической эволюции то, что в сознании прошлого является действительно прекрасным и может найти отклик и в современном сознании»[1].

Принятие Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», вступившего в действие с 1 марта текущего года, является ярким свидетельством подлинно ленинского отношения Коммунистической партии и Советского государства к культурно-историческому наследию прошлого, доказательством неустанной заботы о сохранении и умножении духовного богатства нашей Родины.

Сейчас в нашей стране редко встречается нигилистическое отношение к культовой архитектуре, к произведениям религиозного изобразительного искусства, хотя следует признать, что в прошлом оно причинило немало зла. Общества охраны памятников истории и культуры, созданные во всех союзных республиках и объединяющие более 30 миллионов человек, делают много полезного для сохранения и реставрации многих произведений религиозного искусства прошлого, для их изучения и пропаганды. За последние годы почти в три раза возросли государственные ассигнования на реставрацию памятников. В три с половиной раза стало больше реставрационных мастерских и комбинатов. Целая армия историков, музейных работников, экскурсоводов обслуживает туристов, посещающих музеи.

Хранить культурное наследие прошлого — значит постоянно изучать его, осмысливать с позиций сегодняшнего дня, подвергать критическому анализу, вскрывать внутренние противоречия. Особенно это важно по отношению к памятникам религиозного искусства. Признание их ценности, пропаганда их в массах населения отнюдь не означают, что мы должны придать забвению использование их церковью в своих целях. Напротив, марксистский подход предполагает научное раскрытие внутренних противоречий религиозного искусства.

Здесь неизбежно возникают вопросы: за что мы их ценим? Почему они входят в общее культурное наследие нашего народа? Марксистское понимание памятников культуры исходит из того, что они представляют для нас, во-первых, эстетическую и, во-вторых, историческую ценность.

Статья 3-я. Первую и вторую статьи: «Культовое искусство и его противоречия» и «Церковный канон и творчество» — см. в № 1 и 2.

[1] А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога? М., 1965, стр. 374.

Эстетическая, художественная сторона древних икон, мозаики и фресок привлекают к ним пристальное внимание наших современников, в том числе художников. Какие же художественные приемы древних живописцев вызывают сегодня наибольший интерес?

Специалисты отмечают важную особенность византийской и древнерусской монументальной церковной живописи (мозаики и фресок), которая состояла в том, что древняя живопись была неразрывно связана с архитектурой храмов. Расположение и размеры изображаемого во многом зависели от особенностей того или иного церковного здания. Как отмечает искусствовед В. Д. Лихачева, средневековые живописцы-монументалисты всегда учитывали пропорциональные и масштабные отклонения от нормы, связанные с тем, что изображения находились далеко от зрителя и притом нередко на вогнутых поверхностях стен. Так, например, в знаменитом мозаичном изображении богоматери — Оранты в киевском Софийском соборе у нее сознательно увеличена голова, с тем чтобы скрыть изменения пропорций, вызванные неровной поверхностью.

Таким образом, монументальная живопись в Византии и древней Руси составляла в художественном плане нечто единое с архитектурой храма. Это единство не ограничивалось учетом особенностей восприятия изображений на кривых поверхностях. Например, симметрии пространственного решения крестово-купольного храма соответствовала и симметрия живописных изображений. Композиция многофигурных сцен в монументальной живописи зависела от характера стен, расположения окон и других пространственных решений. Центральные персонажи изображались на прямой части стены, а окружающие их фигуры — на сводах или иных искривленных поверхностях. В ряде случаев окна или двери органически включались в изображения, выступая как оси многофигурных композиций.

В. Д. Лихачева полагает, что тесная связь монументальной живописи и архитектуры явилась основным достижением древнерусских фрескистов. «Несмотря на существование иконографического канона, — пишет она, — определявшего место той или иной сцены в храме и в известной мере сковывавшего художников древней Руси, они всегда умели цельно и едино решить пространство храма... Не столько теологические и иконографические концепции объединяли декор храма, сколько его стилистические особенности: композиция, колорит, рисунок» [2].

Эти традиции древнерусской монументальной живописи, утраченные в последующие века, представляют большой интерес для современных советских художников-монументалистов, стремящихся в своем творчестве к органическому единству живописных и пространственных решений.

Не менее интересны особенности древней византийской и русской иконописи, о которых уже говорилось в связи с характеристикой церковного канона. Если отвлечься от богословского истолкования этих особенностей, они обладают определенной эстетической ценностью, как способы и приемы художественного отражения действительности.

Возьмем, к примеру, так называемую обратную перспективу. Непривычному к ней глазу, воспитанному на линейной перспективе, она представляется грубой деформацией «естественного» видения предметов. Однако, как справедливо отмечают многие искусствоведы, совмещение нескольких проекций в изображениях предметов позволяет воспринимать их более полно и многосторонне, независимо от положения наблюдателя. Живописец изображает предмет не таким, каким он его видит в определенный момент из определенной точки, а таким, каким он его знает вообще. Благодаря этому мы можем получить более полное представление о форме того или иного предмета и его особенностях. Поэтому вполне понятен интерес некоторых советских живописцев к способам изображения пространства в иконах. К. С. Петров-Водкин, например,





К. Петров-Водкин. «Мать», «Утренний натюрморт».

[2] В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, стр. 13. 19. 20. 21.

умело использовал в своих картинах некоторые приемы передачи перспективы древних икон.

Условное время в иконах и совмещение разновременных событий в одной сложной композиции также имеют свой эстетический аспект, предполагающий особый путь воспроизведения временных изменений. Совмещая несколько разновременных событий, связанных общностью темы и образов, художник тем самым достигал наиболее полного воспроизведения всего сюжета. Такой способ изображения [redacted] является исключительным достоянием икон, он широко применялся [redacted] народном искусстве многих народов.

Что касается «спиритуализации» образов [redacted] византийской и русской иконографии, то опять-таки было бы недиалектичным [redacted] односторонним не замечать, что она [redacted] определенной мере содействовала совершенствованию способов художественного выявления духовного мира людей, их внутренних переживаний. Вспомним, например, трагических [redacted] суровых святых Феофана Грека, гармонические и светлые, одухотворенные образы Андрея Рублева. Умение этих мастеров немногими художественными средствами раскрыть внутренний мир изображаемых персонажей достойно изумления [redacted] восхищения. Их мастерство прочно вошло [redacted] золотой фонд русского искусства.

Говоря о художественных особенностях древней иконописи, нельзя не упомянуть еще раз [redacted] цвете. Тайна обаяния древней русской иконописи в значительной мере определяется ее красками.

«Что бы икона ни изображала,— пишет М. В. Алпатов,— торжественное празднество или печальный обряд, — [redacted] красках, в их выборе, в их распределении на доске художник заботился о том, чтобы они составляли нечто целое, гармоничное, восполняли друг друга, дружили друг с другом. Недаром нам слышится [redacted] иконах веселый перезвон красок. Краски подходят друг к другу, как цветы, составляющие красивый букет, оживляют поверхность иконной доски, нередко выделяя ее сердцевину наиболее ярким [redacted] светлым пятном... Одной из самых высоких задач русской иконописи было создание красочной симфонии из чистых, беспримесных и ничем не замутненных красок. Художники знают, как трудно пользоваться одними чистыми спектральными красками и избегнуть пестроты. Между тем древнерусские мастера настойчиво добивались и достигали этой желанной цели» [3].

Колористическое мастерство древних русских живописцев, их яркие и чистые краски, составлявшие вместе с тем единую гамму, оказали определенное влияние на творчество многих современных художников. Это влияние отмечается искусствоведами, например, при анализе творчества известного французского художника Анри Матисса. Открыв для себя древнерусские иконы [redacted] время приезда [redacted] Москву [redacted] 1911 году, Матисс особенно поражен был их цветом. Стремление к чистым краскам в его произведениях [redacted] известной мере связано с использованием опыта древней русской иконописи.

Наконец, следует сказать об условном, символическом характере культового искусства. Сами по себе условность [redacted] символизм [redacted] искусстве отнюдь не являются недостатками. «Фотографический натурализм», предполагающий буквальное воспроизведение действительности, нередко препятствует глубине художественного обобщения. [redacted] напротив, элементы условности и символизма выступают [redacted] народном [redacted] профессиональном искусстве как важные способы выделения главного, существенного, типического, [redacted] приемы художественного «заострения» образов.

Конечно, символизм церковной живописи носил специфический характер. Образы церковных фресок [redacted] икон были, с точки зрения христианского богословия, символами потустороннего мира, призваны были утверждать [redacted] укреплять веру [redacted] его существование. Но если отвлечься от культового предназначения и религиозных функций христианской живописи, если рассматривать лишь ее художественную сторону, то становится ясно, что ее символический характер, умение живописца [redacted] помощью немногих художественных средств выразить главное также представляют эстетическую ценность.

Когда речь идет об использовании современны[redacted] художниками творческого наследия средневековых живописцев, имеется [redacted] виду, естественно, не механическое, бездумное копирование их изобразительных приемов. Попытки такого бездумного подражания древней русской иконе, [redacted] сожалению, есть, и они, [redacted] лучшем случае, приводят к поверхностной стилизации. Речь идет о глубоком творческом усвоении средневекового художественного наследия. Когда лучшие художественные традиции органически сливаются с современным художественным опытом, рождаются оригинальные, глубоко идейные произведения искусства, достойные социалистической эпохи.



Левая часть триптиха — «Северная баллада». [redacted] год.

[redacted] нашей стране есть опыт такого усвоения художественных традиций древнерусской живописи. Широко известно творчество лауреата Ленинской премии Павла Дмитриевича Корина. Он справедливо считал, что без преемственности нет искусст-

---

[redacted] М. Алпатов. Краски древнерусской иконописи. М., 1974, стр. 9.

Говоря о влиянии древнерусской живописи на современность, нельзя не упомянуть о своеобразном, во многих отношениях уникальном примере возрождения этих традиций и их развития в наше время в творчестве миниатюристов Палеха, Мстеры, Холуя.

Жители этих сел издавна занимались иконописью. Кризис иконописи после Октябрьской революции заставил сельских живописцев искать новый путь в творчестве. Не сразу, постепенно, в ходе мучительных поисков такой путь был найден. Им оказалось создание лаковых миниатюр на шкатулках, блокнотах, пудреницах, портсигарах, коробочках.

Интересно проследить, как в процессе накопления опыта постепенно происходило слияние прежних художественных традиций, идущих от иконописи, с новым содержанием. Первоначально во многих миниатюрах еще не было полного единства содержания и формы, чувствовалось стремление новое вино влить в старые мехи. Однако дальнейшие творческие поиски постепенно позволили миниатюристам создать специфический художественный стиль, в котором светское, нерелигиозное содержание нашло адекватные формы эстетического воплощения. Художники умело использовали ряд приемов древнерусской иконописи, о которых говорилось выше: обратную перспективу, условность и символизм в изображении людей и пейзажа, совмещение в одной композиции разновременных событий, наконец, яркие, чистые краски, образующие свою цветовую гамму. В то же время ими была преодолена традиционная для икон статичность. Многие мастера добились успеха в передаче движения, динамики, экспрессии. Сильное впечатление производит шкатулка художника из Холуя



П. Корин. Триптих «Александр Невский». Центральная часть.



Эскиз первого варианта правой части триптиха — «Похороны героя». 1942 год.

ва, нет новаторства. В его произведениях мы находим органический сплав традиций и глубоко оригинальной современной трактовки образов. Так, например, в созданном Кориным в годы Великой Отечественной войны триптихе «Александр Невский» отчетливо заметно использование им некоторых художественных приемов древнерусских монументалистов. В то же время этот триптих, как и другие произведения художника, глубоко современен не только по теме и образам, но и по художественному стилю.

Н. Н. Денисова «Огненные годы». В ней ярко проявилось органическое слияние старых традиций с современными темами, образами и их художественным воплощением. Мы видим здесь умелое использование традиционного для иконописи красного цвета, элементы условности в изображении фигур, коней, деревьев. В то же время все эти приемы подчинены главной задаче: передать драматизм борьбы в годы гражданской войны, стойкость и силу характеров красных бойцов[4].

Так наследие прошлого живет и развивается в современном художественном творчестве. Сама жизнь дала ответ на вопрос о возможности использования традиции древней русской живописи в социалистическом обществе.

Как уже говорилось, памятники древнерусского культового искусства имеют не только эстетическую, но и историческую ценность. В них запечатлены умонастроение эпохи, типичные для нее характеры и переживания. Изучение памятников позволяет представить мировоззрение, жизнь и быт наших предков.

Многое может дать, например, изучение древней русской иконописи. Икона была не только объектом поклонения, но и произведением, в котором в специфической форме отражались мысли и чувства наших предков, их представления о добре и зле, их мечты о счастье и справедливости. Интересный анализ так называемых «богородичных» икон мы находим в книге О. Чайковской «Против неба — на земле». Во многих русских иконах богоматерь изображена не отрешенной от всего земного богиней, а страдающей женщиной-матерью. «Став народным божеством,— пишет О. Чайковская,— Мария перестала быть могущественной, она одинока, несчастна и беспомощна, она может всего только просить да плакать»[5].

Так икона становится историческим документом, отражающим чувства, настроения и стремления людей древней эпохи.

Многочисленные факты красноречиво свидетельствуют о том, что русская православная церковь не умела беречь лучшие памятники древнего искусства, что она нередко относилась с полным пренебрежением к судьбе подлинных художественных шедевров. Известно, например, что в конце XVIII века руководство Владимирской епархии решило разобрать знаменитую церковь Покрова на Нерли. Только случайность спасла эту жемчужину древнего русского зодчества: епархии показалась велика цена, которую запросили за разборку здания. А разве не лежит на совести игумена и монахов Андроникова монастыря в Москве уничтожение фресок Андрея Рублева? «...Невежественные поновители XIX века уничтожили эти драгоценные произведения великого мастера. Лишь в откосах древних окон сохранились фрагменты его орнаментальных фресок»[6],— пишет советский искусствовед М. Ильин. В этой связи следует вообще заметить, что реставрация и научное изучение творений Андрея Рублева стали возможны лишь в советское время. А сколь небрежно относились церковники к наследию Рублева, доказывает хотя бы тот факт, что едва ли не самые замечательные его иконы так называемого звенигородского чина были обнаружены в 1918 году под дровами в сарае Успенского собора на Городке[7]

И. Голиков. Фронтиспис к «Слову о полку Игореве».

---

[4] См. художественные альбомы: Б. И. Коромыслов. Лаковая миниатюра Мстеры. Л., 1972; «Искусство Холуйской миниатюрной живописи». Л., 1975.

[5] О. Чайковская. Против неба — на земле. М., 1966, стр. 64.

[6] М. Ильин. Москва. Художественные памятники города. М., 1970, стр. 125.

[7] См.: М. Алпатов. Андрей Рублев. М., 1972, стр. 195.

Раскрывая исторические судьбы памятников древнего религиозного искусства, мы не должны упускать из вида подобные факты. Они еще раз напоминают о том, что религиозная функция тех или иных памятников всегда была для церкви главной, решающей, а эстетическая, художественная сторона отходила на задний план, а то и вовсе игнорировалась.

Проблема соотношений двух функций религиозного искусства — культовой и эстетической — актуальна не только применительно к оценке прошлого, она сохраняет всю свою значимость и в настоящее время. Не нужно забывать, что противоречия культового искусства «объективированы», «опредмечены» в произведениях,, дошедших до настоящего времени.

Как же соотносятся между собой в наше время культовая и эстетические функции произведений религиозного искусства?

Этот вопрос в свое время ставил А. В. Луначарский и, отвечая на него, приводил слова Ницше: «Боги хороши после смерти». Иначе говоря, наибольшую художественную ценность произведение религиозного искусства приобретает тогда, когда утрачена вера в реальное существование изображенных богов, когда эти боги воспринимаются лишь как сказочные, мифологические образы, как условный способ художественного отражения людей, их характеров и взаимоотношений. «...Никому не придет в голову,— писал А. В. Луначарский, — говорить о том, что посещение экскурсией музея статуй античных богов может разбудить в сердцах экскурсантов тлеющее там религиозное чувство. **Эти боги умерли, поэтому они прекрасны.** Мы видим в них сгусток человеческой мечты, порыв к совершенству. Мы знаем, как глубоко проник в сущность религии Фейербах, говоря, что человек создавал своих богов по образу и подобию своему, развивая и увеличивая этот «образ и подобие» до тех границ совершенства, какие мог себе вообразить человек каждой отдельной культуры» [8].

Сложнее дело обстоит в тех случаях, когда речь идет о культовом искусстве ныне существующих религий, которое активно функционирует в системе этих религий. Здесь их эстетическая функция нередко отходит на задний план. Во-первых, сами условия культового действа таковы, что они ведут к забвению художественных достоинств того или иного произведения искусства (икона, распятие и т. п.). Для верующего-католика, пришедшего в Лурд или Ченстохову в надежде на исцеление от недугов, которое ему якобы может даровать богоматерь, эстетическая сторона изображений девы Марии не имеет существенного значения, так же как православному безразличны художественные особенности чудотворной иконы Владимирской божьей матери. Кстати сказать, именно поэтому безвкусная роскошь окладов, закрывавших почти всю поверхность икон, воспринималась верующими без всякого протеста.

Во-вторых, у глубоко верующих людей, как говорилось выше, эстетические чувства подчинены религиозным, они вливаются в русло последних, не только поддерживая, но и усиливая их.

Вот почему для нас далеко не безразлично, где в настоящее время находится то или иное произведение религиозного искусства — в действующей церкви или в музее. На это обстоятельство также указывал Луначарский и подчеркивал, что «икона, перед которой висит лампада в функционирующей церкви, в десять тысяч раз опаснее, чем икона в собрании Остроухова» [9]. В течение долгого времени русская иконопись не была доступна для исследовательских работ искусствоведов. Только в условиях Советского государства стали возможны раскрытие подлинной художественной значимости древних икон, их реставрация и изучение не только специалистами, но и широкими массами трудящихся.

В музее, конечно, не исключается полностью возможность религиозного восприятия икон и даже — в отдельных случаях — культового им поклонения. Однако такие случаи представляют редкое исключение и могут наблюдаться лишь у религиозных фанатиков. В целом же обстановка музея (даже если в музей превращено здание церкви) ориентирует посетителей не на религиозное, а на эстетическое восприятие.

Многое при этом, естественно, зависит от деятельности экскурсоводов и музейных работников, от их умения раскрыть социальное, историческое и эстетическое содержание памятников религиозного искусства. Не любование деталями религиозного искусства, а трезвое раскрытие глубоких внутренних его противоречий, социальной значимости, эстетической и исторической ценности — вот что должно быть главным содержанием его пропаганды. Иначе говоря, деятельность работников музеев и заповедников должна покоиться на прочном фундаменте марксистского атеизма.

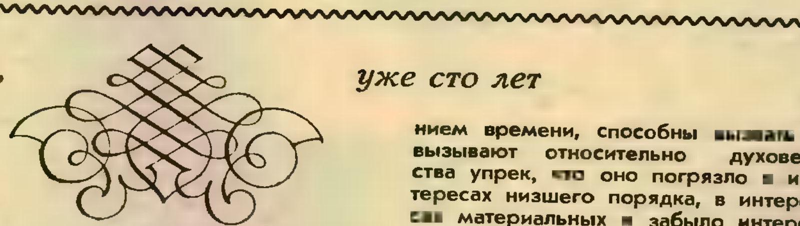
Вся идеологическая работа, ведущаяся в нашей стране, имеет свой атеистический аспект, поскольку она утверждает принципы научного, материалистического мировоззрения. Атеистическое воспитание ныне приобретает все более широкий и многосторонний, все более разнообразный, комплексный характер. Особенно важна атеистическая направленность в пропаганде памятников культуры, в частности произведений религиозного искусства.

---

[8] А. В. Луначарский. Почему нельзя верить в бога?, стр. 368.

[9] Там же, стр. 371. Остроухов И. С. (1858—1929 гг.) — художник и собиратель древнерусской живописи.

Всего сто лет, уже сто лет



Все внимание духовенства... обращено на нужды материального быта и изыскание средств удовлетворения их... Не мудрено, что эта сосредоточенная деятельность в тесных границах материального быта и этот беспрерывно раздающийся с разных сторон клич: денег и денег! — не совпадающий с общим направлением времени, способны вызвать и вызывают относительно духовенства упрек, что оно погрязло в интересах низшего порядка, в интересах материальных и забыло интересы порядка высшего.

«Чтения в обществе любителей духовного просвещения»

О чем писали русские газеты и журналы в марте 1877 г.

ЦВЕТНИК У ОДИНОКОГО КАРАГАЧА

М. ЮНУСОВ

— Эту историю передаю вам я, Латиф Мирхаким Ходжа, со слов моего покойного отца Мирхакима Рахимсадри Зарифа, ссылавшегося на моего деда Рахимсадри Абуфаттах Исламнура, очевидца событий, о которых идет речь.— Старик сделал паузу, еще раз посмотрел мне в глаза, словно желая убедиться, что я не стану употреблять во зло эти сведения, и продолжал: — Если я в своем рассказе умышленно искажу истину или солгу, пусть грех падет на мою старую голову и позор очернит доброе имя всего нашего рода. Если же память моя что-либо упустит или передаст неверно, пусть простит меня Аллах, а те, кто знает эту историю лучше, пусть не посчитают меня лжецом. — Старик допил чай из фаянсового сосуда, вытер пот со лба и до конца своего рассказа больше ни разу не остановился.

— Недавно, три или четыре года назад, мне исполнилось сто лет. Отец рассказывал, что я родился ровно через сорок лет после того, как аскеры белого царя взяли Хиву. В четырнадцать лет я знал наизусть Коран, и уже тогда мусульмане Туракургана уважали меня как взрослого и многие обращались ко мне с приветствием первыми.

В тот год отец созвал уважаемых людей кишлака и до самого вечернего намаза слушал их мудрые речи. После намаза меня пригласили в эккере[1], и отец сказал: «Сын мой, я отправлю тебя в Бухару учиться. Там, у ворот медресе Кукельташ, ты увидишь торговца сладостями по имени Мулла Ибрахим Миръяхья. Скажи ему, что ты сын Мирхакима Рахимсадри Зарифа из Туракургана, и объясни, что приехал учиться. Он тебя введет в медресе, поможет найти жилье. Когда прочтешь все священные книги и Аллах поможет тебе узнать все умные мысли мудрецов, ты вернешься в Туракурган и станешь имамом правоверных.

На другой день мать разбудила меня очень рано и дала мне еду на дорогу. После утреннего намаза мы с отцом на двух ишаках выехали из кишлака. Когда мы добрались до места, называемого Кызмазаром, стало светло. Отец сошел с ишака, расстелил под одиноким карагачем намазлык[2] и начал молиться. Я стал рядом и тоже помолился.

— Тебе предстоит трудный путь до Бухары и дальше тяжелая дорога к знаниям, — сказал отец. — Я просил покровительства у Хызрильяса[3] и пира этого мазара. Аллах, слышащий и знающий, да пошлет тебе их помощь.

Отец с двумя ишаками отправился в обратную дорогу, а я пошел дальше один. На двадцать четвертый день дошел я до Бухары и разыскал торговца сладостями Муллу Ибрахима Миръяхью. Он меня ввел в медресе Кукельташ, где я пробыл ровно семь лет. Потом три года я изучал мантык[4] в медресе Чар-Минаре. После я перешел в медресе Улугбека.

Я вернулся в Туракурган 25-летним мужчиной. Матери уже не было в живых. Отец не мог расплатиться с беком за аренду и разорился. Заплатить за указ, чтобы стать имамом, я не смог и остался, как и мой отец, дехканином. В зимние месяцы учил детей.

В год смерти отца мне исполнилось 32 года. У меня росли три сына. Лежа на смертном одре, не в силах принести пользу себе и семье, отец рассказывал поучительные истории моим детям, и тогда я услышал от него еще раз печальную историю Кызмазара, того святого места, где мы расстались с отцом, когда я отправился в Бухару. Так я ее рассказываю теперь.

Когда мой дед был мальчиком, таким, как я в год моего отъезда из Туракургана, Аллах наслал сильную засуху на соседние ханства. Пересохли реки, в арыках не осталось ни капли влаги, пыльные бури заносили посевы, а листья плодовых деревьев от зноя рассыпались в пыль. И еще наслал всевышний на эти края мор и холеру. Люди покидали места, от которых отвернулся Аллах. Но бежать могли только те, кто не был должником бека.

У нас в Ферганской долине тот год тоже был неурожайным, но тогда еще не были осушены многочисленные болота и топи, и здесь даже в засуху земля давала хоть немного риса, пшеницы, так что можно было прокормиться до следующего сезона. И к нам бежали люди, гонимые засухой и голодом. В тот год в Катта-Кураму приехал с се-

---

[1] Гостиная, куда имели доступ только мужчины.
[2] Коврик, на котором мусульмане совершают молитву.
[3] У мусульман этого края — покровитель полей и спутник в трудной дороге.
[4] Логика.



мьей и дехканин Рахимкул. У него была 11-летняя дочь — красавица Хушруйбиби. Те, кому посчастливилось видеть ее, клялись, что не может быть в мире девушки прекраснее Хушруйбиби. Известно, что Аллах награждает женщин либо красотой, либо счастьем. Ангел, ведающий судьбами людей, сидя на седьмом небе, беспрестанно повторяет: красивому — тяжелая доля, некрасивому — счастливая доля. Только на восходе солнца уставший от бессонной ночи ангел начинает путаться и говорит: красивому — счастливая доля, некрасивому — тяжкая доля.

Вскоре после приезда Рахимкула в Катта-Кураму Хушруйбиби была просватана за сына трудолюбивого и состоятельного дехканина. Но, чтобы выдать дочь замуж, надо было получить согласие местного бека, и Рахимкул пошел к беку Туракургана Амлакдору. Бек пожелал лично убедиться в том, что дочь Рахимкула достойна стать женой мусульманина. Но, увидев Хушруйбиби, он сам захотел взять ее в жены и предложил отцу богатый калым.

Рахимкул отказался, он любил свою дочь и не хотел, чтобы ее мужем стал человек, вдвое старше его самого. Бек разгневался, и дехканин, боясь его гнева, решил бежать с дочерью из Катта-Курамы. Глубокой ночью они вышли из кишлака. Однако Амлакдор узнал о побеге и послал за ними погоню.

Верховые настигли беглецов близ кишлака Тюпе-Курган, возле одинокого карагача. Рахимкул пытался закрыть собой дочь, отбивался от верховых палкой. Его оглушили кистенем и стали ловить Хушруйбиби. Не так легко было схватить быструю и легкую девочку, но, конечно, ее поймали. Она кусала им руки, царапа-

лась, отбивалась. Озверевшие слуги Амлакдора не могли стерпеть этого от презренного существа — женщины, они взяли веревку и повесили бедную Хушруйбиби на ветке карагача.

Бек одобрил эту казнь — он решил как следует запугать непослушных и своевольных дехкан и приказал в течение семи дней и семи ночей не снимать тело девочки с дерева.

Когда Хушруйбиби похоронили под одиноким карагачем, бек приказал сровнять могилу с землей. Родителям запрещалось приходить сюда. Путник должен был объехать это место стороной. Но в окрестных кишлаках нашлись добрые люди, которые тайком перевезли тело бедной девочки к родителям, где ее похоронили на кладбище как истинную мусульманку.

А много лет спустя на месте казни Хушруйбиби, которая не захотела выйти замуж за старого бека и за это поплатилась жизнью, возник святой мазар. Это произошло, когда не было на свете уже ни Амлакдора, ни тех людей, которые знали, что под одиноким карагачем никто не похоронен. Сюда стали приходить паломники. У Хушруйбиби просили удачи. И мы с отцом молились у карагача, когда я на много лет ушел из дома, чтобы изучать Коран и святые книги...

Латиф Мирхаким Ходжа закончил рассказ и, уставившись в одну точку, перебирал четки. Воспоминания, видимо, растревожили его, он стал печален.

Вечерело. В лоджии 12-этажного дома, какими застроен жилой массив Чиланзар в Ташкенте, сидел столетний старик, очевидец многих трагических и радостных событий, свидетель истории. Четверых сыновей и пять дочерей вырастил он. Его дети, внуки и правнуки счастливо живут в больших городах.

Немало он знает разных историй, Мирхаким Ходжа. Истории эти тревожат мысли и чувства. Пусть они древние, порой какая-то нить связывает их с чем-то, что живет в наши дни. Первая моя мысль после рассказа о Хушруйбиби была: «Это, конечно, шариатская вседозволенность в отношении к женщине: мужчине можно было все». Но от этой мысли пришлось отказаться: разве только под сенью ислама совершались подобные убийства? Немало их было и на христианском Западе, и не только в средневековье. Вплоть до наших дней на земле гибнут люди от рук фанатиков, и не всегда религиозных. Поэтому свалить всю вину за расправу с дочерью дехканина Рахимкула только на жестокость законов шариата было бы натяжкой. По шариату, кстати, при освящении брака имам должен был спросить и у жениха, и у невесты: с доброго ли их обоюдного согласия заключается союз? Но служители культа слегка изменили, в корыстных, разумеется, целях, этот пункт и стали осведомляться о согласии на брак не у самих молодых, а через посредников. Даже и такое подобие законности могло как-то защитить интересы девочки Хушруйбиби. Но законы приобретали силу только в тех случаях, когда это было нужно и выгодно власть имущим. И конечно, не имели никакой силы, если стоял вопрос о защите интересов народа. На их место приходило самоуправство. Любая же попытка обратиться к закону воспринималась властями как покушение на их права и немедленно подавлялась.

Ислам учил подчиняться власти, учил безграничной покорности и тем поддерживал самоуправство крупных феодалов. Это требование покорности постепенно загоняло вглубь гражданские чувства у мусульман, культивировало равнодушие к мирским делам, порождало философию обреченности. Вот почему в Тураканском бекстве не нашлось защитников Хушруйбиби и ее отца, и никто — ни родственники, ни друзья Рахимкула — не попытался отомстить беку за безжалостную расправу с девочкой за непокорность.

Но почему возле одинокого карагача, где была вначале похоронена Хушруйбиби, возник святой мазар? Обычно они возникали в местах захоронения крупных религиозных деятелей, властелинов, которых объявляли святыми, вокруг языческих святилищ или в освященных легендами местах знаменательных исторических событий. Кызмазар ни с чем подобным связан не был и все-таки он был не менее популярен, чем другие святые места, притягивая много паломников, а точнее — паломниц.

Во все времена, у всех народов девушки мечтали выйти замуж за любимого, чтобы жить в мире и согласии, без вечного страха побоев и ругани. Но кто мог помочь девушке в прошлые века в Средней Азии? Родители? Задавленные нуждой и бесправием, дехкане зачастую считали счастьем выдать дочь пусть за нелюбимого, но состоятельного человека. Обращаться к имаму? Адат категорически запрещал женщинам обращаться к чужому мужчине, даже к мулле. Молиться всесильному Аллаху? Конечно, но молитвы не помогали. Вся надежда была на покровительство пира — и женщины шли к святому месту. Молодые девушки приходили к пустой могиле Хушруйбиби просить, чтобы она помогла соединить их судьбу с любящим и любимым человеком; женщины, с которыми мужья обращались жестоко, тоже часто навещали это место, проси-

ли пира-покровителя избавить их от побоев, смягчить жестокие сердца их мужей.

Так сложилось, что к Кызмазару приходили несчастные, измученные жестокостью жизни женщины. Мусульманка, совершившая паломничество в надежде на избавление от бессердечного обращения мужа, встречала здесь таких же несчастных, как она сама, женщин. Они могли поделиться друг с другом своими невзгодами, даже получить у подруг по несчастью какие-то полезные советы. Целительный бальзам сочувствия, дающий утешение, ожидал их здесь. Девушки пришедшие сюда просить пира, чтобы он помог выйти замуж за любимого, могли рассказать все, что лежало тяжелым камнем на душе, тем женщинам, у которых за плечами были годы семейной жизни. Перед ними можно было не таиться... С родными и близкими не пооткровенничаешь — это может поставить их в неловкое положение, ибо они обязаны отреагировать, чем-то помочь.

Здесь, у одинокого карагача, бывали и беременные женщины, которые приходили узнавать, кем наградит их Аллах: сыном или дочерью. Бесплодные приходили просить потомства. Дервиши, обслуживавшие Кызмазар, по брошенной кости жертвенного животного «точно» определяли, кто родится.

Мусульманкам не разрешалось входить в мечеть, их даже не везде пускали иа кладбище. В каждой махалле были специальные чайханы, где обычно собирались мужчины, но женщины не имели места встреч. Гостиные в доме мусульманина предназначались только для мужчин. А возле одинокого карагача, где настигла смерть юную красавицу Хушруйбиби, женщины могли даже петь грустную песню, а то и потанцевать. Шариат вовсе запрещает пение в общественных местах, а танцы там, где совершается молитва, — неслыханное святотатство. Однако шейхи, наблюдавшие за Кызмазаром, смотрели на это сквозь пальцы. Для мазаров официально разработанных правил не существовало, и их интересовала не строгость и точность выполнения ритуалов, интересовало количество паломников. Они закрывали глаза даже на то, что собравшиеся у Кызмазара женщины совершали языческие обряды. Да и трудно было утвердить за этим мазаром религиозную святость. Девочка Хушруйбиби не совершала хаджжа, не изнуряла себя постами. Она погибла, восстав против насилия и пытаясь защитить свою свободу. Почти два столетия совершали женщины паломничество к одинокому карагачу.

Теперь к Кызмазару паломники не ходят. Последний самозванный шейх Махсум Кары Назаров, забрав с собой нереализованные обереги, «восстанавливающие» утраченную любовь, амулеты от бесплодия и накопленные за долгие годы барыши, бесследно исчез. На бывшем месте паломничества женщин окрестные колхозы, сложившись, построили пионерский лагерь. Одинокий карагач — свидетель бунта и гибели Хушруйбиби достиг такой толщины, что его ствол могут обхватить, взявшись за руки, не менее чем семеро ребят. Возле дерева пионеры разбили цветник. Вода, пришедшая сюда из Ферганского канала, щедро орошает сад, посаженный школьниками. Дети знают историю этой девочки и с уважением относятся к ее памяти: ведь она из тех, кто не хотел покориться, кто превыше всего ценил свое человеческое достоинство.

Этимологические заметки

✦ ОРФЕЙ ✦

Так называли одного из древнегреческих богов, сына Аполлона, мифического создателя музыки и поэзии. А. Вальде видит связь с латинским «орбис» — «круг» (сравните с «орбус»—«наследник», «потомок», с древнеиндийским «арбах» — «ребенок» и русским «ребенок» и «работа», с немецким «арбайт»).

✦ ОСАННА ✦

В русском переводе библейской легенды рассказывается о том, что во время въезда Христа в Иерусалим народ кричал: «Осанна!» Древнегреческое «хосанна» восходит к древнееврейскому «хошана» — «помогите же».

✦ ОСИРИС ✦

Осирис (также Озирис) — имя древнеегипетского божества, главы божественной троицы, куда входили еще его жена (и сестра) Изида (Изис) и их сын Гор (Хорос). Этимология имени Озириса неясна. По Х. Бонне — это греческая форма коптского «Усире». Плутарх переводит это слово так: «вместо глаз» или «радость для глаз», из «ос» — «много» и «ире» — «глаза», а по-гречески — «полюсфталлюс» — «многоглазие». «Изис» означает «трон», «местопребывание солнца», а «Гор» из «Хариезис» — «сын Изиды».

✦ ОТЛУЧЕНИЕ ✦

Исключение из церкви и религиозной общины. Восходит к древнерусскому «лучити» — «отделять», «разделять». В родстве «лук» (оружие), «излучина», «лукавый».

✦ ОТШЕЛЬНИК ✦

Первоначально так назывался монах, ушедший от общения с людьми и внешним миром, аскет. Основа — «шел», корень — «шъд», из «хъд» — «ход».

✦ ПАВЕЛ ✦

Имя апостола Павла восходит к латинскому «паулус» — «малый», «незначительный». Оно в родстве с «паукус» — «мало», «паупер» — «маленький», греческим «пауо» — «прекращаю». Отсюда — «пауза» — «перерыв», «паула», также «паузолэ» — «отдых» и имена Паула, Паулина — Павлина, «паис» — «ребенок» (отсюда «педагогика», «педиатрия»).

СТРАНИЧКИ ЮНЫХ

ВНУШИТЬ ЖИЗНЬ!

В. КОМАРОВ

Продолжаем публикацию отрывков из новой книги В. Н. Комарова «Рядом с неведомым». Начало см. в № 1.

У ИЗВЕСТНОЙ английской писательницы Агаты Кристи, автора многочисленных детективных романов, есть любопытный рассказ, содержание которого не совсем обычно для ее творчества. Рассказ этот называется «Домик в сельской местности», и в сокращенном изложении его содержание таково.

Жила девушка по имени Элис, и был у нее жених, которого звали Дик. Молодые люди собирались пожениться, но тут неожиданно скончался дальний родственник Элис и оставил ей богатое наследство. Тогда самолюбивый Дик перестал с ней встречаться — он не хотел, чтобы люди потом говорили, будто он женился на Элис из-за ее денег.

В ответ на это Элис, оскорбленная в своих лучших чувствах, познакомилась с неким Мартином и через неделю вышла за него замуж.

Однако через некоторое время Элис стали одолевать сомнения — она совершенно не знала Мартина, не знала его прошлого, и многое в поведении мужа казалось ей странным и даже подозрительным.

Как-то утром, это было в среду 18 июня, Элис, проводив мужа, вышла в сад и увидела садовника, который обычно приходил по понедельникам. Этот неурочный визит несколько удивил Элис, и она осведомилась, в чем дело?

На это садовник отвечал, что пришел узнать, что ему делать на будущей неделе. По его словам, он встретил Мартина и тот сообщил ему, что сегодня вечером он вместе с женой надолго уезжает.

Элис ощутила смутную тревогу. В задумчивости она прогуливалась по саду и вдруг возле одной из клумб увидела маленькую записную книжку. Она узнала ее — это была записная книжка Мартина.

Элис перелистала странички. В глаза ей бросилась последняя запись: «Элис. Среда, 18 июня. 9 часов вечера»...

Тревога молодой женщины возросла: что собирается сделать с нею Мартин сегодня в 9 часов вечера? Охваченная подозрениями, Элис проникла в кабинет Мартина и вскрыла ящик его письменного стола. Там она обнаружила вырезки из газет о проходившем несколько лет назад судебном процессе над человеком, который обвинялся в том, что каждая его очередная жена бесследно исчезала. Подсудимый был приговорен к тюремному заключению, но через три года бежал. На одной из вырезок была фотография обвиняемого. С газетной страницы на Элис смотрело лицо ее мужа...

Молодую женщину охватил ужас. Она в руках убийцы... Бежать! И как можно скорее. Бежать под защиту Дика...

Но убежать она не успела. Вернулся муж. С трудом сдерживая волнение, Элис принесла ему кофе.

— Сейчас мы спустимся в подвал, — сказал Мартин жене, — и ты поможешь мне проявить фотографии.

И Элис поняла — в подвале Мартин собирается ее убить. Ужас овладел ею... Между тем Мартин выпил свой кофе и стал торопить жену.

— Пора идти!

И вдруг Элис, как это бывает с волевыми натурами в критических ситуациях, овладело полное спокойствие.

— Подожди,— сказала она, — я должна тебе сообщить нечто очень важное.

Мартин выжидательно посмотрел на нее...

— Мы живем вместе уже довольно долго, а ведь ты обо мне ничего не знаешь. А, между прочим, я уже дважды была замужем...

Заметив явный интерес, мелькнувший в глазах Марти-



Рисунок Р. Авотина

на, Элис продолжала уже значительно спокойнее.

— Так вот, своего первого мужа я отравила, подсыпав ему яд в кофе. Он застраховал свою жизнь в мою пользу...

Мартин с удивлением смотрел на нее.

— Своего второго мужа я убила тем же способом, — продолжала вдохновенно фантазировать Элис, — подмешала яд в кофе...

Мартин побледнел, и его испуганный взгляд остановился на пустом стакане. Элис перехватила этот взгляд.

— Да, да, — жестко произнесла она и продолжала тоном, не допускающим никаких сомнений: — Да, я сейчас отравила и тебя. Ты выпил кофе, а в стакане был яд.

Мартин белый, как полотно, упал в кресло.

— Боже мой, — прошептал он,— так вот почему у кофе был такой вкус! Ты отравила меня, подлая!

— Да, я отравила тебя, — еще раз подтвердила Элис. — Яд уже действует. И через пять минут ты умрешь...

Через пять минут Мартин и самом деле умер. Хотя в стакане не было ничего, кроме кофе.

На первый взгляд, происшествие, описанное Агатой Кристи, кажется невероятным. Разве можно убить человека таким фантастическим способом?

Невольно может возникнуть мысль о сверхъестественной каре, «наказании свыше».

Разумеется, рассказ, о котором идет речь, всего лишь литературное произведение, и его нельзя рассматривать в качестве достаточно убедительного свидетельства. Хотя есть сведения, что в основу своего произведения писательница положила действительное происшествие, случившееся в Англии в прошлом веке.

Мало того, как рассказывают путешественники, знахари южноамериканских индейцев и некоторых африканских племен издавна пользуются любопытным приемом.

Если кто-то из местных жителей совершил преступление, они собирают всю деревню на площади и подвергают всех присутствующих своеобразному испытанию — заставляют выпить на глазах у всех специально приготовленное ядовитое снадобье, которое должно изобличить виновного...

Большинство выпивших остаются в добром здравии, но некоторые умирают, и знахари объявляют их преступниками. Самое удивительное заключается в том, что это чаще всего в самом деле оказываются именно те, кто совершил преступление.

Скорее всего питье, которое знахари дают подозреваемым, вообще не ядовито. Во всяком случае, обычно они и сами пьют его вместе с обвиняемыми. Значит, преступника убивает не яд, а сознание своей вины и вера в неотвратимость наказания со стороны сверхъестественных сил.

Если тот, кто подвергается внушению, не сомневается в неотвратимости возмездия, пишет советский врач-психиатр В. Леви, и воспринимает все с абсолютной внутренней достоверностью, то может наступить и смерть, хотя никаких других причин, которые могли бы ее вызвать, не существует. Мозг, заключает Леви, способен превратить свои иллюзии в реальность.

Нередко можно услышать рассказы о так называемых религиозных исцелениях, когда тяжелобольному человеку будто бы помогла избавиться от того или иного недуга вера в бога, молитва, религиозный обряд.

Характерный случай исцеления, связанного с религиозным обрядом, произошел, например, в начале нынешнего столетия в Петербурге. Один юноша на протяжении многих лет был парализован и прикован к постели. Лечивший его врач признал больного неизлечимым.

Родители этого юноши были глубоко религиозными людьми и своего сына тоже воспитали в религиозном духе. Будучи совершенно беспомощным, не имея возможности передвигаться, лишенный игр и забав со сверстниками, мальчик целиком ушел в религию и жил во власти религиозных представлений и обрядов.

Однажды он увидел сон: будто к нему явилась богородица и велела ему поклониться своему изображению на иконе, находившейся в одной из загородных церквей. Эта икона пользовалась широкой известностью среди верующих благодаря тому, что в 1888 году в часовню ударила молния, разрушила все внутри, за исключением именно этой иконы. К тому же, молния выбросила из церковной кружки медные монеты и приплавила их вокруг изображения божьей матери. Этого было достаточно, чтобы создать иконе славу чудотворной и привлечь на молебны множество людей.

Сон произвел на больного юношу сильное впечатление, он стал настойчиво просить, чтобы его отвезли к «чудотворной» иконе. Набожные родители поспешили исполнить желание больного. И «чудо» совершилось — во время молебна парализованный юноша встал на ноги и стал ходить...

Что же, в самом деле произошло чудо?

Разумеется, нет. Болезнь, которой страдал юноша, была чисто нервного свойства. А нервная система — могучий управитель и регулятор всех процессов, протекающих в человеческом организме.

Как считают современные врачи, в организме человека нет ничего, что не зависело бы так или иначе от психики.

Горячее желание выздороветь, безграничная вера в возможность исцеления, надежда — все это оказывает воздействие на психику человека, а через нее и на больной организм.

Таким образом, в так называемых чудесных исцелениях, связанных с теми или иными религиозными обрядами и действиями, на самом деле нет ничего чудесного. Все подобные исцеления — результат вполне естественных закономерностей.

У известного советского писателя И. Ефремова есть роман «Лезвие бритвы». В нем описан любопытный случай. Бывший летчик заболел неизлечимой болезнью. Диагноз врачей прозвучал как смертный приговор — рак. Да еще в довольно запущенной стадии. Словом, медицина бессильна. И тогда один из главных героев романа — врач-психиатр решается на смелый эксперимент: попытаться вступить в борьбу с раком с помощью внушения. Летчик, человек необыкновенно мужественный и волевой, с огромной жаждой жизни, горячо и активно верит в успех необычного лечения, верит в неограниченные возможности человеческой психики, в способность человека путем высокого напряжения всех сил души справиться с любым недугом.

И зловещая болезнь отступает. Проходит какое-то время, и врачи к величайшему своему удивлению обнаруживают, что раковая опухоль бесследно рассосалась...

Правда, автор романа оставляет возможность для различных толкований. А вдруг первоначальный диагноз был поставлен неправильно... В конце концов, не в этом дело — роман есть роман. Но хорошо известно, что и в реальной жизни активное стремление больного выздороветь, воля к жизни, оптимизм не раз возвращали к жизни людей, на выздоровление которых не надеялся уже никто.

И вообще, здоровье любого человека во многом зависит от его психологического состояния. Есть люди в высшей степени мнительные, которым всегда кажется, что они больны, которые постоянно прислушиваются к себе: любой самый незначительный симптом принимают за наличие серьезного недуга.

И самое удивительное состоит в том, что эти люди постоянно хворают, даже в том случае, если общее состояние их организма вполне удовлетворительное. Иными словами — они сами внушают себе болезнь...

Никто, разумеется, не призывает бросаться в крайности. Если заболел — надо обращаться к врачу, болезнь нельзя запускать. Речь идет о другом. Человек должен всеми силами стараться поддерживать в себе ощущение здоровья. Не случайно индийские йоги, просыпаясь по утрам, первым делом многократно повторяют себе: «я здоров», «я здоров», «я здоров», «я здоров»... И представьте, помогает. И ничего сверхъестественного здесь нет!

Кстати, в последнее время методы самовнушения, или, как их иногда называют, психологического аутотренинга, стали приобретать большую популярность. К ним прибегают спортсмены, чтобы поддержать боевую форму перед ответственными соревнованиями, космонавты — при подготовке к космическим полетам, учат этому искусству своих пациентов и врачи...

Этимологические заметки

✦ ПАГОДА ✦

Это название буддистского храма проникло во многие языки Европы из португальского, воспринявшего его то ли из малайского языка, где оно обозначает «храм», то ли из персидского или санскритского, где «бхагават» — «божественный», «святой».

✦ ПАЛЕСТИНА ✦

У названия этой древней страны, восходящего к древнегреческому «Палаистинэ», есть, вероятно, связь с названием библейского народа «филистимляне» (отсюда «филистер» — «мещанин»).

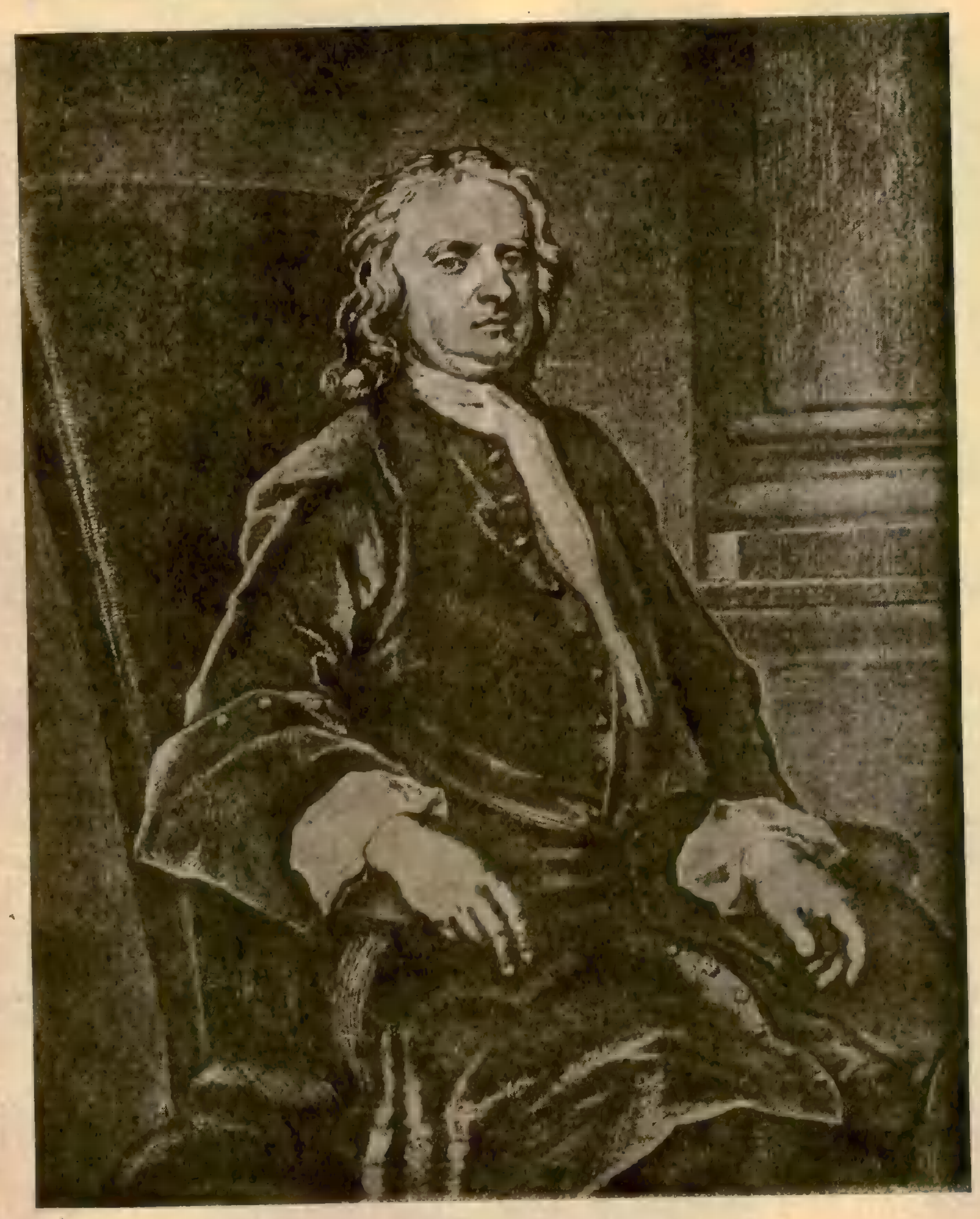
Спорно: восходит ли «Палестина» к древнееврейскому «пэлиштим», как называли филистимлян, или к древнегреческому «палайос» — «древний», откуда идут многие научные термины, например «палеонтология», «палеография». А может, здесь и один корень.

✦ ПАЛЛАДА ✦

Имя древнегреческой богини Афины часто соединяют с прозвищем Паллада. Произошло это слово от среднелатинского «палатинус» — «придворный». Родственные слова: «палладин» — «верный рыцарь», «палата», итальянское «палаццо» и французское «палэ» — «дворец», название немецкой земли Пфальц.

✦ ПАЛОМНИК ✦

Это слово впервые появилось в древнерусской рукописи «Книга Паломникъ (Сказание мест святых во Цареграде, 1200 год) Антония Новгородского». Восходит оно к латинскому «палма» — «пальма». Первоначально «паломниками» называли богомольцев, приносивших пальмовую ветвь из «святых мест». Латинские «палма», также «палмус» означают: «ладонь», «кисть руки», «рука», «пальмовое дерево», «финик», «награда за победу», «слава», «отросток дерева». Это многозначное слово римляне заимствовали у древних греков, в языке которых «паламэ» — «ладонь» (сравните древнеиндийское «пэрэна», от «паних» — «рука»). Вероятно, в родстве русское «палец» и немецкое «фюлен» — «чувствовать», «ощущать» (пальцами), болгарское «палам» — «ищу», персидское «палидан» — «искать».



ВЕЛИЧИЕ ИСААКА НЬЮТОНА

М. СКИБИЦКИЙ,
кандидат философских наук

ЕСТЬ В ИСТОРИИ науки имена и творения, которые не только составили эпоху в развитии знания и техники, но и сохранили на века свое непреходящее значение. К ним по праву принадлежит имя Исаака Ньютона — величайшего английского физика, математика, астронома. Его гений раскрыл многие тайны природы, осветил человечеству новые горизонты мироздания.

В бессмертном труде «Математические начала натуральной философии», увидевшем свет в 1687 году, Ньютон сформулировал три закона движения, составивших основу классической механики и физики, изложил свою теорию всемирного тяготения, связавшую в единую семью бег небесных светил — Солнца, планет, комет. Ньютон создал новую, механическую систему мира. В этом его великий научный подвиг.

Огромен его вклад и в оптику, математику: он выдвинул гипотезу о свете как потоке особых частиц, открыл в разнообразной гамме цветов простые, монохроматические лучи, создал, наряду с Лейбницем, метод дифференциального и интегрального исчисления.

Открытия Ньютона выдержали самую суровую проверку. Проверку временем, практикой. Прогресс естествознания, его революционные преобразования создали новые, более общие и совершенные концепции, включившие в себя законы Ньютона, которые являются такой же первоосновой практической деятельности людей, как геометрия Евклида и гидростатика Архимеда.

Открытия Ньютона имели огромное мировоззренческое, научно-атеистическое значение. Он продолжил и завершил дело, начатое Коперником и Галилеем. Недаром на вопрос о том, как ему удалось сделать столь значительные открытия, Ньютон ответил: «Я стоял на плечах гигантов».

Картина мира, созданная великим английским ученым, наносила сокрушительный удар по религиозной схеме мироздания. Ведь на протяжении столетий христианская церковь противопоставляла небеса бренной земле, учила, что небо подчинено лишь божественной воле, а в движении планет участвуют ангелы, которые их подталкивают. В начертанной гением Ньютона картине мира движение небесных светил подчинилось естественным законам, имеющим точное математическое выражение и не требующим какого-либо вмешательства божественных сил. Эти законы человек мог не только познать, но и с успехом использовать в своей деятельности.

И конечно, далеко не случайно на Ньютона нападали некоторые церковники, которые считали, что он божие провидение заменил силой притяжения и тем самым лишил бога прямого воздействия на собственное творение. Главным его критиком был епископ Джордж Беркли [1]. Он возмущался тем, что у Ньютона движение, пространство и время существуют независимо от бога, а материя, обладая свойствами отталкивания и притяжения, выступает как активная сила.

Не миновал Ньютон критики и со стороны философов-идеалистов. Крупнейший из них, Г. Лейбниц, живший примерно в одно время с гениальным английским физиком, писал принцессе Уэльсской: «Ньютон и его приверженцы имеют чрезвычайно забавное представление о творении божьем. По их мнению, всемогущий бог должен от времени до времени заводить свои часы, иначе они перестанут ходить. Бог, по-видимому, не обладал достаточной сообразительностью, чтобы сообщить им вечное движение. К тому же эта божья машина, по их мнению, так несовершенна, что бог вынужден ее от поры до времени подмазывать, прибегая для этого к чрезвычайному вмешательству (в дела мира сего), и даже исправлять ее, как часовщик исправляет часы, — он, следовательно, должен считаться тем худшим мастером, чем чаще он вынужден исправлять свою работу и приводить ее в порядок» [2].

Нападки теологов и философов-идеалистов на картину мира, начертанную Ньютоном, не были случайностью. По существу своих философских взглядов он стоял на позициях стихийного материализма, признавал объективное существование материи и ее форм, объективность закономерностей природы, возможность их познания людьми. Идеи Ньютона о притяжении и отталкивании как внутренне присущих материи важнейших свойствах оказали большое влияние на развитие материалистической мысли, особенно на формирование идеи самодвижения материи.

Но материалистические воззрения Ньютона были механистическими. Он жил в эпоху расцвета ме-

И. Ньютон. Портрет работы художника Дж. Вандербанка. XVIII в.

[1] См.: Л. Л. Потков. О месте бога в естественнонаучных трудах Ньютона. «Науки о неорганической природе и религия». М., 1973, стр. 173—177.
[2] Цит. по кн.: Г. А. Гурев. Великий конфликт. М., 1965, стр. 172—173.

ханики, когда все явления в мире пытались объяснить с помощью механических законов, действий извне. И Ньютон, открывший законы небесной механики, движения и взаимодействия планет Солнечной системы, уподобил эту последнюю огромному механизму.

Однако на основе только законов механики нельзя было дать ответа на многие вопросы мироздания. Ответить, например, на такой вопрос: кто же и когда завел, пустил этот огромный механизм Солнечной системы? И вот в роли часовщика, давшего ход небесному механизму, у Ньютона выступает бог.

Ограниченность взглядов великого английского мыслителя отражала представления, господствовавшие в его время среди естествоиспытателей: мир неизменен, планеты вечно движутся в раз и навсегда установленном порядке. А причиной, которая положила начало этому движению, считали божественный первотолчок. В то время в естествознании еще не сформировалась идея, что мир не имел «начала», что все в нем пребывает в непрестанном развитии, изменении. Лишь к концу XVIII — началу XIX века, когда наука накопила необходимый материал, появились первые гипотезы, стремившиеся объяснить происхождение нашей Солнечной системы естественным развитием материи и исключавшие какое-либо божественное вмешательство в этот процесс.

Крупнейший французский математик и астроном Пьер Лаплас, живший во второй половине XVIII — начале XIX столетия, пришел к заключению, что движение планет и их спутников может быть объяснено без всякого божественного первотолчка. Лаплас создал такую научную гипотезу. Первичное Солнце имело быстро вращающуюся атмосферу, которая простиралась за пределы нынешней планетной системы. В результате вращения от атмосферы отделились кольца, превратившиеся в отдельные сгустки. Сгустки приняли определенную форму и превратились в планеты.

Современники Лапласа сообщали, что первое издание книги «Система мира», где упоминалось его научное предположение, он подарил Наполеону, который был в то время первым консулом Республики. Прочитав книгу, Наполеон сказал автору: «Ньютон говорил о боге в своей книге. Я же просмотрел вашу, но не встретил ни разу имени бога». На это Лаплас ответил: «Гражданин первый консул, я не нуждался в этой гипотезе».

Это высказывание великого астронома стало крылатым, облетело весь мир. Развитие науки сделало излишней гипотезу о существовании бога.

В процессе развития естествознания, углубления знаний о Вселенной создавались новые гипотезы о возникновении Солнечной системы. Но как бы они ни отличались друг от друга, все они исходили из идей о естественном развитии природы и исключали какое бы то ни было божественное вмешательство в ее законы.

Однажды выдающийся французский математик Лагранж сказал о Ньютоне: «Он самый счастливый: систему мира можно установить лишь один раз!» Развитие науки показало, что дело обстоит не совсем так. Хотя создаваемая естествознанием картина мира имеет огромное мировоззренческое значение, она не создается раз и навсегда. Картина мира дает обобщенное представление о Вселенной, синтезирующее значение данного этапа развития науки. Элементами картины мира являются представления о видах материи и движения, способе их связи, характеристики пространства, времени, универсальных законов, действующих во Вселенной. Все эти представления связываются воедино общими теоретико-методологическими принципами.

Накопление естествознанием новых фундаментальных данных ведет к появлению новой картины мира, которая включает в себя положительные завоевания прежней. История естествознания знает три картины мира: механическую, электродинамическую и квантово-релятивистскую. Первая, как мы уже видели, связана с именем Ньютона. Ей присуще представление о материи в виде частиц, перемещающихся в пустоте, об оторванности пространства и времени от материи и друг от друга.

Электродинамическая картина мира оформилась во второй половине XIX века и связана в значительной мере с открытием Максвеллом законов электродинамики. Электродинамическая картина мира была обогащена представлением об электромагнитном поле как форме существования материи, о перемещениях заряженных частиц в поле, о распространении электромагнитных волн и т. п.

Квантово-релятивистская картина мира начала складываться в первой четверти XX века. В ее основу легли теория относительности, квантовая механика, ядерная физика и другие науки, возникшие в ходе начавшейся в физике революции. Новая картина мира обогатилась представлениями о многообразии видов материи, имеющих одновременно и корпускулярные свойства, и свойства поля, о связи пространства и времени с материальными процессами и т. д.

Большую роль в формировании этой картины мира сыграла созданная великим преобразователем естествознания Альбертом Эйнштейном теория относительности. Она раскрыла глубокую внутреннюю взаимосвязь форм бытия материи — движения, времени, пространства, показала, что отдельные физические величины (длина тела, скорость, ход времени) относительны, а фундаментальные законы природы абсолютны, одинаковы во всех движущихся системах.

Созданная естествознанием новая картина мира преодолела непоследовательность картины мира Ньютона. Ведь его учение об абсолютно пустом пространстве, в котором по законам механики движутся материальные тела, вело к представлению о боге как первоисточнике движения. В. И. Ленин отмечал в «Философских тетрадях»: «...Время вне временных вещей=бог» [3]. Теория Эйнштейна уничтожила представление о времени и пространстве как обособленных от материи сущностях.

Ф. Энгельс писал, что Ньютон оставил богу еще «первый толчок», но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему» [4].

Новая же картина мира, обобщившая данные современных естественных наук, сделала всевышнего окончательно бездомным и безработным.

Однако религиозные наслоения во взглядах Ньютона на мир нельзя объяснить только ограниченностью науки XVII века. Ведь его мировоззрение формировалось не только естествознанием, но и тогдашним английским обществом, в котором религия

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 50.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 515.

занимала господствующие идейные позиции и вера в бога считалась первым признаком политической благонадежности. Кстати сказать, в этом обществе Ньютон занял весьма высокое социальное положение. Он был назначен в 1696 году хранителем, а в 1699 году директором королевского монетного двора. С 1703 года Ньютон — президент Королевского общества (британской Академии наук). Королева Анна даровала всемирно признанному ученому дворянство, и он стал именоваться «сэром» Исааком.

Следует отметить и то, что ученый вырос в семье с очень сильными религиозными традициями. Его отчим Варнава Смит и дядя Эйскоу, имевшие большое влияние на него в детстве, были священниками. Священником был и учитель Ньютона Исаак Барроу, профессор колледжа Троицы, где обучался в 1661—1669 годах будущий первооткрыватель закона всемирного тяготения. Многие ученики и друзья Ньютона, кроме науки, занимались богословием. Так что, как отмечает С. И. Вавилов, занятие богословием перешло к Ньютону по наследству и традиции [5].

Среди богословских изысканий великого мыслителя наиболее известно сочинение «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна», изданное через шесть лет после смерти автора. Для их правильной оценки надо учесть два момента. Во-первых, религиозные упражнения Ньютона были связаны с определенными политическими устремлениями: борьбой с католицизмом. Отсюда его желание доказать с помощью библейских пророчеств неизбежность гибели папства, отсюда отрицание им монашества, аскетизма, оценка культа святых как идолопоклонства, недоверие к повествованиям о чудесах, имевших будто бы место при гонениях на первых христиан, и т. д. [6].

Во-вторых, и за это его неоднократно упрекали богословы, Ньютон стремился излагать пророчества наподобие математических доказательств. Его могучий математический метод врывался в смутные и туманные библейские повествования. Ньютон к тому же пытался перетолковать символический язык пророков, суть которого состояла, по его мнению, в уподоблении мира внешней природы миру отношений государств и властей. Так, он считал, что «гром» в высказываниях пророков обозначает голос толпы, «бури и движения облаков» — войну, «небо» — престолы и власти, «земля» — подвластный народ и т. п. Такой подход к Библии тоже был не по вкусу церковникам.

Справедливую оценку богословским изысканиям Ньютона дал выдающийся французский философ Поль Гольбах. «...Великий Ньютон, — писал он, — становится просто ребенком, когда, покинув физику и очевидные факты, углубляется в фантастический мир теологии» [7].

Богословы любят говорить о благотворном влиянии религии на научное творчество Ньютона. Но такие утверждения безосновательны. Ведь религиозные идеи бренности всего земного, суетности земной жизни, беспомощности человека перед всемогущим бога могут породить только пренебрежение к мощи и совершенству разума. Научная работа теряет для ученого значение, когда у него возникает сомнение в ценности и реальности мира, в познаваемости его законов.

Выдающийся русский естествоиспытатель В. И. Вернадский писал, что в истории науки «нередко наблюдается такое сомнение под влиянием глубоких религиозных или философских переживаний, связанных с отрицанием ценности или реальности мира. Особенно религиозное самоуглубление — в таком аспекте — вызвало прекращение этой работы» [8]. К счастью для человечества, Ньютон избежал такого самоуглубления. Это спасло его от трагедии, которая погубила гений Блеза Паскаля.

Великий английский физик свои отношения с религией регламентировал в духе теории двойственной истины, основы которой заложил в XII веке выдающийся арабский мыслитель Ибн Рушд и которая долгое время служила средством отстаивания естествознанием своих собственных, независимых от религии истин, права на свою собственную сферу деятельности. Ньютон борется «за автономию науки в методе изучения и доказательства и ее приоритет перед религией, никогда не называет религию в качестве источника тех или иных естественнонаучных положений, не говорит, что наука зависит от религии в своем знании об истине» [9].

Когда однажды к Ньютону — президенту Королевского общества — обратилось «Общество развития христианского знания» с просьбой о предоставлении помещений, он ответил: «Основное правило нашего Общества — не вмешиваться в религию; поэтому ясно, что мы не можем давать повод религиозным обществам вмешиваться в наши дела» [10]. Так отстаивал Ньютон автономию науки.

Современные фидеисты пытаются истолковать великое научное наследие Ньютона в религиозном духе, доказать на его примере гармонию науки и религии. Их попытки тщетны, они не имеют под собой реальных оснований. Научные взгляды и религиозные представления у Ньютона не образовывали подлинного согласия, единства. И не религиозные взгляды составили его славу и величие. Ныне уже школьник знает имя Ньютона и открытые его гением законы природы. А его истолкование библейских пророчеств ни для кого не представляет интереса.

«С богом никто не обращается хуже, — писал Ф. Энгельс, — чем верующие в него естествоиспытатели... Чего только не пришлось вытерпеть богу от своих защитников! В истории современного естествознания защитники бога обращаются с ним так, как обращались с Фридрихом-Вильгельмом III во время йенской кампании его генералы и чиновники. Одна армейская часть за другой складывает оружие, одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца» [11].

Величие и бессмертие Исаака Ньютона состоит в том гигантском шаге, который сделало человечество с помощью его научного творчества на пути победного шествия разума, на пути познания мира.

---

[5] См.: С. И. Вавилов. Исаак Ньютон. М., 1961, стр. 179.

[6] См.: Сэр Исаак Ньютон. Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. Пг., 1915, стр. V.

[7] «Да скроется тьма! Французские материалисты XVIII в. об атеизме, религии, церкви». М., 1976, стр. 84—85.

[8] Цит. по кн.: И. И. Мочалов. В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М., 1970, стр. 98.

[9] Л. Л. Потков. О месте бога в естественнонаучных трудах Ньютона, стр. 183.

[10] Цит. по кн.: С. И. Вавилов. Исаак Ньютон, стр. 183.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 514—515.

ЖУРНАЛУ „ЧЕЛОВЕК И МИРОВОЗЗРЕНИЕ“ 15 ЛЕТ

В МАРТЕ 1962 года редакция еженедельника «Аргументы», органа тогдашнего Общества атеистов и свободомыслящих (впоследствии объединившегося с Обществом светской школы в Общество распространения светской культуры), выпустила первый сборник статей, положивший начало новому мировоззренческому периодическому изданию — «Зешыты «Аргументув» («Тетради «Аргументов»). Выходивший вначале раз в два месяца, этот журнал в 1968 году был переименован в «Чловек и святопогльонд» («Человек и мировоззрение») и стал ежемесячным толстым (обычно более двухсот страниц) журналом.

Его содержание охватывает широкий круг проблем. Среди них: разработка проблематики диалектического и исторического материализма, комплекса наук о человеке, марксистской этики; критика различных направлений современной буржуазной философии, мировоззренческие аспекты гуманитарных и естественных наук, критический анализ религиозного мировоззрения и церковных доктрин, освещение положения религии и церкви в Польше, в других социалистических странах, в капиталистических государствах и в «третьем мире»; деятельность Общества распространения светской культуры (ОРСК) и других общественных организаций, причастных к формированию материалистического мировоззрения в Народной Польше, и т. д.

На страницах журнала постоянно выступают ученые и публицисты из Советского Союза и других социалистических стран, зарубежные марксисты.

Многолетнее творческое сотрудничество связывает «Чловек и святопогльонд» с «Наукой и религией». Коллеги из братского польского журнала много раз бывали у нас в гостях, выступали на наших страницах, а сотрудники «Науки и религии» по их приглашению выезжали в Польшу, публиковали статьи в журнале «Чловек и святопогльонд».

Поздравляя польских коллег с 15-летием их журнала, мы предлагаем нашим читателям сокращенные переводы некоторых его материалов.

Все 15 лет существования журнала «Чловек и святопогльонд» его главным редактором является видный философ, автор многих книг Тадеуш Ярошевский. Сейчас он директор Института философии и социологии Польской академии наук, член Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, председатель Общества распространения светской культуры, но по-прежнему уделяет журналу много времени и сил, часто выступает на его страницах. Публикуем сокращенный перевод его статьи из № 1 за 1976 год.



Тадеуш ЯРОШЕВСКИЙ,
доктор философии, профессор

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ VII СЪЕЗДА ПОРП

ЗАНЯТЫЕ повседневными служебными и домашними делами и заботами, мы не всегда замечаем качественные перемены, происходящие в нашей стране. А перемены эти имеют огромное значение для всей нашей жизни — как материально-экономической ее сферы, так и сферы духовной.

Уже к концу шестидесятых годов численность городского населения превысила численность сельского, а доля населения, занятого в несельскохозяйственных сферах, превысила 70 процентов. В свою очередь в городах более 40 процентов трудящихся — квалифицированные работники (имеющие высшее, среднее или профессиональное образование). Большинство промышленных рабочих — это современный индустриальный рабочий класс, не вчерашние крестьяне, а рабочие самое меньшее во втором поколении, родившиеся, воспитанные, выработавшие свою жизненную позицию уже в условиях города.

Обобщая эти и другие качественные перемены, можно сделать вывод, что Польша из группы стран аграрно-индустриальных перешла в группу индустриально-аграрных и перед ней открыты перспективы выхода в число ведущих экономически высоко-

развитых стран. В этом мы видим несомненную заслугу пришедшего в 1970 году нового руководства Польской объединенной рабочей партии, сформулировавшего новую стратегию ускоренного, динамичного социально-экономического развития страны.

Вот главные принципы этой стратегии:

Переход от экстенсивного к интенсивному хозяйственному развитию — не за счет строительства новых предприятий и привлечения рабочей силы, а прежде всего за счет повышения производительности труда в результате технической модернизации, совершенствования организации труда и его оплаты.

Гармоническое сочетание роста экономики с социальным прогрессом — механизацией и облегчением труда, ростом ассигнований на его охрану и гигиену, заботой о работающих женщинах, развитием здравоохранения, пенсионной системы и т. д.

Новый подход к проблеме потребления — политика динамичного подъема народного благосостояния как за счет повышения реальных доходов работников, так и фондов общественного потребления.

Совершенствование управления, сочетание централизованного планирования с развитием местной инициативы и возможностей.

Эта новая стратегия встретила всенародную поддержку и одобрение и за пятилетку 1971—1975 годов наглядно доказала свою жизненность. Если в 1965—1970 годах объем промышленного производства возрос на 49,7 процента, то в 1971—1975 годах — на 72 процента; среднегодовой темп роста характеризуют соответственно цифры: 7,8 и 11,1 процента, среднегодовое повышение национального дохода — 6 и 9,9 процента, а рост реальных доходов населения увеличился с 10,9 процента в 1965—1970 годах до 40 процентов в 1971—1975 годах.

Перспективы дальнейшего развития страны были главным предметом обсуждения на VII съезде ПОРП. Суть этих перспектив четко выражена в трех главных лозунгах партийного съезда:

«За более высокое качество труда и условий жизни народа».

«Польша вступила на путь построения развитого социалистического общества».

«Строим социализм для людей их собственными руками».

Решения съезда конкретизируют задачи, сформулированные в этих лозунгах, указывают пути их реализации.

Что же означает для Польши перспектива построения развитого социалистического общества, какие социальные проблемы здесь возникают, какие перемены происходят в духовной жизни общества?

Развитие производительных сил, соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистических общественных отношений неизбежно ведут и к социальному прогрессу, к благотворным изменениям в условиях и характере труда, к его гуманизации, к формированию работника нового типа, к совершенствованию отношений между людьми как во всем обществе, так и в каждом производственном коллективе.

Строительство в Польше развитого социалистического общества сопровождается существенными изменениями в производственных отношениях и социальной структуре. Сокращается разница уровней и условий жизни в городе и на селе, а говоря шире — разница между классами и социальными группами польского общества. А это означает более полную реализацию принципов социальной справедливости, общественного равенства.

Прогрессивные изменения в производительных силах и производственных отношениях сказываются и в сфере политических отношений, в формах функционирования социалистической демократии, способе жизни, характере общественного и индивидуального потребления, в приобщении людей к культуре, в отношениях между людьми, и формировании иерархии духовных ценностей, моральных норм, и мировоззренческих ориентациях наших земляков.

В ходе строительства развитого социалистического общества выковывается новый человек, обладающий качествами, присущими строителю нового общества. Это человек со всесторонними, развитыми потребностями, человек современной культуры, обладающий новой иерархией ценностей, ориентированной не только на материальные блага, но и на блага высшего порядка: ценности духовные, нравственные, интеллектуальные.

Социализм означает революционные изменения в положении человека в обществе, создает возможность творческим трудом, участием в политической жизни активно, сознательно влиять на ход общественных дел, осознавать свой вклад в развитие страны. Социализм придает человеческой жизни новый, глубоко гуманистический смысл.

Развитие социалистических общественных отношений, активизация людей во всех сферах их жизни неизбежно ведут и к постепенному освобождению от влияния религии. В развитом социалистическом обществе, в котором на место стихийного экономического развития приходит сознательная организация производства и шире — всей общественной жизни на научных принципах,—в таком обществе особое значение приобретает формирование научного, материалистического мировоззрения, представляющего собой гармоническую систему философских, экономических, общественно-политических знаний *. Это неизбежно хотя бы уже потому, что люди труда, строящие новое общество, должны адекватным, научным способом, без каких бы то ни было ненаучных иллюзий понимать и оценивать события, происходящие в окружающем нас мире, эффективно воздействовать на их ход. Чтобы они могли сознательно улучшать условия своей жизни и формировать собственную судьбу.

Выработка у широких масс граждан нашей страны такого научного, материалистического мировоззрения требует длительной, терпеливой работы по пропаганде светской культуры, научных знаний о природе, обществе, истории и человеке, пропаганды, связанной с такой гуманизацией общественных отношений, которая исключает какое бы то ни было мифическое, иллюзорное понимание призвания и судьбы человека, его места в обществе, в истории, во Вселенной. Такой гуманизации, при которой, как подчеркивал Маркс в «Капитале», «отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой», а общественный жизненный процесс «станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем».

Реализация намеченных VII съездом ПОРП вдохновляющих планов открывает перед новыми поколениями поляков широкие перспективы, служит гармоничному и всестороннему развитию их личности.

* Вопросы формирования научного, материалистического мировоззрения обсуждались на пленуме правления Общества распространения светской культуры, состоявшемся в конце прошлого года. Мы расскажем об этом подробнее в одном из ближайших номеров (примечание редакции журнала «Наука и религия»).

ЕЖИ ШТАХЕЛЬСКИЙ —

ЧЕЛОВЕК, ПАТРИОТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В ЯНВАРЕ нынешнего года Ежи Штахельскому исполнилось бы 60 лет. Всего год с небольшим не дожил он до этого своего юбилея.

Еще в начале 30-х годов студент медицинского факультета Виленского университета Ежи Штахельский примкнул к прогрессивному молодежному движению. Учебу прервал арест, затем была военная служба, и только летом 1939 года, перед самым началом второй мировой войны, Штахельский получил наконец диплом врача. К этому времени он был уже коммунистом. Затем работа в Вильнюсе на посту заведующего городским отделом здравоохранения, уход из города перед самым вступлением гитлеровцев, трудные и опасные дороги эвакуации, служба в Красной Армии — сначала в госпитале, потом в 16-й литовской дивизии — главным эпидемиологом. С созданием польской дивизии имени Тадеуша Костюшко капитан Штахельский возглавил ее санитарный батальон, принял боевое крещение в знаменитой битве под Ленино.

В освобожденной Польше Штахельский стал министром продовольствия, затем был заместителем министра и министром здравоохранения. Многократно избирался депутатом сейма, членом Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии.

Значителен вклад Штахельского в осуществление в Польской Народной Республике ленинских принципов свободы совести, в нормализацию отношений между социалистическим государством и церковью, в формирование у широких масс польского народа научного, материалистического мировоззрения. В течение нескольких лет он руководил управлением по делам вероисповеданий, а выйдя в 1968 году на пенсию по состоянию здоровья, возглавил Общество распространения светской культуры и оставался на этом общественном посту до последних дней жизни.

В четвертом номере «Чловека и святопогльонда» за 1976 год опубликована большая подборка воспоминаний друзей и коллег о Ежи Штахельском и фрагментов из его выступлений, статей и интервью. Публикуем несколько выдержек из них.

ПРОЦЕСС ЛАИЦИЗАЦИИ* в Польше будет в дальнейшем прогрессировать, углубляться. Нет оснований ожидать, что в условиях научно-технической революции смогут укрепиться социальные корни религиозности. Следует также ожидать тенденции к развитию рационалистического мышления, интеллектуализации взглядов и убеждений. И в этой связи будет не сокращаться, но расширяться сознательная, планомерная деятельность движения светской культуры. Объективный процесс лаицизации на первом этапе ведет к постепенному угасанию религиозной веры, ослаблению и распадению связей с церковью — связей, которые изолировали верующих от социального прогресса, от современной цивилизации и культуры. В этих условиях миссию фронта светской культуры, нашего движения я вижу прежде всего в позитивной деятельности, направленной на то, чтобы на руинах религиозных верований созидать новые, положительные принципы — мировоззренческие и моральные, новую, позитивную программу общественного сотрудничества.

Короче говоря, процесс лаицизации, как процесс объективный, — необходимое условие успеха движения светской культуры, главное содержание которого — позитивная, созидательная деятельность. Для нас опровержение религиозных мифов — не самоцель, для нас главное — помочь людям выработать идейные убеждения, новую, гуманистическую жизненную позицию человека и гражданина. Достичь этого не только можно, но и необходимо — на базе объективного процесса лаицизации. Я еще раз подчеркиваю необходимость этой работы: мы хорошо понимаем опасность бездуховности, мировоззренческой и идейной пустоты. Вот почему мы считаем важнейшей в нашей деятельности созидательную работу по формированию материалистического мировоззрения, упрочению социалистической, не связанной с религией, морали, гуманистических убеждений. Главный акцент в нашей работе — на ее позитивном, созидательном содержании — органически увязывается с лозунгом единства нашего народа, с ленинским принципом единства верующих и неверующих в строительстве социализма.

Религиозный индифферентизм, равнодушие к религии некоторые католические деятели склонны отождествлять с безразличием моральным, идейным, считают признаком деградации общества. По их мнению, все духовные, нравственные ценности зиждятся на фундаменте религии и с распадом этого фундамента рушится нравственный мир человека. По-моему, такая точка зрения не имеет ничего общего с действительностью. Я считаю, что равнодушие к религии — это форма отмирания религиозности; форма не единственная, но, пожалуй, наиболее распространенная. В наших условиях, в услови-

* Этим термином польские марксисты обозначают весь многообразный процесс освобождения общественной жизни и сознания людей от религиозного влияния.

ях свободы совести и уважения мировоззренческих убеждений граждан, массовый отход людей от религии происходит не в форме внезапной замены одного мировоззрения другим, а именно через охлаждение к религии, утрату интереса к ней. Безразличие к религии — неизбежная фаза процесса лаицизации, отмирания религии. В условиях массового распространения религиозного индифферентизма открывается широкое поле для деятельности Общества распространения светской культуры. Наша деятельность становится общественно необходимой. Объективный процесс лаицизации эффективнее, чем какая бы то ни было субъективная деятельность, говоря языком религии, «отбирает у людей бога» и будет неизбежно, во все более массовом масштабе отбирать его в будущем. И мы призваны тех людей, которые утрачивают интерес к религии, теряют связи с церковью, вовлечь в сферу новой для них культуры — светской, не связанной с религией.

Мы стояли и стоим на последовательно атеистических позициях, на позициях марксистского мировоззрения. В этом вопросе у нас никогда не было колебаний. Мы хорошо отдаем себе отчет в том, что наступательность является необходимым условием успеха любого общественного движения, и подчеркиваем, что это в полной мере относится и к нашему движению. Наступательность отличает как деятельность всей нашей организации в целом, так и каждого ее члена, демонстрирующего постоянно свою идейную зрелость, атеистические убеждения. Под знаком этого требования мы и разрабатываем программу нашей деятельности, включающей в себя не только массовую лекционную пропаганду, понимаемую прежде всего как популяризация материалистической философии, но и мировоззренческое наступление средствами свободных дискуссий, конфронтации взглядов, распространение безрелигиозной обрядности. Убежденность, чувство собственного достоинства, смелость в демонстрации атеистических взглядов — это тоже проявление принципиальной, наступательной позиции.

Наша программа, построенная на этих принципах, служит задачам укрепления единства народа. При этом мы особо подчеркиваем и в программе, и в нашей деятельности верность традиционным для прогрессивных движений в нашей стране принципам свободы совести и терпимости.

Мы провозглашаем принцип терпимого отношения к людям иного мировоззрения, но не к чуждым нам идеям и доктринам. При этом мы решительно выступаем против любых проявлений как клерикального фанатизма, так и узколобого сектантства в наших собственных рядах.

Понимаемая так терпимость дает возможность сочетать принципиальность и наступательность с борьбой за упрочение единства народа и является необходимым условием прогресса лаицизации.

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Культурно-просветительный год» в работе Общества распространения светской культуры (ОРСК) начался проведенной совместно с Министерством культуры и искусства 17 ноября 1975 года научной сессией «Роль культуры в формировании социалистического сознания», состоявшейся в Варшаве в Доме учителя.

Открыл сессию заместитель министра культуры и искусства Юзеф Файковский. Культура в социалистическом обществе, сказал он, — не праздничная сфера жизни, не удел снобов, а повседневное, всенародное дело. На VII съезде ПОРП культура была названа полноправным партнером промышленности. Ее подъем и распространение — неотъемлемая часть социалистического развития страны. Ю. Файковский выразил надежду, что совместная деятельность Министерства культуры и искусства и Общества распространения светской культуры в формировании атеистического мировоззрения даст благотворные результаты.

Заместитель заведующего Отделом науки ЦК ПОРП Станислав Чайка посвятил свой доклад воспитательным функциям производственных коллективов, их роли в распространении культурных ценностей.

Директор по науке Института культуры Францишек Млечко говорил об эстетической направленности воспитательного процесса. В комплексе проблем, связанных с повышением качества нашей жизни, сказал он, важное место занимает тот факт, что красота все прочнее утверждается в сфере практической жизни, в трудовой деятельности людей. С любовью и вдохновением сделанная продукция приобретает и ясно выраженные эстетические качества.

Директор управления домов культуры и библиотек Министерства культуры и искусства Влодзимеж Сандецкий говорил о том, почему в Народной Польше культурным строительством занимаются многие государственные учреждения и общественные организации, в результате чего распространение культуры идет широким фронтом. Если бы мы ограничились тем, что переложили эту заботу лишь на какие-то самостоятельные, изолированные культурные центры, сказал он, то сузили бы сферу ее распространения, отгородили бы от нее другие стороны общественной жизни.

Секретарь правления ОРСК Болеслав Цешельский остановился на задачах этой общественной организации. Главные среди них — активизация местных ячеек, выработка новых форм социалистической обрядности. 20 процентов членов Общества — молодежь, подчеркнул он, и надо стремиться привлекать к его работе новые слои молодежи, распространять среди нее светскую, социалистическую культуру.

Вопросы, поднятые в докладах, были развиты и конкретизированы в развернувшейся затем дискуссии. Было решено регулярно проводить такие обсуждения, задача которых — выработать эффективные методы участия ОРСК в общей программе развития социалистической культуры в стране.

«Człowiek i światopogląd», 1976, № 2.



Т. БЛАГОВА

«Женщины, объединяйтесь!», «Требуем равной оплаты!» — под такими лозунгами вышли на улицы жительницы Лондона.

Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО».

Положение женщин начало меняться с развитием революционной борьбы пролетариата, составной частью которой стало их движение за свои права. Этот процесс в буржуазном обществе особенно ускорился после Великой Октябрьской социалистической революции под влиянием небывалого в истории полного раскрепощения женщины в нашей стране, ее активного вовлечения в общественно-политическую жизнь и производство на равных правах с мужчиной. Морально-психологическое воздействие этого примера еще более усилилось после второй мировой войны в результате образования мировой системы социализма.

Под влиянием этих факторов, а также научно-технической революции вовлечение женщин в производство, а отчасти и в общественную деятельность стало в последние десятилетия приобретать массовый характер и в капиталистических странах.

Завоеванные в тяжелой борьбе права женщины часто попираются в мире капитала. Эта дискриминация многообразна, зачастую завуалирована, но чаще всего выражается в более низкой оплате труда, в трудности получения профессионального образования, в отсутствии защиты прав матери.

По сообщению газеты «Юманите диманш», например, французская женщина в среднем зарабатывает на 30 процентов меньше, чем мужчина. Большинство девушек начинает работать, не получив профессионального образования, а значит, их первыми увольняют при модернизации производства. Большинство женщин занимает второстепенные должности.

Широкое участие женщин в общественном производстве повышает уровень их классового самосо-

ЖЕНЩИНЫ сегодня и завтра

знания. Борясь за свои экономические и социальные права, они вступают в профсоюзы, в коммунистические и рабочие партии. Стремясь приостановить этот процесс и привлечь голоса избирателей, ныне любая буржуазная партия включает в свою программу ряд мероприятий, направленных на улучшение положения женщины в обществе и семье.

70-е годы ознаменовались новым подъемом женского движения, которое превратилось сейчас в важный политический и социальный фактор в странах Западной Европы, в США, Канаде, Австралии. Об этом свидетельствует хотя бы рост забастовок в отраслях экономики, традиционно использующих женский труд, — текстильной и пищевой промышленности, в сфере услуг, делопроизводстве, просвещении.

Известно, что буржуазия и клерикалы хотели бы, с одной стороны, выключить женщин из активной классовой борьбы, а с другой — подчинить их своему идеологическому влиянию. Женщины всегда были религиознее мужчин; и сейчас, когда папа Павел VI и другие иерархи с прискорбием констатируют упадок веры и рост материализма, именно среди женщин церковь находит активисток, не только исполняющих все обряды, но и проводящих в жизнь религиозное учение. Причины этого вполне объяснимы. Веками женщина была отстранена от общественной и культурной жизни, и религия была для нее единственной возможностью как-то удовлетворить свои духовные запросы и найти применение интеллектуальным способностям. Материнская функция женщины в эксплуататорском обществе также влияет на ее религиозность. Страх за семью заставляет искать заступничества на небесах.

Современная политика, например, Ватикана в женском вопросе строится на том, чтобы расширить традиционную женскую благотворительность и за счет этого укрепить свой сильно пошатнувшийся авторитет. Такая позиция была сформулирована еще в 20-е годы папой Бенедиктом XV. Тогда церковь еще отрицательно относилась к работе женщин вне дома, справедливо опасаясь, что это будет способствовать их выходу из-под контроля церкви. Однако историю не остановить. Массовое участие женщин в производстве объяснялось не их желанием во всем подражать мужчинам и добиваться эмансипации, а потребностями и развитием производительных сил. Однако Бенедикт XV положительно отнесся к предоставлению женщинам права голоса, потому что в то время большинство из них было настроено консервативно. Он же выступил с идеей «христианского феминизма», то есть создания многочисленных женских католических организаций, которые отвлекали бы женщин от борьбы за их истинные экономические и социальные права.

Следует отметить, что ни тогда, ни позже церковь не высказывалась за уравнение женщин с мужчинами в семейно-имущественных и родительских правах, в праве свободного выбора работы и места жительства, в праве самим выбирать будущего спутника жизни и т. д. Зато в папских энцикликах тех лет содержалось много общих слов о «роли женщины-христианки в общественном прогрессе».

Другое дело теперь, когда женское движение давно уже вышло за узкие рамки, отведенные ему клерикалами. Ныне церковь любит повторять, будто в свое время она первая предприняла шаги к решению женского вопроса. Например, «Новая католическая энциклопедия» в 15 томах, изданная в США, утверждает, будто папа Пий XII (1939—1958 гг.) «поддержал идею участия женщин в производительном труде, стимулировал их вступление в профсоюзы, подчеркивал ту особую роль, которую должны играть женщины в системе образования, воспитания и социально-культурной области. Он напомнил женщинам, что их прямой обязанностью является участие в социально-политической жизни с целью улучшения условий существования семьи». Но при этом энциклопедия, как и следовало ожидать, умалчивает о прямо противоположной позиции в женском вопросе, сформулированной тем же Пием XII в разгар второй мировой войны в его обращении к женщинам-католичкам, многие из которых были активными деятельницами движения Сопротивления. «Мы понимаем, — взывал он тогда, — что равенство в школе, науке, спорте наполняет сердце женщины гордостью. Современные молодые женщины, привыкшие все воспринимать критически, с трудом могут подчиняться мужу дома. Многие выскажутся за автономию. Не реагируйте на это, как Ева на ложь и искушение. Не дайте увести себя с единственной дороги, которая приведет вас к счастью во внеземной жизни». Как мы знаем, мир не дождался от Пия XII осуждения зверств фашизма, зато услышал от него, в который уже раз, заплесневелую догму о Еве как виновнице грехопадения человека.

Стремление нынешней церковной верхушки на Западе во что бы то ни стало удержать под своим влиянием женскую паству явственно проступает и в высказываниях Павла VI по поводу Международного года женщины (1975 г.). Последний, как известно, совпал с очередным «святым годом», который отмечается католической церковью каждые четверть века и используется для пропаганды вероучения. «Согласно христианской



Молодежь новой Эфиопии. Студентка, участница общенациональной патриотической кампании «Развитие через сотрудничество».

концепции личности и миссии женщины во всех областях жизни, — заявил папа, — между ними и мужчинами должны установиться новые отношения на основе равенства, любви и мира. Церковь видит свою задачу в том, чтобы вернуть женщине ее былое достоинство и помочь ей выполнить долг, предначертанный ей ветхозаветными пророками и подтвержденный Евангелием».

С другой стороны, толкуя ныне о «возвращении женщине ее былого достоинства», официальная церковная пропаганда пытается доказать, будто эмансипация вовсе не является благом для женщины, что, работая на производстве, она пренебрегает своими священными обязанностями жены и матери.

Разумеется, нынешние церковные руководители формулируют свою, по существу оставшуюся неизменной, реакционную политику в женском вопросе гораздо тоньше, чем это делали их предшественники. Папа Павел VI, например, в своем послании по случаю Международного года женщины пытался оправдать ее туманными ссылками на «очаги войны, манипуляцию личностью, насилие». При этом, разумеется, он ни словом не упомянул о подлинной причине этих социальных зол буржуазного общества — его прогрессирующем разложении в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Социальный прогресс разрушает вместе с отжившими общественными формами и те стороны нравственных отношений, которые могут восприниматься последующими поколениями как привлекательные и положительные. Церковь очень точно уловила эти трудности роста и выпячивает именно отрицательные стороны, которые принесла с собой, в частности, женская эмансипация. В своих спекуляциях такого рода религиозные идеологи пытаются убедить женщину, что на предприятии она — лишь винтик, что работа вне дома приносит ей только чувство неудовлетворенности и вины за пренебрежение своими основными обязанностями.

Действительно, большинство женщин, занятых наемным трудом, испытывает огромное нервное напряжение от монотонной, не требующей сосредоточенности работы. Отсутствие необходимого числа детских учреждений, профилактической медицинской помощи пагубным образом действует на их здоровье.

Но тем не менее только широкое участие женщин в производительном труде и в борьбе за экономические права — единственная возможность изменить условия их жизни.

Однако в условиях все более углубляющегося кризиса буржуазного общества, в том числе и такой его органической составляющей части, как всевозможные конфессиональные организации, религиозная идеология давно уже не представляет собой чего-то цельного, монолитного. Даже в самой крупной из церквей — католической — ныне возникли и действуют левые антикапиталистические течения, особенно активные в Латинской Америке, где подавляющая часть населения — католики. Представители этих движений («Священники третьего мира», «Христиане за социализм» и др.) указывают в своих выступлениях на необходимость радикальных общественных перемен, ликвидации голода, нищеты и неграмотности. Пытаясь расширить свое влияние в массах, «мятежные священники» ищут контактов со всеми демократическими движениями, в том числе и с женским.

Стремясь нейтрализовать влияние этих леворадикальных церковных кругов на трудящихся, католическая пресса, в особенности в Латинской Америке, часто выступает теперь по вопросу о положении женщин в обществе и даже бьет тревогу по поводу того, что они на этом континенте практически выключены из общественно-политической жизни, образования, спорта. Национальные епископаты некоторых латиноамериканских стран также критикуют на своих ассамблеях идеи неравенства, дискриминации женщин и выступают за их продвижение в обществе, организуют для них курсы профессиональной подготовки, кружки по ликвидации неграмотности, центры по устройству на работу девушек, прибывших из сельской местности, и т. д. Значительно изменилась теперь и роль монахинь. Они работают учительницами в начальных школах, медсестрами в больницах, активно участвуют в деятельности групп по борьбе с порнографией, наркотиками, загрязнением окружающей среды.

Претендуя на роль пастыря «дезориентированного человечества», церковь ратует за возвращение женщины в семью, утверждая, что ее труд вне дома будто бы способствует распространению свободных связей, разводов, наркомании, алкоголизма, преступности. Все эти отрицательные явления, порожденные углубляющимся кризисом буржуазного общества, церковь неправомерно приписывает забвению религии.

Религиозные идеологи никогда не рассматривали семью как первичную ячейку общества, отражающую господствующие в нем производственные отношения. Церковь всегда трактовала семью как прообраз своего единения с Христом. «Нет власти на земле, которая могла бы расторгнуть союз, созданный богом на вечные времена», — грозно напоминал папа Лев XIII в конце XIX века в своей энциклике «О христианском браке», которая была своеобразной реакцией католической церкви на принятие законов о гражданском браке и разводе в некоторых развитых капиталистических странах. Кстати, даже II Ватиканский собор (1962—1965 гг.), ревизовавший ряд положений католической церковной доктрины, оставил в силе ее догмат о браке.

О том, что подход католической церкви к этому вопросу не изменился не только в теории, но и на практике, свидетельствует хотя бы дело известной общественной деятельницы Колумбии Доры-Лус Кампо де Ботеро. В 1973 году она была удостоена международной премии ЮНЕСКО за организацию кампании по ликвидации не-

грамотности. Учитывая [redacted] заслуги [redacted] этом деле, президент Колумбии А. Лопес Микельсен назначил Дору-Лус губернатором провинции Рисаральда. Узнав о назначении женщины [redacted] этот высокий пост, многие епископы заявили, что они закроют церкви на святой неделе, если Дора-Лус займет место губернатора. Дело [redacted] том, что незадолго до этого она расторгла свой первый, церковный, брак и вступила во второй, гражданский. Как известно, духовенство считает законным только церковный брак, гражданский же, по его мнению, является просто аморальным сожительством.

За этим частным примером стоят наболевшие вопросы, волнующие все общество. От их решения зависят судьбы сотен тысяч людей, вынужденных заключать второй брак за границей, так как в Колумбии, Аргентине и многих других буржуазных странах он до сих пор считается недействительным [redacted] [redacted] него верующих отлучают от церкви.

Не изменилась позиция католического духовенства и по такому жизненно важному вопросу, как регулирование рождаемости. Ортодоксальный, догматический подход [redacted] этой жизненно важной проблеме был еще раз подтвержден специальной папской энцикликой «Гуманэ витэ» (1968 г.). Таким образом, Ватикан и поныне продолжает делать вид, будто регулирование рождаемости — вопрос чисто нравственный, упорно не желая замечать социальной остроты этой проблемы, особенно [redacted] развивающихся странах, многие из которых страдают от недостатка продовольствия.

Между тем, по статистическим данным ООН, только [redacted] одной Латинской Америке ежегодно умирают от истощения и отсутствия медицинской помощи сотни тысяч детей. Подростки, которых не может содержать семья, оказываются выброшенными на улицу. Буржуазное государство не [redacted] состоянии предоставить большинству из них работу или возможность учиться. Единственный путь для них — преступность. Статистика указывает также на значительный процент смертности матерей, прибегающих к абортам [redacted] внебольничных условиях, так как государственная католическая церковь не допускает внесения каких-либо изменений в законодательство, запрещающее прерывание беременности.

Разумеется, проблему народонаселения [redacted] сокращения темпов рождаемости нельзя рассматривать вне учета конкретных особенностей экономического и социального развития того или иного региона. Тем не менее легализация абортов [redacted] противозачаточных средств могла бы значительно снизить смертность женщин и детей. Таким образом, позиция католической церк[redacted] [redacted] этом вопросе, рекламируемая [redacted] выражение христианского гуманизма, на деле оборачивается антигуманностью.

Напомним, что энциклика «Гуманэ витэ» вызвала целый бунт среди католиков. Выяснилось, что подавляющее большинство их [redacted] практике не выполняет церковного запрета на пользование противозачаточными средствами. Даже многие священники заявили [redacted] нежизненности этого запрета, о том, что он морально [redacted] физически калечит верующих женщин. Страсти вокруг энциклики [redacted] утихают до сих пор. Чтобы умиротворить взбудораженную паству, папа Павел VI создал комиссию, обязав [redacted] «всесторонне исследовать» этот вопрос и представить свои выводы. Выступая [redacted] национальной ассамблее Коммунистической партии Аргентины, посвященной женскому труду, видная коммунистка Амалия Сантерон, например, подчеркнула необходимость широкого вовлечения женщин в Народный фронт. «Уже многие [redacted] них объединяются [redacted] борьбе с дороговизной жизни, учреждают комиссии контроля цен [redacted] борьбе [redacted] спекуляцией и монополиями, которые, пользуясь тяжелым положением в стране, взвинчивают цены», — так охарактеризовала она общественную деятельность тех женщин-католичек, что все активнее втягиваются в общенациональную борьбу против монополий и засилья иностранного капитала. Так, участницы аргентинского движения «Христиане за социализм» сотрудничают [redacted] коммунистами по ряду вопросов, [redacted] том числе в проведении совместных кампаний.

Таким образом, сегодня движе[redacted] за подлинное равноправие женщин [redacted] областях жизни, еще вчера ограниченное рамками развитых капиталистических государств, набирает силу и [redacted] той части земного шара, которая не так давно освободилась от оков колониализма или все еще остается сырьевым придатком империалистических держав. Женщины, живущие там, ныне вносят все более весомый вклад [redacted] борьбу своих народов против неоколониализма, [redacted] преодоление тяжелых последствий чужеземного господства. Мы знаем, что борьба эта, благодаря той поддержке, какую ей оказывают прогрессивные силы всего мира, [redacted] прежде всего страны социализма, Советский Союз, развертывается успешно. [redacted] в этом залог того, что трудящиеся женщины нашей планеты, плечом к плечу [redacted] своими братьями по классу, при их поддержке, будут настойчиво добиваться устранения всех видов дискриминации, доставшихся [redacted] [redacted]следство от прошлого, [redacted] традициями она [redacted] освящалась.

Половина [redacted] нашей планеты живет [redacted] Латинской Америке [redacted] большинство из [redacted] — женщины.

Фото [redacted] журнала «Эль мундо»



И. КРЫВЕЛЕВ,
доктор философских наук

ПАТЕР КЮНГ ВОЛЬНОДУМСТВУЕТ

ДЕСЯТОЙ ДОЛИ еретических мыслей, высказанных Гансом Кюнгом в последние годы, раньше хватило бы на то, чтобы сжечь его живьем на костре, предварив эту операцию полным курсом инквизиционных процедур. Теперь церковь этими приемами не пользуется — по причинам, от нее не зависящим.

Патер Кюнг — заметная фигура в мире католического богословия. Еще в тридцатитрехлетнем возрасте он был привлечен Иоанном XXIII для работы на II Ватиканском соборе в качестве эксперта и личного советника папы по богословским вопросам. После собора Кюнг опубликовал ряд толстых книг. В своих богословских концепциях этот католический священник и профессор теологии в знаменитом Тюбингенском университете довольно последователен: он требует радикального обновления как вероисповедной доктрины католицизма, так и самой церковной организации. Мы выделим для анализа программы этого обновления две книги Кюнга. Первая из них, вышедшая в 1968 году (потом неоднократно переиздавалась), носит довольно интригующее и ко многому обязывающее заглавие — «Правдивость»[1]. Вторая представляет собой последнее слово богословствования Кюнга и для данного этапа подводит ему своеобразный итог; она называется — «Быть христианином»[2]. В первой как бы сделана заявка на пересмотр католического вероучения, во второй это намерение осуществляется и читателю предлагаются его итоги. Рассмотрим последовательно, хотя и кратко, заявку и ее осуществление.

ПАФОС ПРАВДИВОСТИ

Стремление к правдивости Кюнг объявляет основным признаком, характеризующим наше время. XX веку присущ, по его мнению, прямо-таки «пафос правдивости», сказывающийся во всех областях духовной деятельности человека. В архитектуре и общественных науках, в изобразительном искусстве и философии, в художественной литературе и в психологической науке идет решительная борьба против «неправдивости, неоткровенности, лжи, лицемерия»[3]. Само собой у теолога возникает вопрос: а как в этом отношении обстоит с церковью?

Казалось бы, для верного ее сына здесь и вопросов не может быть — в церкви все истинно и правдиво, а ее глава, как известно, непогрешим. Но Кюнг к этой пресловутой непогрешимости относится скептически, и одна из его книг специально посвящена доказательству того, что глава церкви может ошибаться, как и все другие люди[4]. А книгу «Правдивость» автор начинает с довольно любопытного сообщения о том, что во время II Ватиканского собора среди епископов ходила по рукам записка такого содержания: «Сенат не ошибается, а если ошибается, то не исправляет ошибку, чтобы не показать, что он ошибался». Кюнг не сочувствует такой установке и считает, что вопрос о правдивости актуален и для церкви. Больше того, весь дух книги создает впечатление, что как раз в отношении к церкви обсуждение проблемы правдивости является разговором о веревке в доме повешенного.

Автор позволяет себе вести этот разговор, даже учитывая его некоторую бестактность. Церковь, считает он, не может обходить такой, может быть, неприятный для нее вопрос. В качестве члена католической церкви, говорит Кюнг, он должен в первую очередь иметь в виду именно ее. Но если подходить к делу всерьез, то «правдивость является так или иначе проблемой **всякой** церкви»[5]. А стремятся ли церкви, и прежде всего католическая, к этой вожделенной правдивости? Оказывается, она от этого стремления ничуть не уклоняется. «Мы счастливы здесь, — говорит Кюнг, — засвидетельствовать: движение к правдивости не обошло церковь. И в церкви мы видим сегодня больше правдивости» (стр. 31). Для ортодоксального католика такое высказывание само по себе выглядело бы принижающим единоспасающую церковь. Он бы счел в данном случае, что никак нельзя ставить церковь в общий ряд со всеми другими общественными институтами и радоваться тому, что она не отстает от духа века, ведь она (и только она!) всегда учила полной и исчерпывающей истине. Но еретичность позиции Кюнга идет еще дальше, чем явное отрицание такой концепции, единственно допустимой для католика и обеспечивающей спасение его души.

Он утверждает, что во всех областях современной духовной деятельности, где обнаруживается тяга к правдивости, давшая ряд великих открытий и достижений, роль церкви была отнюдь не ведущей и даже, больше того, деятельность отдельных ее членов сказывалась не так уж сильно. «Только очень немногие решающие импульсы к новой правдивости — относить ли их к XIX или XX в. — происходят из самой церкви» (стр. 33). А уж если говорить об отдельных людях, в разное время продвигавших истину в разных областях, то, перечисляя их, Кюнг находит протестантов, иудеев, атеистов; католики же оказываются в дефиците. Он рассматривает в этой связи и основную социальную проблему наших дней, относящуюся к классовому

---

[1] H. Küng. Wahrhaftigkeit? Zukunft der Kirche. Freisburg im Breisgan, 1968.
[2] H. Küng. Christ sein. München, 1974.
[3] H. Küng. Wahrhaftigkeit? S. 27.
[4] H. Küng. Unfehlbar? Eine Anfrage. Köln, 1970.
[5] H. Küng. Wahrhaftigkeit, S. 31. Далее страницы этого издания указаны в тексте.

или бесклассовому устройству общества, и находит, что церковь в своем обращении к ней порядком запоздала. «Две многозначительные даты: 1848 г. — «Коммунистический Манифест» и только в 1891 г. первая социальная энциклика «Рерум новарум». Мы и здесь выступили вслед за другими» (стр. 34). Кюнг мог бы, кстати, добавить, что папская энциклика провозглашала необходимость не ликвидации капитализма, а, наоборот, его сохранения...

Самокритичность патера доходит до того, что он признает не только перманентное запаздывание церкви в движении к истине, но и на ряде этапов ее тормозящее воздействие на это движение. В общем же признается без обиняков «недостаточность правдивости в церкви, во всех церквах, в том числе и в особенности, в католической» (стр. 34). И пора, мол, кончать с этим. А то церковь в прошлом чересчур долго обороняла явно проигранные «неправдивые» позиции. Кюнг приводит много примеров такой опрометчивой стратегии, среди которых занимает свое место и преследование Галилея.

Все области католического богословия оказываются в долгу перед правдивостью: и экзегетика (толкование Библии), и догматика, и нравственное богословие, и экклезиология (учение о церкви), и все прочие.

Надо, требует Кюнг, срочно перестраиваться, иначе дело будет плохо. «Современное человечество идет вперед к лучшей участи вопреки церкви. Оно и дальше будет прогрессировать — с церковью, без церкви или против церкви» (стр. 65). И церкви не удастся отделаться одними словами. Выдвигаются прямые требования пересмотра «теологии, экзегетики и догматики» (стр. 65—67).

В области общей теологии Кюнг требует отказаться от «удушения неприятных вопросов при помощи авторитарного вмешательства». То же относится и к отдельным областям теологии. Надо отказаться от «закрытия новых проблем дешевыми патентованными лозунгами и бездушными традиционными догматическими формулами». Поскольку налицо явное крушение библейской картины мира, надо решительно отказаться от нее. Причем цель этого отказа сформулирована достаточно откровенно: «чтобы первоначальное благовестие сделать понятным и для современного мира» (стр. 67).

Программа начертана, таким образом, решительная и радикальная. В своих последующих работах Кюнг показывает образцы ее осуществления. Каковы эти образцы — можно обстоятельно и точно выяснить на материале почти 700 страниц книги «Быть христианином», привлекшей к себе большое внимание всей буржуазной прессы. За недостатком места мы можем остановиться здесь лишь на некоторых религиозно-теологических проблемах, которые в этой книге подвергаются рассмотрению.

ХРИСТОС И ЦАРСТВО БОЖИЕ

Обозревая историю христианства, Кюнг находит в ней огромное многообразие религиозных, общественно-политических и идеологических явлений: «Столетия мелких общин и больших организаций. Преследуемые становятся господствующими и наоборот. Подполье сменяется государственной церковью, после нероновских мучеников — константиновские придворные епископы. Монахи, ученые и церковные политики... Папские синоды и направленные против папства реформационные соборы. Золотой век христианских гуманистов как секуляризованных людей Возрождения и церковной ортодоксии реформаторов. Католическая и протестантская ортодоксия и евангелическое пробуждение. Времена приспособления и сопротивления, инноваций и реставраций, сомнения и надежды...»[6]. На что нужно ориентироваться в этом калейдоскопе явлений двухтысячелетней истории? Что надо признать главным и определяющим?

До сих пор, как явствует из всего хода изложения, правдивого ответа на этот вопрос в церковном учении и теологической литературе не было, — во всяком случае, его не было отчетливо слышно. Теперь этот ответ дается в разбираемой книге.

Главным и определяющим в христианстве является личность Иисуса Христа и ничто другое. Остается только разъяснить, каково содержание этого образа, и станет ясно, что значит быть христианином. Но это-то и оказывается трудным до невозможности.

Кюнг последовательно рассматривает различные возможные решения вопроса об образе Иисуса. Христос благочестия? Догматики? Мечтателей? Литераторов? Бесчисленны варианты этих образов, многообразен до абсолютной неопределенности даже канонизированный догматический вариант. Куда проще оказывается сказать, чем и чем не был Христос. Здесь Кюнг — в своей стихии; он мастер негативных суждений. Иисус не был священником, теологом, революционером, монахом, членом ордена, аскетом, ревностным исполнителем закона, он не отделялся от мира и не раздваивал мир наподобие кумранитов, не признавал иерархического порядка. Особенно категорически отрицает Кюнг социально-революционную ориентацию Христа. Спаситель, правда, ждал скорого конца существующего света, но ни в коем случае не считал возможным его уничтожение человеческими средствами. Он «проповедовал революцию ненасилия», и «аналогами ему можно считать в этом плане не Че Гевару и не Камилло Торреса, а Ганди и Мартина Лютера Кинга» (стр. 181—182). Такое заявление обнадеживает, — кажется, что-то позитивное собирается сказать автор... Но нет, он спохватывается и опять за свое: «Не философ и не политик, не священник и не социальный реформатор. Гений, герой, святой или реформатор? Но не был ли он радикальней всех реформаторов?» (стр. 198—199). Он был моральней моралистов, революционней революционеров. В общем, «ясно одно: Иисус — другое!.. Ни с чем не сравнимое — тогда и сегодня» (стр. 203).

Из всего этого, однако, нельзя извлечь ничего для решения вопроса, что значит быть христианином. Автору такое положение тоже ясно: «Все, до сих пор сказанное, обрисовывает образ Иисуса больше (по сути дела, целиком. — **И. К.**) в негативном плане». В следующей за этим заявлением главе и решается такой немаловажный вопрос, как определение сущности, Mitte — центра учения Иисуса Христа.

Таковым центром является предречение царства божия в ближайшем будущем. Неясно, имеется ли в виду это царство на небе или на земле. Во всяком случае, это «не территория или область господства... а власть Бога» (стр. 205). Опять начинаются негативные определения. Следует ряд пунктов на тему о том, чем царство божие **не должно** считаться. «Это не временное, от начала творения данное Богом, господство иерусалимских иерархов... Не насильственно учреждаемая религиозно-политическая теократия или

---

[6] H. Küng. Christ sein, S. 113.
Далее страницы этого издания указаны в тексте.

демократия зелотских революционеров... Не суд мести в пользу элиты совершенных вроде ессев и кумранских монахов...» и т. д. К каждой из этих формул дан и позитивный контртезис, что фактически все-таки ничего не дает. Речь идет о «грядущем царстве Божием в конце времен», причем опять-таки остается непонятным, предусмотрено это царство на небе или на земле. Во всяком случае, в нем будет «непосредственное, неограниченное мировое господство Бога». Само это положение в состоянии вызвать недоумение, ибо, как известно, господство бога в мире никогда не ограничивалось религией и до сих пор. Остальные «позитивные» пункты столь же пусты: «Радостное благовестие безграничного добра и безусловного милосердия от Бога. Царство, где по молению Иисуса имя Божие действительно освятится, его воля проявится и на земле, людям будет воздано во всей полноте, все вины простятся и все злое будет преодолено...» (стр. 206).

Но вот, кажется, в этой словесной пустыне проглядывает оазис некоего социального содержания: «Царство, где по Иисусовым обетованиям, наконец, бедные, голодные, плачущие, угнетенные будут удовлетворены, где страдания и смерть исчезнут» (стр. 206). Однако, в чем конкретно будет выражаться это удовлетворение голодных и угнетенных, не говорится, так что оазис оказывается миражем.

Автор сам понимает, что ничего вразумительного из его описаний царства божия не получается и по вступлении к новому потоку пустых слов («полная справедливость, неограниченная свобода, нерушимая любовь, всеобщее примирение, вечный мир») признается, что «царство может быть не описано, но только представлено в образах». А образы это такие: «Новый союз, взошедший посев, зрелый урожай, великая трапеза, царственный праздник» (стр. 206). Пожалуй, здесь теряется грань между позитивным и негативным, ибо реального смысла не содержит не только последнее, но и первое.

Сильнейшее затруднение представляет для автора и вопрос о том, когда же наступит это вожделенное, хотя и непонятное, царство божие. Сначала идет лаконичный и выдержанный в общем стиле загадочной неопределенности ответ: «В абсолютном будущем». Иначе говоря, до наступления царства божия может пройти сколь угодно много времени. Но Иисус то ведь предсказывал, что оно наступит при жизни современного ему поколения! И сие пророчество не оправдалось не только тогда, но и на протяжении последующих двух тысячелетий. Выходит, Иисус ошибался? С неожиданной прямотой Кюнг признает это конфузное обстоятельство и переключается на пространные рассуждения, из которых должно вытекать, что ничего страшного для христианского благочестия в этом нет. Человеку свойственно ошибаться и «если Иисус из Назарета действительно был человеком, он тоже мог ошибиться». После этого следует ряд выпадов против теологов, которые «боятся ошибки больше, чем греха, смерти и дьявола» (стр. 208).

И все-таки надо как-то затушевать тот факт, что основатель христианства мог ошибаться. Следует длинное казуистическое рассуждение о том, полностью ли подходит здесь понятие ошибки. Ведь речь идет, рассуждает Кюнг, только о «космическом знании», а погрешность в этой плоскости не может считаться просто ошибкой. Наша планета и человечество имели начало, что подтверждается и наукой, должны будут иметь и конец, каковой, несомненно, связан с наступлением царства божия. И уж если так, то «понятие ошибки выглядит в этой связи как недифференцированное и даже просто неподходящее» (стр. 209). Вот так можно превратить черное в белое и наоборот.

Ошибался Христос в сроках или не ошибался, важно, что царство божие обязано наступить. Это должно, видимо, означать, что исчезнет то многообильное зло, которое омрачает жизнь людей. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который всегда был для богословов камнем преткновения, — он и теперь мешает Кюнгу воздвигать его теологические построения. Речь идет о несовместимости факта страданий в мире с учением не только о том, что этот мир создан разумным до абсолютного совершенства богом, но и о том, что человеческие грехи искуплены и сами люди спасены пришествием Иисуса Христа. Разве два тысячелетия, прошедших после этого избавления и спасения, в какой-либо мере сделали более светлой жизнь людей? Кюнг признает, что этого не произошло.

«От Иова до наших дней» человек спрашивает: почему я страдаю? Оставаясь без ответа, этот вопрос режет под корень не только учение о боге и его промысле, но и догмат об избавлении, осуществленном богом при помощи страданий Иисуса Христа. Ибо картина страдающего человечества, как сильно и метко характеризует ее Кюнг, «кричит к небу, — нет, против неба!» (стр. 419).

Дошло ведь до того, что люди решили взять свою судьбу в собственные руки. Стали думать, что «вместо Бога-Спасителя должен выступить сам себя спасающий и освобождающий человек» и что «человек вместо Бога должен стать субъектом истории». Это не нравится Кюнгу. Ни технологическая, ни политико-социальная революции не могут спасти человечество. Весьма пространно на большом количестве страниц (28—47), но без особой убедительности доказывается бесполезность борьбы людей за ликвидацию социального и прочего зла.

А кто же должен осуществить это спасительное для человечества дело? По глубочайшему замыслу божию, как гласит христианская догматика, это должен был совершить Христос своим воплощением в человеческом образе и самопожертвованием. Но в том, как это происходило, Кюнг находит сомнительные пункты.

Прежде всего, непонятно, для чего все это было нужно. Богослов признает несколько странным тот способ ликвидации последствий первородного греха, каковым явилось жертвоприношение Иисуса. Августин Блаженный и папа Григорий Великий рассматривали смерть Иисуса как выкуп, внесенный богом-отцом дьяволу. Ансельм Кентерберийский придал этому юридически оформленный вид: раз преступление совершено, должно последовать и наказание. Для древних и средневековых юридических представлений это подходило, но при чем тут евангельская любовь, милосердие и т. д.? Перед нами не откровение божественной истины, а отражение исторически ограниченных представлений людей определенной эпохи. Но мы-то ведь живем в другую эпоху! Современному христианину, стало быть, вовсе, по Кюнгу, не обязательно в это верить.

Однако Иисус жил, настаивает Кюнг, и в его личности, в его проповеди содержится центр, сердцевина христианского учения. И как ни относиться к фактической стороне дела, — а автор много раз подчеркивает свое пренебрежительное к ней отношение, — верующий хочет знать, что все-таки происходило с объектом его веры?

КАК БЫТЬ С БИОГРАФИЕЙ ИИСУСА?

Католический богослов отвергает догмат непорочного зачатия. Не без осторожного хождения вокруг да около он формулирует, в конце концов, тезис: «Никто не обязан верить в биологический факт непорочного зачатия или рождения» Иисуса (стр. 447). Значит, учение церкви следует признать ошибочным? Нет, можно найти выход в том, что непорочное зачатие надо трактовать «христианско-теологически, а не биолого-онтологически» (стр. 446). И то, что говорится в евангелиях о зачатии и рождении Иисуса, не мешает этому. Да, у Матфея и Луки так сказано, но это не составляет сути, смысла, центральной идеи евангельского учения. У Марка, Иоанна и в Павловых посланиях мифа о непорочном зачатии нет. Не надо, впрочем, в практике проповеди молчать об этом догмате. Следует говорить о нем, но «честно и дифференцированно», причем надо помнить «о необходимости и границах демифологизации» (стр. 447). А где эти границы? Об этом у Кюнга ничего определенного не сказано.

Жизнедеятельность Иисуса, по евангелиям, протекала в двух формах: он проповедовал и творил чудеса. Если содержание Иисусовых проповедей можно при помощи некоторых казуистических приемов освободить от противоречий и привести к некоему единству, то с чудесами дело обстоит сложней. Кюнг много раз указывает на то, что для сознания современного человека вера в чудеса неприемлема и что, если церковь будет продолжать настаивать на достоверности евангельских чудес, она рискует тем, что верующие перестанут принимать всерьез ее проповедь. Надо с этим «неудобным», «неприятным» (выражения самого Кюнга) вопросом что-то придумать.

Богослов начинает его анализ с достаточно откровенных признаний — один из заголовков этого раздела звучит весьма красноречиво: «Маскировка затруднительного положения». Само понятие чуда неопределенно и растяжимо, и это обстоятельство, как иронизирует Кюнг по адресу теологов (значит, и по собственному), представляет большие удобства; используя их, богословы «элегантно маскируют» проблематику новозаветных чудес (стр. 217). Приводятся различные трактовки вопроса о чудесах, и все они не удовлетворяют автора. После того, что сказано им о «маскировке», можно ждать, что сам Кюнг наконец возьмет быка за рога и даст определенное решение проблемы. Этого, однако, не происходит.

Начинается анализ с довольно конкретной постановки вопроса. В евангелиях рассказывается об определенных категориях чудес, совершенных Иисусом: исцеления, изгнание бесов, три воскрешения мертвых, семь «натурных» чудес, начиная с прекращения бури и кончая превращением воды в вино. Все разработано обстоятельно и солидно, остается только ответить на вопрос, могли ли когда бы то ни было и кем бы то ни было совершаться такие нарушения законов природы, которые именуются чудесами в собственном смысле этого слова? Ибо все многословие Кюнга или кого бы то ни было другого относительно разных толкований слова «чудо» лишь запутывает проблему, вместо того чтобы способствовать ее решению. Евангельские повествования о чудесах Иисуса Христа не допускают никакой многозначности. Евангелисты имеют в виду не что иное, как действия и события, нарушающие законы природы. Возможно это или невозможно?

На этот вопрос Кюнг ответа не дает.

Часть сообщений об Иисусовых чудесах, говорит он, может отражать то, что действительно было. Например, в случаях исцеления надо иметь в виду возможность психотерапии. Ведь многие болезни психогенны и в некоторых случаях лечебный эффект мог действительно достигаться. А как быть с другими случаями, когда описываются Иисусовы чудеса, не связанные с болезнями? И там, рассуждает Кюнг, могли быть «поводы» к тому, чтобы соответствующая легенда появилась. А уж если обнаруживается такой повод, то и легенда уж не совсем легендарна. Например, сообщение о том, как Иисус своим словом усмирил бурю на море, может иметь исторические основания в действительном происшествии, когда после обращения к богу с мольбой о спасении случайно последовало облегчение положения терпящих бедствие. Ни одним намеком Кюнг не выражает мнения о чудодейственном значении молитвы, он имеет в виду просто случайное совпадение обстоятельств. Такое же совпадение могло явиться «историческим поводом» к любому другому евангельскому сообщению о чуде, сотворенном Иисусом. Но что тогда остается от религиозного учения о чуде как сверхъестественном событии, нарушающем законы природы?

Фактически отвергается и учение о центральном чуде жизни и смерти Христа: о его воскресении из мертвых. Что оно центральное, что вера в него является пробным камнем для установления того, может ли данное лицо считаться христианином, вытекает из категорического утверждения апостола Павла: «...Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1-е послание к Коринфянам, гл. 15, ст. 14). Как же обходится Кюнг с этим непререкаемым условием «нетщетности» веры?

Он дает здесь классические образцы казуистического теологического суесловия, фактически лишенного всякого смысла, но имеющего видимость не только благочестия, но и глубокомыслия. Воскресение было, но его и не было. И наоборот: воскресения не было, но оно было. Десятки страниц исписываются так, что на каждой из последующих опровергается то, что сказано на каждой из предыдущих.

В немецком теологическом словоупотреблении события, связанные с воскресением и вознесением Христа, обозначаются выражением Oster Geschichte — «пасхальная история», и вера в воскресение связывается с представлением о «пустом гробе», каковой был, по евангелиям, обнаружен учениками Иисуса после того, как тот, воскресши, ушел из него. Кюнг свободно оперирует этими понятиями, но так опустошает их, что можно с полным правом сказать: он их просто исключает из христианской догматики. Делает он это, однако, чрезвычайно «элегантно», если выражаться его же терминологией.

Для начала автор подменяет понятие воскресения понятием воскрешения. Не сам, мол, Христос воскрес, а бог его воскресил. А является ли «воскрешение» действительным историческим фактом? Ответ на это можно усмотреть в следующей тираде: «Если говорить о воскрешении Божией деятельностью, то не может быть речи о строгом историческом смысле этого события и о его установлении исторической наукой и историческими методами. Воскрешение имеет в виду не такое чудо, которое прорывает законы природы и констатируется внутримировыми методами, дислоцируется и датируется как сверхъестественное вторжение в пространство и время» (стр. 338). Затем следует ряд выпадов против наук (исторической, биологической и т. д., включая теологию), кото-

рые «видят лишь один аспект многослойной действительности». А если видеть все аспекты, то окажется, что как при воскресении, так и при воскрешении «речь идет о метафорических, образных терминах». В основе образа воскресения лежит представление о вставании, пробуждении от сна с возвратом в предшествующее состояние, в земную смертную жизнь. А здесь воскресший, — простите, воскрешенный Иисус переходит в совсем другое состояние. Это не жизнь, а нечто совсем иное; чтобы подчеркнуть это, Кюнг прибегает даже к латыни — totaliter aliter — полностью другое. Но что именно?

Опять Кюнг прибегает к своему излюбленному приему: воскресение Христово не есть то или другое, или третье, или десятое, но оно есть и то, и другое, и десятое: «Не призрак и все же не осязаемое, видимое и невидимое, материальное и нематериальное, по сю и по ту сторону времени и пространства» (стр. 340). После этого не так уж трудно сказать, что воскресение Христа было и телесным, и не телесным. Его не было, если трактовать это самое тело, как «идентичную личную действительность».

Если все же попытаться найти здесь какой-то реальный смысл, то он заключается в том, что воскресения Христа в прямом евангельском смысле этих слов не было.

Получается, правда, неблагополучно с «пустым гробом». На десятках страниц описывает Кюнг виражи вокруг создавшейся неприятной ситуации. Оказывается, что учение о пустом гробе вообще неважно: «оно не является ни вероисповедным догматом, ни основой, ни предметом «остер-веры» (стр. 356). И хотя в предшествующем изложении было немало упреков по адресу «исторической критики и естествознания», приходится считаться с тем, что эти немощные человеческие науки критически относятся к «пустому гробу». И приходится не связывать себя «необходимостью признавать физиологическое представление о воскресении».

Так же разделывается Кюнг и с другими компонентами «пасхальной истории», в частности с телесным вознесением Христа на небо после сорокадневного странствования по земле. И здесь обнаруживаются возможности квалифицированного маневрирования.

Что, собственно, представляет собой небо? Отнюдь, конечно, не семиэтажную твердь, где Иисус Христос после своего вознесения восседает на троне по правую руку бога-отца. «Небо веры не есть небо астронавтов». Это не только не твердь, но и вообще не пространственное понятие. «Не место, но форма бытия». А если так, то «само собой разумеется, Иисус не совершал никакого мирового путешествия в пространстве». Он просто отправился в «таинственное невидимо-непостигаемое царство Божие», в результате чего оказался «включенным в великолепие Отца» (стр. 342). Если не признавать всей этой таинственной невидимости-непостигаемости, то получится нечто подобное тому, что не раз уже бывало в истории религии и мифологии. По поводу вознесения, в частности, Кюнг вспоминает не только Илью и Еноха из Ветхого завета, но и Геракла, Эмпедокла, Александра Македонского и Аполлония Тианского. Не угодно ли, мол, вам, христиане, верить и в этих богов?

А если оставить от всей новозаветной эпопеи Христа только абстрактный и неуловимый мистический туман, то что будет питать конкретно-образную веру немудрствующего простого христианина, воображение которого требует «воспринимаемой» духовной пищи? Единственное, что Кюнг оставляет для этих целей,— это то, что Иисус жил и, главное, был распят. Подводя итоги, он пробегает мимо воскресения и прочей невообразимости, делая основной упор на факте распятия.

Когда эльзасский епископ Вебер в своей рецензии на книгу Кюнга попытался выяснить, что, собственно, остается у швейцарского теолога от образа Иисуса Христа, он с удивлением и сдерживаемым негодованием резюмировал: «Ничего невозможно найти здесь, ничего, кроме ничего» [7]. Пожалуй, он прав. От новозаветного, церковно-догматического, никео-цареградского Иисуса ничего не остается. И ясно, что не из пафоса правдивости теолог идет на такую болезненную операцию, а лишь потому, что «остер-вера» все больше перестает работать хоть в какой-либо мере убедительно.

Можно было бы отвлечься от чудес и попытаться, размышляет Кюнг, реставрировать человеческую историческую биографию Иисуса. Таких попыток было огромное множество, но все они неудачны, ибо «написать биографию Иисуса из Назарета невозможно» (стр. 142), и прежде всего по причине скудости источников. Ничего нет, кроме евангелий, а это очень бедный источник. С большим почтением говорит Кюнг о евангелистах как «оригинальных теологах»: каждый из них имел свою концепцию и вовсе не собирался составлять нам «стенографические протоколы». Но в этом же и источник ненадежности их сообщений. Евангелисты — «ангажированные» свидетели, которые «с начала до конца стремились изображать Иисуса в свете его воскресения как Мессию, Христа, Господа, Сына Божия» (стр. 145). На основе их данных нельзя построить не только биографию Иисуса, но и «вообще законченный образ его — традиционный, спекулятивный, либеральный или последовательно - эсхатологический» (стр. 151).

Не будучи в состоянии дотянуться до вожделенного винограда достоверности, богослов объявляет его зеленым. «Реставрация, реконструкция (исторической истины.— **И. К.**) — неправильные слова. Позитивистской историографии нужно установление фактов» (стр. 151), а христианской вере нужна... вера.

ВЕРИТЬ! А ВО ЧТО?

Вместо раскрытия того, во что автор верит, он опять принимается рассказывать, во что он не верит: «Я не верю в определенные факты, истины, теории, в тот или иной из догматов. Я не верю также в то, что такая-то личность заслуживает доверия...» Когда же дело доходит до позитивного сообщения о том, во что же наконец патер Кюнг верует, то это оказывается до загадочности неопределенным: «не в Библию, но в то, что в ней содержится; не в традицию, а в то, что она передает; не в церковь, а в то, что она провозглашает». В общем, идет движение по кругу — надо верить в то, во что надо верить. Во всяком случае, Кюнг рекомендует христианину верить «в Бога и в того, кого Он послал» (стр. 155). На чем должна эта вера базироваться?

Можно представить себе дело так, что вера связана со знанием и с пониманием некоторой совокупности фактов, истин, догматов; по зрелом размышлении человек приходит к тому, что надо верить в то-то и то-то. Кюнгу это не подходит, как «интеллектуалистическое извращение веры». Можно трактовать веру как акт воли, или «волевой риск», на который идет человек при отсутствии достаточно достоверных данных. Это тоже не

[7] «La Documentation catholique», [illegible], № 4, p. 180.

годится, здесь «волюнтаристическое извращение». Может быть, наконец, следует усматривать в вере акт чувства, субъективно-эмоциональное переживание, источником которого является божественное начало? Нет, это эмоционалистическое извращение веры. Стало быть, остается опять-таки просто вера. Иначе говоря, остается бессодержательное слово, по существу не наполненное смыслом.

По поводу бога у Кюнга тоже есть сложные и тонкие соображения, могущие поставить в тупик рядового проповедника христианской ортодоксии.

Очень подробно и даже объективно приводит Кюнг существующую и возможную аргументацию «за» и «против» бытия божьего. В итоге вопрос все же остается открытым. Атеизм, по Кюнгу, невозможно ни обосновать, ни опровергнуть. То же и с существованием бога. Что же, спрашивает Кюнг, получается: пат, ничья в борьбе между религией и атеизмом?

Приходится перенести вопрос в плоскость удобства. Признавать существование бога лучше и удобней, чем не признавать. «Все приобретает в этом случае единство, смысл, ценность». Трудно сдержать улыбку, читая такие, например, аргументы Кюнга в пользу признания бытия божьего: «Когда Бог признается бытием всякой действительности, то плавающая между бытием и небытием действительность перестает подозреваться в несуществовании» (стр. 63). А в общем итоге, с подзаголовком «сумма», делается вывод: «Если Бог существует, то условие возможности этой стоящей под вопросом действительности дано, ее «откуда» обозначено». И тут же Кюнг добавляет: «Если! Но из гипотезы Бога не вытекает его действительность» (стр. 64). Вопрос «откуда» отодвигается таким образом на одну инстанцию дальше, причем делается вид, что эта отписка решает дело. Но ведь можно тот же сакраментальный вопрос поставить и в отношении бога...

Конечно, Кюнг его не ставит, а вместо этого призывает читателя «связать веру в Бога с основным, фундаментальным доверием». Повторяется тезис Фомы Аквинского о том, что вера в бога сверхрациональна, но не иррациональна. А если так, то почему бы и не уверовать и не совершить «предпрыжок в воду», руководясь «допрактическим доверием» и идя на «требующий переживаний риск»? (стр. 70).

В пользу бытия божьего — и такая жалкая аргументация!

Журнал «Шпигель» в своей рецензии на книгу Кюнга небезосновательно заявил, что автор, по существу, отказывается от доказательств существования бога [8]. Но Кюнг выступил в газете «Франкфуртер Цайтунг» с опровержением такой оценки его позиции. Цитировавшийся выше епископ Вебер стал в этом вопросе на сторону Кюнга, признав его протест правильным и его аргументацию в пользу признания божьего существования достаточной. Тут же Вебер высказывает и свою позицию в этом вопросе, изложенную, впрочем, не более уверенно, чем Кюнгова: «Без сомнения, аргументы в пользу бытия Божьего не имеют ничего общего с математическими доказательствами, но существует уверенность другого рода, так же возможная, как и уверенность, черпаемая из материальных наук» [9]. Ничего, значит, более убедительного не может сказать в пользу бога и представитель более ортодоксального направления католицизма, чем то, которое представляет Ганс Кюнг.

И еще более зыбкой и шаткой становится вера в богодухновенность священных книг.

Современный человек не желает верить в истинность мифов тысячелетней давности. И не надо требовать от него такой веры, заявляет Кюнг. А как же с богодухновенностью? Очень просто. Во-первых, евангелия (это можно распространить на всю Библию) должны быть демифологизированы. Во-вторых, они не должны быть демифологизированы. В-третьих, они должны и быть и не быть демифологизированы. Если нам будет предъявлен упрек в извращении или утрировании взглядов Кюнга, мы его не примем, ибо и в данном случае они таковы, как были нами изложены, и вообще соответствуют всему духу и стилю Кюнгова богословствования: и так, и не так, а в конечном счете не совсем так и не совсем не так...

ТЕОЛОГИЯ КЮНГА И ЦЕРКОВЬ

Даже из анализа тех теологических вопросов, которые мы здесь рассматривали и которыми проблематика книги Кюнга не исчерпывается, видно, что ее содержание никак не совмещается с канонизированной догматикой христианства и, в частности, католической церкви. Есть и тому же здесь один пункт, который должен особенно болезненно восприниматься Ватиканом: теолог целеустремленно и упорно выступает против папства как централизованного воплощения церкви, или высшего авторитета и решающей инстанции в религиозных делах. Кюнг мобилизует самую разнообразную аргументацию, начиная с того, что Иисус не был вообще основателем церкви, что его апостолы не представляли собой церковную общину и что папа отнюдь не является наместником Христа на земле. Что же касается пресловутого догмата о непогрешимости папы, то Кюнг посвятил специальную книгу его опровержению. Как же Ватикан терпит такое богословствование, посягающее не только на догматическую систему христианства, но и на положение самой римско-католической церкви?

Печатные издания, полностью одобряемые ею, обычно снабжаются цензорской визой епископата: «Подлежит публикации». На книге Кюнга «Правдивость» мы находим несколько иную формулу: «Может быть опубликовано». К сему еще прибавлено пояснение: «Это разрешение публикации не означает согласия с содержанием книги».

Книга «Быть христианином» вообще не имеет никакой церковной санкции. Больше того, в 1975 году ее автор получил предупреждение от Конгрегации веры, чтобы он впредь не занимался распространением подобных взглядов. А ведь, казалось бы, здесь папство должно было выступить во всеоружии своей карающей власти: осудить, запретить, отлучить автора от церкви. Вместо этого, если не считать указанного выше довольно мягкого предупреждения, появились кислые и кисло-сладкие рецензии на страницах церковной прессы.

Одна из них — цитировавшаяся выше обширная рецензия страсбургского епископа Вебера. Ее содержание характерно для реакции церкви на книгу и для ее отношения ко всей деятельности патера Кюнга.

Вебер благожелательно и даже почтительно говорит о самом Кюнге, потом подробнейшим образом излагает содержание книги. Тон этого изложения — сочувственный и уважительный. Автору выдаются самые изысканные комплименты, относящиеся, прежде

---

[8] "Der Spiegel". 1974, № 39, S. 125.
[9] «La Documentation catholique», 1975, № 4, p. [illegible]

всего, к его благим намерениям и к построению книги. Первые представляют собой «великолепную программу, под которой все христиане могут подписаться». Второе выполнено так, что книга представляет собой «прекрасный монумент, прекрасную статую, гармонически выполненную» (стр. 179). Но епископ не может пройти мимо того, что в отличном содержании книги есть «прискорбные исключения» (стр. 179), выходящие «за пределы допустимого» (стр. 180). А когда начинается более конкретный разбор содержания, то обнаруживается, что все оно в целом «выходит за пределы».

Учение о «воплощенном Слове», то есть об Иисусе Христе, оказывается весьма близким к его трактовке злейшей ересью — арианством. Сказанное о святом духе фактически отрицает его личный характер, чем подрывается все учение о троице. История искупления почти не выходит за пределы той идеи, что страдания Христа являются для нас примером. И напрасно, мол, Кюнг занимается радикальной критикой христианских первоисточников — это приводит его в лагерь тех наших современников, которые не признают чудес и всего сверхъестественного, провозглашенного в священном писании. И уж что можно сказать о прямом отрицании Кюнгом непорочного зачатия не только богородицы, но и самого Христа?! Все это решительно противоречит священному писанию, взглядам отцов церкви, постановлениям вселенских соборов, всем и всяческим церковным документам. Указанные источники веры формулируют богооткровенную истину куда более правильно и систематично; стоит ли отступать от них? Допустим даже, признает епископ, что эти формулы непонятны нашему современнику. Но «стремление к их замене положениями, более близкими к нашему образу мышления и речи, всегда опасно» (стр. 180). Что же касается учения Кюнга о церкви, то о нем лаконически говорится, что оно «неприемлемо». В общем, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что католическую церковь не устраивает все содержание книги Кюнга.

Она понимает, однако, цели и намерения автора. Помимо того, что сказано о них в самой книге, ее автор довольно подробно высказался на пресс-конференции осенью 1974 года по случаю книжного базара во Франкфурте-на-Майне. Моя книга, сказал Кюнг, «написана не против Рима, но за Рим и за вселенский церковный собор. Она написана для защиты и оправдания, очищения и возбуждения христианской веры в эпоху, когда церковь, к несчастью, больше теряет, чем приобретает». Необходимо, много раз подчеркивает Кюнг, оживить потухающую веру христианина, больше того, нужно «придать современному человеку смелость быть христианином». А как это сделать, если христианское учение выражено «в библейских и догматико-схоластических архаизмах» (стр. 183), несовместимых с интеллектуальным уровнем человека XX столетия?

Всячески старается теолог застраховаться от обвинений в том, что он является «критиком-разрушителем церкви, врагом папы, ниспровергателем догматов». В книге «Быть христианином» он провозглашает лозунг, которым оперируют теперь все охранители христианской ортодоксии: «Никакого другого Евангелия!»[10]. Остается то самое Евангелие четырех авторов, только по-новому развернутое и разъясненное. Совершенно другой смысл, — но «то же самое»...

В общем, для лечения христианства Кюнг использовал такие сильнодействующие средства, одно применение которых показывает, что больной неизлечим. По сути дела, теолог оставляет от христианства только название, — очевидно, в надежде на то, что дальнейший ход идеологической борьбы даст возможность обозначить этим ярлыком «нужную» программу, могущую противостоять марксизму-ленинизму. Удивительная гибкость мышления автора, выдающаяся способность топить любую острую проблему в бесконечном словесном многоводье при незаурядной теологической и общекультурной эрудиции дают ему возможность претендовать на роль автора и проповедника такой программы. Церковь не порывает со своим блудным сыном, ибо он «блуждает» в поисках путей ее спасения.

Что же касается правдивости, то ее так же тщетно искать в книгах Кюнга, как и во всей необъятно-огромной теологической литературе всех религий и вероисповеданий. Как и в религии вообще.

[10] H. Küng. Christ sein, S. 14.

Живая ткань нового обряда

Ю. Н. Ельченко. НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ — НОВЫЕ ОБРЯДЫ. М., Политиздат, 1976, 78 стр., 100 000 экз., 12 коп.

Комплексный подход к делу формирования нового, всесторонне и гармонично развитого человека, активного строителя коммунизма определяет возросший в последнее время интерес к воспитательным возможностям новой, социалистической обрядности. Об этом, в частности, свидетельствует появление книги заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Украины Ю. Н. Ельченко.

Долгое время считалось, что с утратой в нашем обществе религией и церковью былых позиций отомрет и всякая обрядность как архаическое, устаревшее явление. Жизнь, однако, не подтвердила таких прогнозов. Обрядность религиозная, господствовавшая в дореволюционной России, действительно решительно вытесняется из всех сфер советского образа жизни. Но это не создает вакуума в духовном мире общества. Все больше обретает права гражданства новая, не связанная с религией гражданская обрядность. Правда, кое-кто продолжает соблюдать религиозные обряды — крещение, венчание, отпевание, поминки и т. д. Однако социологические исследования и статистика убедительно показывают, что там, где созданы яркие новые праздники и обряды, религиозная ритуальная практика утрачивает свое значение, красочная советская обрядность привлекает внимание даже тех людей, которые еще не преодолели окончательно религиозных представлений.

Разумеется, советские праздники и обряды выступают как активный фактор атеистического воспитания. Но не только в этом дело: социалистическая обрядность—одно из эффективных средств всей идейно-воспитательной работы. Автор убедительно показывает, что новая обрядность играет важную роль в патриотическом, интернациональном, трудовом и нравственном воспитании советских людей.

Ю. Н. Ельченко рассматривает предмет своего исследования в историческом, теоретическом и других аспектах. Это очень полезно для практиков, которые порой подходят к праздникам и обрядам как к некоей форме увеселения. На са-

мом же деле, на социальное назначение вовсе не ограничивается развлекательной стороной. «Исторически обрядность сложилась,— говорится в книге, — как **специфическая форма закрепления и воспроизводства данного образа жизни, его социальных, нравственных и эстетических идеалов, образцов поведения, труда, бытового уклада»**. Обрядность закрепляет черты образа жизни в конкретно - чувственных, символических знаках, созданием атмосферы торжественности, необыденной тональности вокруг того или иного «обряжаемого» события. Ю. Н. Ельченко стремится проанализировать структурные элементы обрядности, составляющие ее живую ткань и необходимый строительный материал, раскрыть основные функции праздников и обрядов.

Несомненный интерес вызовет у читателей основательный подход автора к проблеме обрядотворчества. Книга в первую очередь рассчитана на партийных, советских работников, сотрудников культурно-просветительных учреждений, то есть именно тех людей, которые так или иначе занимаются проблемами становления социалистической обрядности; в книге подчеркивается, что процесс этот — постоянно развивающийся, динамичный, в ходе его выдвигаются все новые задачи, решение которых требует объединения усилий и ученых, и практиков.

Книга, разумеется, не может дать рецепты на все случаи жизни — как сделать обряд ярким и впечатляющим. Дело это тонкое, требующее отличных знаний, вкуса, такта и т. п. Вместе с тем здесь сформулированы необходимые практику основные методологические принципы подхода к решению поставленной задачи. Подчеркивается, что достигнутым опытом довольствоваться нельзя, каждый новый обряд, ритуал, праздник нуждается в дальнейшем совершенствовании и обогащении, чтобы постоянно повышались его идейный, эмоционально-психологический и эстетический потенциал, его воспитательная роль.

Система социалистической обрядности по мере обогащения и совершенствования общественных отношений, роста духовных запросов советских людей расширяется, приобретает новые формы. Автор напоминает: «Мы не можем забывать, что новый обряд или обряд возрожденный — это не этнографический экспонат, а действенное идеологическое оружие».

Книга Ю. Ельченко, в частности, обобщает опыт внедрения в жизнь новых праздников и обрядов на Украине, показывает то новое, что появилось совсем недавно,— чествование рабочих династий и династий хлеборобов, движение наставников и т. д. Совершенно очевидно, что опыт этой республики представляет интерес для всего Советского Союза — при всем национальном своеобразии складывающаяся здесь новая обрядность пронизана духом советского патриотизма, пролетарского интернационализма.

Говоря о диалектике национального и интернационального, автор замечает: «По нашему мнению, вообще неправомерно делить новую обрядность на национальную и интернациональную. **Вся социалистическая обрядность интернациональна по содержанию и национальна по форме».** Правильность этого положения подкрепляется уже тем фактом, что система советских праздников и обрядов, развивающихся на Украине, оказалась приемлемой для всех слоев населения республики, независимо от национальной принадлежности.

В книге «Новому человеку — новые обряды» обобщается опыт партийного и государственного руководства процессом создания и внедрения советской обрядности, анализируется деятельность научно-методических центров, ведающих в республике разработкой новой обрядности (их возглавляет республиканская комиссия по новым праздникам и обрядам), подчеркивается роль в этом деле хорошо подготовленных кадров — организаторов и исполнителей ритуалов, раскрывается система их подбора и подготовки. Успех развития советской обрядности в немалой степени — это также убедительно показано в книге — зависит от активного участия в этой работе местных партийных и советских органов, широкой общественности, интеллигенции.

Н. ФУРСИН,
кандидат философских наук
г. Севастополь

За комплексный подход

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 19. М., изд-во «Мысль», 1976, 335 стр., 16 500 экз., 1 руб. 37 коп.

Очередной, 19-й выпуск сборника был встречен читателями с большим интересом. И прежде всего потому, что его основные материалы посвящены одной из актуальных проблем — повышению идейно-теоретического уровня и эффективности атеистической работы. Открывается сборник вводной статьей, в которой говорится, что за период между двумя последними съездами КПСС «идейно-воспитательная работа партии... поднялась на качественно новую ступень, приобрела более творческий и конкретный характер, стала более глубокой по содержанию и разнообразной по форме». Статья охватывает широкий круг вопросов, непосредственно связанных с проблемой повышения эффективности атеистической работы.

Первый раздел сборника называется «Вопросы теории и практики атеистического воспитания». Здесь дается информация об атеистической работе, проводимой райкомами партии, советами по атеистическому воспитанию, организациями общества «Знание» и т. д. Читатель может познакомиться с опытом Москвы, Киева, Ленинграда, Минска, Брестской области, Марийской АССР, Закарпатья, Омской области.

Воспитание атеистической убежденности — одна из самых важных и ответственных задач в комплексе атеистического воспитания. Обсуждается она широко и всесторонне. Однако процесс формирования атеистических убеждений до конца пока еще не выявлен. В статье Р. П. Платонова и М. Я. Ленсу «Воспитание атеистической убежденности» отмечены, в частности, объективные трудности процесса атеистического воспитания как органической части общего процесса воспитания и сделана попытка показать сам процесс формирования атеистических убеждений.

Д. М. Аптекман в статье «Проблемы эффективности в работе советов по атеистическому воспитанию при райкоме партии», указывая на взаимосвязь атеистического воспитания с другими направлениями коммунистического воспитания и опираясь на результаты социологических опросов, делает вывод, что важнейшим условием эффективности атеистического воспитания является формирование социально активной личности. Этому, по его мнению, способствует система партийного политического образования. Автор пропагандирует опыт школ основ марксизма-ленинизма, действующих в Выборгском районе Ленинграда, семинаров по научно-атеистической проблематике для руководителей различных звеньев политучебы, института политинформаторов и т. д.

В разделе «Научный атеизм в вузах» профессора М. П. Новиков, В. К. Танчер, Н. С. Гордиенко рассказывают о содержании и пробле-

мах научно-исследовательской работы вузовских кафедр, [redacted] называют [redacted] наиболее важные направления. Здесь [redacted] помещена [redacted] И. Лоукотки (ЧССР), [redacted] которой говорится о проблемах преподавания атеизма [redacted] вузах Чехословакии.

В разделе «История религии [redacted] атеизма» помещены три статьи. Наиболее обстоятельная [redacted] — «Революция 1905—1907 годов [redacted] кризис политики царизма [redacted] религиозном вопросе». Автор [redacted] — М. Н. Куров анализирует взаимоотношения православия [redacted] царизма [redacted] период первой русской революции. Он справедливо отмечает, что ни царизм, ни православие [redacted] были заинтересованы в решении религиозно[redacted] вопроса, указ царя от 17 апреля 1905 года [redacted] даровании некоторых прав «терпимым» [redacted] «гонимым» религиям был мерой вынужденной. И только партия большевиков проводила последовательную политику [redacted] отношению к верующим.

В остальных двух статьях Р. Ф. Петренко и Ю. Б. Пищик рассказывают об отношении М. И. Калинина и А. В. Луначарского к религии [redacted] церкви, [redacted] культурному наследию прошлого.

Следующий раздел посвящен научным сообщениям. [redacted] одном из [redacted] — «Секуляризация современного мира [redacted] интерпретации «новой теологии» Л. Л. Ватуевой — анализируются процессы, происходящие под влиянием научно-технической революции [redacted] современной протестантской церкви. Полезным для атеистов будет [redacted] сообщение Э. Д. Кондратьева «Критика православно-теологических концепций «примирения» науки [redacted] религии».

Информация Н. М. Рудакова «Особенности атеистической работы среди последователей некоторых течений баптизма» посвящена характеристике баптистов — последователей Совета церквей. В этом [redacted] разделе помещены интересные сообщения Ю. Саросека (ПНР) «Становл[redacted] социалистической обрядности [redacted] Народной Польше», М. З. Вылчева (НРБ) «Некоторые тенденции [redacted] отношении болгарской православной церкви [redacted] науке» [redacted] Г. Зевеца (ПНР) «Социологические исследова[redacted] «традиционного католицизма» в Польше».

Оценивая сборник [redacted] целом, [redacted]дует отметить главное: [redacted] нем дается материал, осмысление которого поможет пропагандистам [redacted] луч[redacted] и эффективнее [redacted] работу на местах.

Р. ДАНИЛЬЧЕНКО,
[redacted] философских наук

Поборники просвещения

[redacted] Г. Абдуллин. ТАТАРСКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МЫСЛЬ. Казань, Татарское книжное изд-во, 1976, 319 стр., 3 000 экз., 75 коп.

История татарского просветительст[redacted] привлекала многих исследователей — историков, литературоведов, филологов и философов. М. Х. Гайнуллин, Р. И. Нафигов, К. Ф. Фа[redacted] Х. Мухаммедов, С. М. Михайло[redacted] исследовали отдельные аспекты проблемы на примере [redacted] творчества того или иного татарского просветителя. Рецензируемая книга отличается целостным подходом к татарскому просветительству как общественному явлению, причем автор рассматривает его [redacted] тесной [redacted] с социально-экономическими и историческими условиями. Большое внимание [redacted] книге уделено малоизученным сторонам наследия прогрессив[redacted] татарских мыслителей XIX века.

Лучше других до сего времени было изучено наследие известного татарского просветителя Каюма Насыри. Тем [redacted] менее [redacted] Г. Абдуллин су[redacted] привлечь для характеристики идейно-теоретического наследия Насыри [redacted] те [redacted] работы, которые прежде не исследовались.

О Ш. Марджани как просветителе ученые стали говорить лишь [redacted] последние годы, [redacted] при этом обычно подчеркивается лишь то, что [redacted] был крупным историком. [redacted] книге показано, что [redacted] лице Ш. Марджани история татарской общественной мысли [redacted] имеет выдающегося мыслителя, посвятившего свою [redacted] поискам путей вызволения своего наро[redacted] омута средневековой отсталости, приобщения [redacted] общечеловеческому прогрессу. Ш. Марджани пытался дать ответ [redacted] жгучие мировоззренческие вопросы своего времени, и Я. Г. Абдуллин раскрывает его взгляды [redacted] области философских и социальных проблем.

Что касается Ш. Культяси, то [redacted] до сих пор в историко-философской литературе вообще [redacted] упоминалось. Между тем он был довольно радикальным для своего време[redacted] мыслителем и отдал много сил и энергии развенчанию средневековой мусульманской идеологии, распространению среди татарского народа научного миропонимания. В рабо[redacted] Я. Г. Абдуллина наследие этого представителя татарского просвеще[redacted] нашло свое отражение.

Книга восполняет еще один существенный пробел [redacted] исследовании творчества татарских просветителей — в ней впервые раскрываются [redacted] философские взгляды. Эти ученые, борясь против мусульманского богословия, служившего идеологическим оправданием феодально-средневеко[redacted] отношений и патриархальных порядков, поднимали немало философско-мировоззренческих проблем. Без глубокого изучения этой стороны их наследия трудно дать ему марксистскую оценку и в полной мере раскрыть историческое значение [redacted] деятельности. Я. Г. Абдуллин всесторонне анализирует идейно-теоретическое наследие татарских просветителей.

В частности, показана критика ими ортодоксального мусульманского богословия [redacted] суфизма. Это отнюдь [redacted] означает, что татарские просветители XIX [redacted] стояли [redacted] позициях атеиз[redacted] своих мировоззренческих установках все они [redacted] той или иной степени исходили [redacted] признания верховной идеи (бога), принимали священные первоисточники ислама — Коран и Сунну. Негативное отношение просветителей [redacted] идеологии ислама ограничивалось преимущественно критикой слепого преклонения людей перед догматами вероучения, осуждением схоластики, незыблемости религиозных установлений [redacted] фанатизма. Подробно рассматривая эти вопросы, Я. Г. Абдуллин делает правильный вывод: [redacted] ограниченность и непоследовательность просветителей [redacted] отношении [redacted] мусульманской религии была порождена во [redacted] историческими рам[redacted] просветительской мысли, [redacted]кретными условиями того времени.

Оставаясь [redacted] целом [redacted] религии, татарские просветители были страстными приверженцами рационалистической линии [redacted] философии. Они безгранично верили [redacted] силу человеческого разума, проповедовали свободу познания, провозглашали независимость науки и философии [redacted] религии.

Автор приходит [redacted] такому, на наш взгляд, обоснованному выводу: «Философия татарского просвещения, хотя и не сумела решительно порвать [redacted] религиозно-идеалистическим мировоззрением, явилась... рационалистической [redacted] была связана [redacted] пантеизмом [redacted] одних случаях [redacted] деизмом — [redacted] других [redacted] противостояла средневековому иррационализму [redacted] мусульманской схоластике [redacted] более прогрессивное мировоззрение. Рационализм позволил татарским просветителям разоблачить реакционные мировоззренческие установки му-

сульманского богословия, показать несостоятельность его основополагающих принципов, отстоять право науки на самостоятельное развитие, а человеческого разума — на познание и объяснение мира».

Татарские просветители высоко ценили научные знания, рассматривая их как необходимую предпосылку и условие общественного прогресса. В книге приводится замечательное высказывание К. Насыри: «Человек, выполняющий работу без науки, — это все одно, что человек, путешествующий без дорог».

В центре внимания татарских просветителей, как и их единомышленников у других народов,— проблема человека и его счастья; в нравственном совершенствовании его личности они видели важнейшее условие общественного развития. Автор, анализируя их произведения, с достаточной полнотой и убедительностью раскрывает глубокий гуманизм татарских просветителей, уважение к человеческой личности, призыв к ее свободе. На широком социальном фоне автор показывает, что их искренняя, хотя и наивная, вера в силу разума и знаний носила, безусловно, прогрессивный характер. Они упорно боролись против невежества и темноты, многое сделали для распространения просвещенности и научных знаний, призывали наладить периодическую печать, предпринимали практические меры в этом направлении.

Главную роль в просвещении народа они отводили школе. У поволжских татар еще со времен Булгарского и Казанского ханств школьную сеть составляли мектебы и медресе, где основным предметом было исламское вероучение. Консервативное мусульманское духовенство упорно сопротивлялось проникновению в эти школы нерелигиозных дисциплин. Просветители решительно выступили против средневековой теологической системы образования, добивались введения светских предметов, требовали изменения методики преподавания. Приходилось преодолевать сопротивление не только мусульманского духовенства, но и властей, в расчет которых никак не входило культурное развитие народов. В этой связи автор дает анализ деятельности джадидских (новометодных) школ, доказывая их положительное значение в распространении научных знаний среди татар.

Обстоятельно раскрыта в книге роль просветителей в пробуждении национального самосознания, в исследовании истории татарского народа, собирании памятников его культуры и научной разработке языка. Показано, что татарские просветители широко обсуждали и проблемы межнациональных отношений, выступая в защиту идеи дружбы народов. Считая необходимой предпосылкой вступления татарского народа на путь общественного прогресса приобщение к науке и культуре передовых наций, они решительно выступили против самоизоляции, всякого рода искусственных барьеров в общении народов, создаваемых системой национально-колониального гнета и реакционным духовенством.

Особо подчеркивали просветители необходимость дружбы с русским народом. В своей творческой и практической деятельности они (здесь в первую очередь следует назвать К. Насыри) содействовали установлению тесных контактов татар с русскими, организовывали изучение русского языка, знакомили свой народ с русской историей, культурой и обычаями. Они имели прочные плодотворные связи с русскими учеными, нередко выступали в русских аудиториях с научными докладами и сообщениями. Прав автор, утверждая, что «деятельность просветителей открыла просторы для распространения и утверждения среди татар интернационалистических тенденций и взглядов».

Автору удалось убедительно показать положительное значение деятельности татарских просветителей в развенчании вековых устаревших обычаев, средневеково-патриархальных отношений, поддерживаемых и освящаемых мусульманской религией, их слепого доверия муллам, имамам. Нет сомнения, что деятельность просветителей в Татарии создавала почву для распространения в дальнейшем более прогрессивных, в том числе и революционно-демократических и марксистско-ленинских идей. Раскрывая прогрессивную роль просветителей в духовной жизни татарского народа и развитии его культуры, Я. Г. Абдуллин показал также незрелость их идей, в конечном счете идеалистический характер их методологической позиции, классовую и историческую ограниченность их взглядов.

Научная объективность, всестороннее рассмотрение явлений, конкретно-исторический подход к ним, учет их сложной и противоречивой природы — соблюдение всех этих требований марксистско-ленинской методологии позволило автору правильно оценить и достаточно полно охарактеризовать татарское просветительство XIX века.

Р. МАВЛЮТОВ,
кандидат философских наук

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

«АНАФЕМА». Сборник рассказов. Одесса, изд-во «Маяк», 1976, 192 стр. с илл., 50 000 экз., 53 коп.

А. Белов и **А. Шилкин.** Диверсия без динамита. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., Политиздат, 1976, 183 стр., 200 000 экз., 40 коп.

Г. И. Вздорнов. ФРЕСКИ ФЕОФАНА ГРЕКА В ЦЕРКВИ СПАСА ПРЕОБРАЖЕНИЯ В НОВГОРОДЕ. М., изд-во «Искусство», 1976, 291 стр. с илл., 25 000 экз., 5 руб. 39 коп.

Ф. И. Долгих и **А. П. Курантов.** КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОИНОВ. М., Воениздат, 1976, 214 стр., 20 000 экз., 45 коп.

И. Р. Дрампян и Э. М. Корхмазян. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА МАТЕНАДАРАНА. М., изд-во «Искусство», 1976, 175 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 50 коп.

«ДРЕВНОСТИ ТАШКЕНТА». Сборник статей. Ташкент, изд-во «Фан», 1976, 131 стр., 1 200 экз., 80 коп.

В. Зоц. НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ. М., изд-во «Молодая гвардия», 1976, 142 стр., 50 000 экз., 22 коп.

В. Н. Комаров. РАСКРЫВАЯ ТАЙНЫ ПРИРОДЫ. М., изд-во «Моск. рабочий», 1976, 126 стр., 50 000 экз., 15 коп.

И. И. Кравченко. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС РЕЛИГИИ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 12). 1976, 64 стр., 55 100 экз., 11 коп.

Ж. О. Ламетри. Сочинения. Пер. с франц. М., изд-во «Мысль» 1976 551 стр., 40 000 экз., 2 руб. 15 коп.

М. Ласковая. БОГОИСКАТЕЛЬСТВО И БОГОСТРОИТЕЛЬСТВО ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Изд. 2-е, доп. М., изд-во «Моск. рабочий», 1976, 135 стр., 50 000 экз., 20 коп.

Г. П. Матвиевская. РЕНЕ ДЕКАРТ. 1596—1650. М., изд-во «Наука», 1976, 271 стр. с илл., 31 500 экз., 89 коп.

«ПРАЗДНИКИ В ДЕТСКОМ САДУ». М., изд-во «Просвещение», 1976, 384 стр., 202 000 экз., 81 коп.

В. И. Рутенбург. ТИТАНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ. Л., изд-во «Наука», 1976, 144 стр. с илл., 50 000 экз., 51 коп.

С. Н. Савельев. ЕМЕЛЬЯН ЯРОСЛАВСКИЙ — ПРОПАГАНДИСТ МАРКСИСТСКОГО АТЕИЗМА. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1976, 104 стр., 7 285 экз., 59 коп.

Н. Сахарный. ГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС. М., изд-во «Художественная лит-ра», 1976, 397 стр., 10 000 экз., 1 руб. 8 коп.

Л. Сердобольская и **Е. Вистунов.** ПОД ПРИКРЫТИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. Л., Лениздат, 1976, 143 стр., 100 000 экз., 24 коп.

Э. С. Смирнова. ЖИВОПИСЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА. Середина XIII— начало XV в. М., изд-во «Наука», 1976, 391 стр. с илл., 10 000 экз., 4 руб. 11 коп.

Л. Степанов. ШКОЛА У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ. — МАША-ЭММА (сокращенный вариант этой повести был напечатан в нашем жур-

нале в № 1, 3, 5, 7 за 1976 г.). М., изд-во «Молодая гвардия», 1976. 207 стр., 65 000 экз., 30 коп.

Р. Штайгервальд. МАРКСИЗМ. РЕЛИГИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ. Пер. с нем. М., Политиздат, 1976. 190 стр., 50 000 экз., 73 коп.

В. Г. Штюка. ПО ДОЛГУ СОВЕСТИ. М., Политиздат, 1976, 48 стр., 100 000 экз., 10 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

З. В. Балевиц. Историческое значение в формировании научно-материалистического мировоззрения. «Известия АН Лат. ССР», 1976, № 6, стр. 67—79.

Б. Э. Быховский. Знаменосец рационального познания. (Философские воззрения Ибн-Рушда). «Вопросы философии», 1976, № 11, стр. 130—139.

А. Воробьев. Обращаясь к сердцу и разуму. «Агитатор», 1976, № 22, стр. 52—53.

Г. А. Габинский. Богословие и логика. «Философские науки», 1976, № 6, стр. 82—89.

В. Гараджа. Современный католицизм и наука. «Политическое самообразование», 1976, № 12, стр. 81—89.

Г. В. Гладышев. Философия религии Гегеля как идейный источник раскола в лагере его последователей. «Вестник Ленингр. ун-та», 1976, № 11. Экономика. Философия. Право. Вып. 2, стр. 90—95.

Л. Енентайте. Фрейдизм и современное христианство. «Вопросы философии», 1976, № 11, стр. 151—157.

«Из истории культуры средних веков и Возрождения». М., 1976. Из содержания: **С. С. Аверинцев.** Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью, стр. 17—64; **А. Я. Гуревич.** Популярное богословие и народная религиозность средних веков, стр. 65—91; **С. С. Неретина.** Образ мира в «Исторической библии» Гийара де Мулэна, стр. 106—141.

С. Квасникова. Критика В. И. Лениным «религиозного гуманизма» в годы реакции. «Коммунист Молдавии». Кишинев, 1976, № 7, стр. 47—53.

В. С. Костюченко. Свами Вивекананда и индийский «философский ренессанс». «Философские науки», 1976, № 6, стр. 112—120.

Я. В. Минкявичюс. Религия в этнической структуре общества. «Вопросы философии», 1976, № 11, стр. 109—117.

Л. В. Мочалов. Обратная перспектива. Миф и версия реальности. В кн.: «Советское искусствознание». М., 1976, стр. 255—273.

В. А. Погодаев. Политическая роль ислама в современной Малайзии. «Вестник Моск. ун-та. Востоковедение», 1976, № 1, стр. 32—39.

Н. Н. Покровский. Книга о житии протопопа Аввакума. Рец. на кн.: Н. С. Демкова. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). «Русская литература», 1976, № 2, стр. 206—208.

С. Дж. Рзакулизаде. К проблеме пантеизма. «Известия АН Аз ССР». Серия истории, философии и права. 1976, № 1, стр. 118—125.

Е. Рюмин. Развенчивая старое, утверждать новое. «Знания — народу», 1976, № 11, стр. 46—48.

«Формирование научного мировоззрения». Чебоксары, 1976, вып. 2. Из содержания: **Р. С. Кириллов.** Культурная революция в Советской Чувашии и некоторые проблемы формирования научно-атеистического мировоззрения трудящихся, стр. 111—118; **Ю. С. Гуров, Т. Г. Гурова.** Идейно-теоретическое содержание формирования научно-атеистического мировоззрения школьников, стр. 118—130; **Г. Е. Кудряшов.** Эволюция религиозных представлений истинно православных христиан-чувашей, стр. 130—143.

Э. М. Щагин. Рец. на кн.: В. Ф. Зыбковец. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). «История СССР», 1976, № 4, стр. 175—177.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ЕМЕЛЬЯНОВ Анатолий Федорович — руководитель лекторской группы Тувинского обкома КПСС, лектор-атеист, автор очерков о жизни старообрядцев в Туве. Поэт, автор поэтических сборников «Солнце в Эртине», «Если ты Человек», «Всегда в командировке», «Упорство». В нашем журнале печатается с 1963 года.

ПОПОВА Марта Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории атеизма МГУ. Автор монографии «Критика психологической апологии религии» (М., 1973), ряда брошюр и статей по проблемам психологии религии в научных сборниках, «Вопросах научного атеизма», «Вестнике МГУ», «Философских науках» и других периодических изданиях. В нашем журнале печатается впервые.

МАЛАХОВА Ирина Александровна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор статей по вопросам атеизма в сборниках и журналах, в том числе и в «Науке и религии». В 1970 году в «Политиздате» вышла ее книга «Духовные христиане».

ПРЕКРАСНАЯ, МОГУЧАЯ СИЛА

ЖИЗНЬ любого края становится ярче, богаче, интереснее, если в ней активно участвует женщина. Ее руками, умом и чувствами создается в мире огромное количество материальных и духовных ценностей. Лучшие люди давно открыли в женщине источник творческих сил, вдохновения, видели в ней возвышающую силу. Вспоминаются слова К. Маркса: «Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола». Наша социалистическая действительность — яркое подтверждение их истинности.

Многие века разные религии губили в женщине человека, внушали ей сознание ее собственной греховности, неполноценности. Под влиянием этой проповеди формировалась психология женщины, единственным содержанием ее духовной жизни становилось самобичевание, самоуничижение, замаливание «грехов».

А условия существования женщин в эксплуататорском обществе таковы, что они, по словам В. И. Ленина, изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы... их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биение сердца становится вялым, воля слабой. Не зря говорилось всегда, что удел женщины — терпение.

Стремительный прогресс нашего общества вывел женщину из прежнего духовного и материального порабощения. И в этом освобождении немалую роль сыграла победа во всех сферах нашей жизни массового атеизма. В этом еще раз наглядно проявилось его высокое нравственное, гуманистическое содержание. Религия обрекала женщину на угнетение, оправдывая и освящая то положение, в котором находилась женщина. Атеизм ведет ее к активной, сознательной жизни, приобщая к смыслу бытия.

Жизнь женщин в СССР и других социалистических странах — вдохновляющий пример для их сестер во всем мире. Женщины мира ощущают свое единство, общность своего предназначения. При поддержке всех прогрессивных сил миллионы их борются за свои права, за счастье своих детей, за прочный мир на земле.

Адрес редакции: 109004, Москва, Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51, 297-10-89. А 07613. Сдано в набор 16. XII. 76 г. Подписано к печати 26. I. 77 г. Тираж 440.000 экз. Зак. 06297. Бумага 84×108¹/₁₆. Физ. п. л. 6. (10.08 усл. п. л.).
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна». г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Жены чилийских патриотов, арестованных хунтой, объявили голодовку в знак протеста против политического произвола на их родине.



Демонстрация молодежи в ФРГ в защиту прав человека. На плакатах лозунги: «Свободу работать по профессии!», «Защищайте права человека!»

На Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве.



Фото А. Годунова



Молодая жительница независимого Мозамбика.

Митинг протеста японских женщин против роста стоимости жизни.



Поселок Баталию в Шри Ланка называют деревней «красивых невест».



Фотохроника ТАСС



Цена 30 коп.
70602